

ISSN 2227-2844

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 24 (259) ГРУДЕНЬ

2012

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

№ 24 (259) грудень 2012

Частина I

Засновано в лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію:
серія КВ № 14441-3412ПР,
видане Міністерством юстиції України 14.08.2008 р.

Збірник наукових праць внесено до переліку
наукових фахових видань України
(педагогічні науки)
Постанова президії ВАК України від 14.10.09 №1-05/4

Журнал включено до переліку видань реферативної бази даних
«Україніка наукова» (угода про інформаційну співпрацю
№ 30-05 від 30.03.2005 р.)

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка
(протокол № 4 від 30 листопада 2012 р.)

Виходить двічі на місяць

Засновник і видавець –
ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор – доктор педагогічних наук, професор **Курило В. С.**

Заступник головного редактора –

доктор педагогічних наук, професор **Савченко С. В.**

Випускаючі редактори –

доктор історичних наук, професор **Бур'ян М. С.**,

доктор медичних наук, професор **Виноградов О. А.**,

доктор філологічних наук, професор **Галич О. А.**,

доктор філологічних наук, професор **Глуховцева К. Д.**,

доктор педагогічних наук, професор **Горошкіна О. М.**,

доктор сільськогосподарських наук, професор **Конопля М. І.**,

доктор філологічних наук, професор **Синельникова Л. М.**,

доктор педагогічних наук, професор **Харченко С. Я.**

Редакційна колегія серії «Філологічні науки»:

доктор філологічних наук, професор **Блохіна Н. Г.**,

доктор філологічних наук, професор **Галич В. М.**,

доктор філологічних наук, професор **Глуховцева К. Д.**,

доктор філологічних наук, професор **Гриценко П. Ю.**,

доктор філологічних наук, професор **Зеленько А. С.**,

доктор філологічних наук, професор **Фоменко В. Г.**,

доктор філологічних наук, професор **Дмитренко В. І.**,

доктор філологічних наук, професор **Синельникова Л. М.**,

доктор філологічних наук, професор **Трошева Т. Б.**,

доктор філологічних наук, професор **Червинський П. П.**

РЕДАКЦІЙНІ ВИМОГИ

до технічного оформлення статей

Редколегія «Вісника» приймає статті обсягом 4 – 5 сторінок через 1 інтервал, повністю підготовлених до друку. Статті подаються надрукованими на папері в одному примірнику з додатком диска. Набір тексту здійснюється у форматі Microsoft Word (*.doc, *.rtf) шрифтом № 12 (Times New Roman) на папері формату А-4; усі поля (верхнє, нижнє, правє й лівє) — 3,8 см ; верхній колонтитул — 1,25 см , нижній — 3,2 см .

У верхньому колонтитулі зазначається: Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка № ** (***) , 2012.

Статті у «Віснику» повинні бути розміщені за рубриками.

Інформація про УДК розташовується у верхньому лівому кутку без відступів (шрифт нежирний). Ініціали і прізвище автора вказуються в лівому верхньому кутку (через рядок від УДК) з відступом 1,5 см (відступ першого рядка), шрифт жирний. Назва статті друкується через рядок великими літерами (шрифт жирний).

Зміст статті викладається за планом: постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями; аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано розв'язання цієї проблеми та на які спирається автор; виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, яким присвячується ця стаття; формулювання цілей статті (постановка завдання); виклад основного матеріалу дослідження з певним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; висновки з цього дослідження й перспективи подальших розвідок у цьому напрямку. Усі перелічені елементи повинні бути стилістично представлені в тексті, але графічно виділяти їх не треба.

Посилання на цитовані джерела подаються в квадратних дужках після цитати. Перша цифра — номер джерела в списку літератури, який додається до статті, друга — номер сторінки, наприклад: [1, с. 21] або [1, с. 21; 2, с. 13 – 14]. Бібліографія і при необхідності примітки подаються в кінці статті після слова «Список використаної літератури» або після слів «Список використаної літератури і примітки» (без двокрапки) у порядку цитування й оформляються відповідно до загальноприйнятих бібліографічних вимог. Бібліографічні джерела подаються підряд, без відокремлення абзацем; ім'я автора праці (або перше слово її назви) виділяється жирним шрифтом.

Статтю закінчують 3 анотації обсягом 8 рядків українською, російською та англійською мовами із зазначенням прізвища, ім'я та по-батькові автора, назви статті та ключовими словами (3 – 5 термінів).

Стаття повинна супроводжуватися рецензією провідного фахівця (доктора, професора).

На окремому аркуші подається довідка про автора: (прізвище, ім'я, по батькові; місце роботи, посада, звання, учений ступінь; адреса навчального закладу, кафедри; домашня адреса; номери телефонів (службовий, домашній, мобільний).

КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЗМІСТ

Синельникова Л. Н. О содержании этого выпуска.....	6

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

1. Синельникова Л. Н. Нанолингвистика: векторы формирования	9
2. Джинджолия Г. П. Метафорические предпосылки политического нарратива	18
3. Соболева И. А. Ироническая дискурсивная стратегия как доминанта современного медиасознания	24
4. Розсоха В. А. Лингвокультурный код слова <i>hoto</i> (человек) в латинской фразеологии	30
5. Минаева Э. В., Пономарева Т. А. Эссе в прагмалингвистическом осмыслении.....	35
6. Масленников И. С. Анализ и восприятие обратной связи через призму оценочного дискурса	44
7. Розсоха А. В. Диалогичность как одно из основных лингвопрагматических свойств иронии (на материале произведений Н. Тэффи)	50
8. Унукович Е. А. Жанр карикатуры как сжатый политический текст	58
9. Матросова И. В. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе	65

НАШИ ГОСТИ

10. Червинский П. П. Лексемы советского песенного дискурса в контексте анализа идеологических парадигм (Польша, Силезский университет)	72
11. Квятковска Т. Параллелизм заимствований в русском и польском языках (на примере иностранных слов с приставками супер-, архи-, экстра-) (Польша, Силезский университет)	80
12. Кошман И. Н. Грамматика фамилий на -ко в современной русской речи Украины (Луганск, Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля)	87

ХРОНИКА

13. **Синельникова Л.Н.**
XI Международная конференция «Дискурсология: язык,
культура, общество» (Луганск, 17 – 26 мая 2012) 94
14. **Круглый стол «Дискурсология: от настоящего к будущему» ..** 96

ПАМЯТИ УЧЁНОГО, КОЛЛЕГИ, ДРУГА

15. **Дружбинский В. С** Сахалина — в Галичину:
«добровольная» ссылка 112
- Відомості про авторів**..... 122

О СОДЕРЖАНИИ ЭТОГО ВЫПУСКА

Изучение современных коммуникаций требуют комплексного подхода в условиях реальной междисциплинарности. Дискурсологический подход обеспечивает выполнение такого рода условий, так как вбирает интерпретации когнитивного характера и даёт возможность соотнести с последними риторические, социолингвистические, стилистические, грамматические показатели. В дискурсе проявляется многослойность языкового сознания и тонкости его вербализации. Дискурс-анализ — это, по сути, «считывание» информации о событиях речи и их экстраполяция на события жизни и (или) наоборот — инициирование событиями жизни речевых действий. Статьи очередного выпуска «Коммуникация в современном мире» демонстрируют ряд актуальных направлений современной «расширенной» за счёт дискурсологического подхода лингвистики.

С одной стороны, дискурс-анализ позволил расширить представление о видах и типах коммуникаций, коммуникативных событий и действий (стратегий и тактик), то есть увеличил масштабы рассмотрения средств и категорий языка, с другой — дал возможность применить оптику минимализации, детализации вербального плана коммуникаций с целью увидеть тонкости языка как средства выражения мысли, её индивидуализации. Статья Л. Н. Синельниковой «Нанолингвистика: векторы формирования» посвящена новому, практически не исследованному научному тренду, связанному с нанотехнологиями (более объёмное описание проблемы представлено в статье автора «Нанолингвистика: реальность существования» — ж. «Respectus Philologicus», № 22, 2012, с. 70—84).

Нарративный дискурс как совокупность событийных фактов привлекает внимание филологов возможностью системного описания комплекса языковых фактов, имеющих повышенно презентационный характер. В статье Г. П. Джинджолия «Метафорические предпосылки политического нарратива» в такой роли выступают метафорические номинации разной тематической наполненности, способные обеспечить интердискурсивность политических событий.

Современный медиадискурс иллюстрирует неограниченное множество коммуникативных стратегий и тактик, связанных с особенностями мировосприятия и оценки событий жизни. Статья И. А. Соболевой «Ироническая дискурсивная стратегия как доминанта современного медиасознания» посвящена описанию иронического механизма медиадискурса в условиях разных ценностных ориентаций личности. Попытку интерпретировать приём иронии через внимание к языковым тонкостям организации текста мы склонны отнести к нанотехнологиям: именно «минимализм», игра с вербальными тонкостями обеспечивает переход от прямой коммуникации к непрямой, косвенной.

Для сложившейся к началу XXI века когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы по-прежнему актуально изучение фразеологической семантики языковых единиц в русле лингвокультурологии. Репрезентируя общечеловеческие ценности, латинские крылатые фразы приобрели особую прагматическую нагрузку, т. к. именно в рамках древнеримской культуры начали формироваться черты культуры «мировой». В статье В. А. Розсохи сделана попытка определить лингвокультурный код слова **homo** (*человек*) посредством анализа крылатых латинских фраз с этим компонентом.

Когнитивный потенциал жанра эссе, его особую диалогичность, в полной мере укладывающуюся в концепцию глобальной диалогичности М. Бахтина и проявляющуюся в тонкостях организации текста от 1-го лица, авторы статьи «Эссе в прагмалингвистическом осмыслении» Э. В. Минаева и Т. А. Пономарёва попытались превратить в «дискурс знания». Попытка в целом удалась, но продолжение, как кажется, должно последовать: нужны развёрнутые текстовые аргументы.

Когнитивно-прагматический потенциал оценки неисчерпаем. От выбора коммуникативного действия оценочного характера зависит успех или неуспех общения. Обратная связь как атрибут дискурсивных действий в той или иной форме содержит элемент оценки. Речевой акт комплимента строится на семантике оценки. Об этом (и не только) — статья И. С. Масленникова «Анализ и восприятие обратной связи через призму оценочного дискурса».

Новый аспект в исследовании особенностей сжатого текста представлен в статье Е. А. Унукович «Жанр карикатуры как сжатый политический текст». Карикатура — знак особой фактуры политического текста, в котором вербальная и невербальная части, дополняя друг друга, создают семиотически обогащённый текст. Креолизованные тексты — особый формат сжатого текста, проявляющий собственные возможности компрессии и, соответственно, меняющий представление о категориях текста, прежде всего о категории информативности.

Гендерный дискурс имеет большой набор признаков мужской и женской речи, мужских и женских моделей речевого поведения. В статье И. В. Матросовой «Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе» уделено внимание оценочному потенциалу определений-прилагательных, грамматическое значение которых, подкреплённое соответствующей семантикой, представляет существенный параметр гендерного дискурс-анализа.

Материалы статьи А. В. Розсохи «Диалогичность как одно из основных свойств иронии (на материале произведений Н. Тэффи)» подтверждают актуальность диалогического принципа в описании приёмов непрямого говорения, к числу которых относится ирония. «Монологические» теории иронии ориентировались на говорящего (адресанта), «диалогические» — на дискурсивное взаимодействие говорящего (адресанта) и слушающего (адресата). В пространстве такого

рода взаимодействия возникают «прагматические факторы риска» (А. А. Романов): непонимание или неправильное понимание иронического высказывания.

Статья И. Н. Кошман «Грамматика флексий на *-ко* в современной речи Украины» подтверждает факт особого отношения к кодифицированной морфологической норме в современной русскоязычной публицистике Украины и в интернет-коммуникациях.

В этом выпуске две статьи наших польских коллег: профессора П. П. Червинского «Лексемы советского песенного дискурса в контексте идеологической парадигмы» и адъюнкта Т. Квятковской «Параллелизм заимствований в русском и польском языках (на примере иностранных слов с приставками *супер-*, *архи-*, *экстра-*)». Знакомство с работами коллег даёт возможность выявить как общие позиции и интересы учёных разных стран, так специфический взгляд на положение вещей. Публикации статей польских русистов продолжают сотрудничество кафедры с Силезским университетом (см. рецензию на монографию П. П. Червинского «Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации» и статью автора монографии в Віснике Луганського національного університету, № 23, 2011).

Статья, посвящённая М. В. Теплинскому, — знак нашей любви к нему и доброй памяти о великом филологе.

Профессор Л. Н. Синельникова

**КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

УДК 81'1–047.48

Л. Н. Синельникова

НАНОЛИНГВИСТИКА: ВЕКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ¹

Нанотехнологии и нанонаука — современный научный тренд. Нанотехнологии вызывают интерес, но определённых ответов на многие вопросы пока не существует. Неопределённость и сложность могут быть объяснимы тем, что *нано* — область знаний, связанных с новым подходом к структуре материи. Любая субстанция устроена неоднородно, пребывает в разных пространственных масштабах. Приставка *нано* (от греч. «nanos» — карлик) обозначает размер 10^{-9} в минус 9-й степени (одна миллиардная доля какой-либо величины). *Наноруровень* — это другая оптика, позволяющая увидеть невидимое, но существующее (и, как правило, существенное) через понимание особенностей самоорганизации материи, взаимодействия с другими объектами, возможности и результатов объединения, интегрирования («послойная сборка» объекта). На таких характеристиках концепции *нано-* основывается определение нанонауки и нанотехнологии в Википедии: междисциплинарная область фундаментальной и прикладной науки и техники, имеющая дело с совокупностью теоретического обоснования, практических методов исследования, анализа и синтеза, а также методов производства и применения продуктов с заданной атомарной структурой путём контролируемого манипулирования отдельными атомами и молекулами; *нанотехнологии* — это технологии манипулирования веществом на атомном и молекулярном уровне (<http://ru.wikipedia>).

Развиваясь, человечество переживает множество интеллектуальных революций — от возникновения письменности до изобретения компьютера, Интернета, мобильных телефонов и т. д. Инновационный люфт начал активно заполняться с 2000 года. С тех пор темпы развития ускорились и спрос на инновации продолжает увеличиваться. Нанотехнологии — носители модерноцентрического взгляда на природу вещей, картину мира и возможности её преобразования уже в недалёком будущем. Об этом говорит перечень уже заявленных областей научного знания: *наносоциология, наноистория, наноэкономика, наномедицина, нанофармакология, нанотекстиль, нанопсихология, наноискусство, наноживопись* и многое

другое — всё это свидетельства *нанозры*, которая изменит человеческую цивилизацию и которая по прогнозам может наступить к середине 21 века.

«Теперь везде приставка НАНО», — так вслед за поэтессой А. Изриной (<http://www.stihi.ru>) могут сказать *наноскептики*. О нанотехнологиях в последние годы говорят много. Мнения разные: от веры в чудодейственные возможности решения едва ли не любых проблем до полного непонимания и недоверия к очередной сенсации, занимающей всё большее пространство в мире новых научных технологий. С некоторой долей иронии воспринимаются номинации: *нанобум*, *наноеда*, *наноодежда*, *наномитинг*, *наносвадьба*, *наноромантики* («поэты-в-минус-девятой-степени», восхищающиеся мелочами жизни, видящие «бесконечность в чашечке цветка»), *нанодефиле* (рассмотрение деталей одежды под микроскопом — из какого материала, есть ли дополнительная защита от аллергии, как и с каким эффектом соединяются ткани и т. д.), *нанобессмертие* и под. Ироничен по большей части и форумный сегмент Интернета: в свете последних техновеяний предлагается немного изменить словарь: заменить микроскоп на *наноскоп*, микрометр на *нанометр*, микрофон на *нанофон*, микроавтобус на *наноавтобус* и т. д.

Междисциплинарность как координация наук и их интеграция в исследовательской деятельности — один из основных признаков современного научного знания. Ни одна из наук в современных условиях не может обречь себя на изоляцию. Многие виды взаимодействия наук привычны, другие находятся на стадии становления: лингвофилософия, лингвоэкология, биолингвистика, соционика, лингвофизика и др. Объединение биологии, физики, математики, квантовой механики, нейрофизиологии для рассмотрения гуманитарных наук вряд ли выглядит привычным. Проблемы совместимости относятся к числу наиболее сложных: лизинг методологий, с одной стороны, эвристичен, с другой — обнаруживает нестыковки, противоречия и всегда является поводом для критики, которая по большей части касается нечёткости (аморфности, эклектичности) объекта, предмета и методов исследования.

Нанотехнологии — формирующаяся комплексная научно-техническая дисциплина, ориентирующаяся на несколько базовых теорий одновременно. Нанотехнологии можно рассматривать в общем контексте с такой набирающей силу областью знания, как синергетика. Теория самоорганизации включает множество проявлений, каждое из которых имеет проекцию в нанотехнологии: хаос может выходить из порядка, порядок Б из порядка А, порядок из хаоса. Союз гуманитарных наук с синергетикой, синергетическое измерение искусства, поэтическая синергия слова, дискурсивно-синергетический подход к речевой семантике — эти идеи и концепции значимы для «философии» наноука [1; 2].

Есть все основания считать, что путь к нанотехнологиям в гуманитарном знании лежит через когнитивные науки. Когнитология ориентирует на выявление наблюдаемых и потенциальных свойств языка, на установление причинно-следственных связей между языком, психикой, языковым сознанием, на описание способов «упаковки» мысли в слове, тексте, дискурсе. В русле постнеклассических познавательных установок востребовано понимание языка как составляющего сознания, которое, в свою очередь, зависит от социальных процессов.

Нанотехнологии относятся к постнеклассической эпохе, в которую над плюрализмом наук надстраивается единство, но в единстве происходит дальнейший рост плюрализма, то есть единство не устраняет плюрализм, равно как не устраняет преемственную смену эпох: от неклассики к постнеклассике (<http://postneklassika.ru>).

О том, что нанотехнологические идеи не чужды лингвистике, говорится крайне мало, очень осторожно и, как правило, без методологических обоснований и убеждающих примеров, что позволяет считать проблему относящейся к модерноцентрическому сегменту современной гуманитарной науки, находящемуся в зоне действий критического дискурса.

Можно отметить интерес к нанотехнологиям в лингводидактике [3]. С помощью нанотехнологий, в частности, разрабатывается компетентностная модель самопроизводства личности, способной к эффективной межкультурной коммуникации. «Подобно атому, состоящему из ядра и электронов, в межкультурной коммуникативной компетенции выделяются центр и периферия, содержащие как лингвистические, так и культурные компоненты, соотношение которых является чрезвычайно важным для конструирования способности к межкультурной коммуникации» [4, с. 15].

Рассматривая вопрос о праве на существование нанолингвистики, акцентируем внимание на «факторе масштаба» как ключевом моменте: изменяя размер, получаем новые свойства. Нанолингвистика — это поиск путей для углублённого рассмотрения объекта. При этом предшествующий опыт интерпретации языковых феноменов стимулирует последующие шаги рассуждений по накоплению знаний о свойствах объекта.

Нанолингвистику мы определяем как междисциплинарную область знания, объектом которой является весь язык, точнее, те его единицы и составляющие, которые наноструктурированы, то есть составлены из величин, которые могут быть индексированы как тонкие свойства языковой материи. Рассмотрение движения «атомов» и «молекул» смысла, их конфигурации в тексте («управление молекулами для создания новых молекул») видоизменяет представления о познанных и не познанных (но существующих) свойствах языка. Наночастицы выявляются в «послойной сборке» объекта, с учётом его кореферентных

связей — происходит интеграция в системы большего масштаба, микромир и макромир оказываются органически связанными. Нанотехнологии в интерпретации языковых явлений имеют смысл тогда, когда в результате последовательности действий обнаруживаются новые свойства исследуемого объекта.

Отсутствие словаря нанолингвистических терминов объясняет использование понятий, созданных в технических науках, что подтверждает активность процесса междисциплинарного лизинга, но не исключает в будущем необходимости упорядочивания терминологического аппарата через определения семантического поля слов, имеющих отношение к наноисследованиям.

Выделим возможные направления нанолингвистических интерпретаций:

1. Новації в словообразовании, когда происходят действия не с веществом (словом), а с его составными частями, то есть осуществляется «поштучная сборка веществ из отдельных атомов». «Новая сборка», которая по большей части осуществляется в СМИ и в рекламных текстах, способствует переходу окказиональной словообразовательной структуры в мыслеобраз на основе создания новой референтной основы: *МОРаторий*, *удоVOLVствие*, *cd-чейнджер*, *ТвойДоДыр*, *хультаура* (культура и халтура), *апофигей* (апофеоз и пофигизм), *плюньбой* (плейбой, на который хочется наплевать), *шоУБИзнес*, *фаберЛЖЕ* и под. Трансформируется традиционное для лингвистики понятие «внутренняя форма слова» и само представление о так называемом генетическом уровне национального языка (особенно значимы в этом случае новообразования, составленные из морфем разных языков). Такого рода «сборку молекул» мы называем биологическим парадоксом [5]. Трансформации этимологической реальности под особым углом зрения рассматриваются в криптолингвистике [6]. Большинство словообразовательных новаций квалифицируется лингвистами как языковая игра [7]. Нанолингвистический подход позволяет применить новый инструментарий интерпретации, объясняющий, как образуется новое «вещество» на основе специфического пространственного размещения морфем и квазиморфем.

2. На лексическом уровне нанотехнологии проявляются в традиционной для семантического анализа методике компонентного (семного) деления слова. Сема, по сути, и есть наночастица — «мельчайшее образование с заранее заданными свойствами».

Наносемантика оказывается востребованной в условиях изменяющегося «лингвистического ландшафта», стремительно пополняющегося разного рода заимствованиями. Трудно обойтись без нанотехнологических действий как когнитивного инструментария для адаптации заимствований, таких, например, как *тьютор* и *наставник*, *диджей*, *виджей*, *тиджей* и мн. др., которые в речевых практиках подвергаются псевдосинонимизации.

3. Нанотехнологии в лингвистике тесно связывают последнюю с физикой и нейрофизиологией. Система восприятия включает подсистемы: зрительную, слуховую, звуковую, обонятельную и осязательную. «Сенсорная лингвистика ... напрямую выводит на феномен нанолингвистики» [8]. Лингвосенсорика — область лингвистического знания, занимающегося языком перцепции, вербальной репрезентацией показаний пяти органов чувств [9].

Психосемантика цвета — наука о подсознательных аспектах восприятия цветов. В нанотехнологиях — одно и то же вещество, облучённое ультрафиолетом, даёт широкий спектр цвета, и неделимое начинает делиться. Цветовые оттенки в текстах (прежде всего — художественных и публицистических [10]) также выводят на нанолингвистическую хроматологию.

Одорология (наука о запахах) и связанная с ней ароматерапия рассматривают влияние ароматов на психическое и физическое состояние человека [11]. Представления о запахе формируются «в зависимости от числа образовавшихся связей, электронной плотности зарядов, их взаимного расположения» [12, с. 7]. Взаимное расположение, число и плотность связей обнаруживается на вербальном уровне в передаче тончайших оттенков запаха.

Психологи и лингвисты отмечают иерархический характер компонентов системы: слух и зрение — основные перцепции. В то же время в языковой картине мира проявлена взаимоналожимость, связанная с высокой плотностью рецепторов: запахи мы слышим, ощущаем на вкус, на вес, оцениваем их температурные характеристики; звуки воспринимаем акустически, ощущаем на вес и цвет. Синестезия (смешение чувств и ощущений) относится к числу нанообъектов. Таким образом, лингвосенсорика представляет собой обширный и сложный наномир, ориентированный на оттенки [13, с. 457]. Эвристика «вчувствования» — это способность передавать тончайшие оттенки цвета, запаха, вкуса, что особенно значимо в условиях дефицита сенсорных образов в современных речевых практиках.

4. Процедура «сборки объекта» в полной мере проявляет себя в авангардной поэзии, демонстрирующей свойства языка в экстремальной ситуации. Субъективное семантическое пространство поэта пребывает в своеобразной ноосфере: высвобождается скрытая энергия слов через их взаимное расположение и создаётся свой мир упорядоченных структур. Происходит «самосборка» картины мира через «манипулирование атомами». Здесь уместно применить понятие дисперсности (лат. *dispersus* — рассеянный, рассыпанный) — химическая, физическая величина; степень раздробленности вещества на частицы; чем меньше частицы, тем больше дисперсность; мера дисперсности — отношение общей поверхности всех частиц к их суммарному объёму или массе.

Свойства большого массива авангардных текстов основываются на «наноразмерных структурах». С. Соловьёв [14] определил поэзию

таким образом: «Это предельная концентрация, цыпочки моего существа, это втягивание себя в ушко невозможного, выход за свои пределы, это — всегда — катастрофа» [14, с. 215]. Приведём характерные для этого поэта примеры «наноструктур».

Поэтическая лимнология — манипулирование «веществом» слова, нарушение его границ в результате «молекулярных трансформаций»: *Проснись, моя милая! Чаю / горячего выпьем с тобою и в пут- / ь... Слова. Остальное — молчанье.*

Интегрирование сегментов номинаций разных денотатов в слово: *«...Есть ли жизнь на Марксе?» — / Отвечаю. Земля, марксиане всех стран / пятипалы, рождаются в пиве, / и в пиво уходят». — Сестра! — Я — сестра, / моя жизнь сегодня в разливе». Стрелки движутся ощупью. Ты в раствор / окунаешь лакмус; / лакомое воровство, Себастьян Бахус (с. 123). К этим примерам можно применить оценки самого автора — «кромешный демонтаж»; «Открытое множество: // каждая точка для остальных // является внутренней. ... В каждой точке есть форточка».*

Разложение «вещества» имени, собственная «математика» заполнения матричных клеток: *Я — избранник, а ты — моя пани. / И всё выше идём мы: я — Лиля, ты — Брик. / Или так: я — Франциск, ты — Ассизский. Ты — дисциплинарная матрица Южной школы / типа Шолом Алейхема минус Алишер Навои.*

Лексико-грамматические аппликации: *Всё смелее, всё глубже, всё чаще, / и всё нищие, и нищие, и нищие...*

Такие свойства авангардной поэзии, как антиномичность, парадоксальность могут быть показаны и доказаны с помощью методов нанолингвистики.

Границы применимости технологий нанолингвистики могут быть расширены, что приведёт к пополнению эвристического исследовательского ресурса.

Методы нанолингвистики особо значимы для нескольких научных направлений, появившихся совсем недавно и находящихся на стадии первоначального становления. К числу таких наук относится: лингвосенсорика, в её фундаментальных и прикладных аспектах [9]; лингвистика креатива [15]; теория «лингвистического ландшафта» как динамической синхронии, формирующей новую реальность, в которой объект рассматривается как процесс [16]. Каждая из названных областей научного знания направлена на «освежение терминологического инструментария» (В. К. Харченко). Сенсорная лингвистика — область лингвистического знания, которая занимается языком перцепции. Формирование перцепции требует тщательного анализа «минималистских» семантических признаков разных чувств и эмоций не только на семантическом уровне, но и на уровне когнитивно-эмотивном. Лингвистика креатива ориентирует на поведение человека в языке, на языковую личность как «продукт» речевой деятельности. Технологии

развития креативной личности — это и технологии работы «человека играющего» (*homo ludens*) со словом, с текстом, поскольку языковая игра требует понимания тонкостей в выборе и комбинировании языковых средств. Понимание «лингвистического ландшафта» как динамической синхронии требует учитывать тонкие изменения в языковой картине мира.

Особо выделим проблему «Дискурсология в нанопроцессах»: в дискурсе проявляются многослойность языкового сознания и тонкости его вербализации. Дискурс-анализ — это, по сути, считывание информации о событиях речи и их экстраполяция на события жизни.

Подведём итоги. Состояние нанолингвистики даёт основание для предварительных допущений относительно перспектив миниатюризации объектов исследования. *Первое допущение*: выход из одномерного видения языковых явлений и фактов через «опыт дифференцирующего разума» (С. Аверинцев), через изменение масштаба наблюдений (детализацию, микроскопию), то есть повышенное внимание к тонкостям материи языка. *Второе допущение*: «размерный эффект» можно считать доказанным только в случае выявления тех свойств языковых единиц, которые не были выявлены с помощью других методик. *Третье допущение*: новые техники интерпретации должны обнаружить новые возможности понимания роли языка в разнообразии ментальных репрезентаций, помочь сформировать «новую понятийную сетку» (Кун). При условии полноценной реализации названных допущений *Nano sapiens* в относительно недалёком будущем может стать носителем новой компетенции, требующей знания особых методов работы с разнообразной информацией. Но это может произойти при условии формирования «интерпретативного сообщества» [17], нацеленного на систематизацию нанолингвистического знания.

Нанолингвистика — одно из свидетельств неограниченности научного познания и неограниченности применений познанного. «Но истиной нельзя обладать, она должна воссоздаваться в каждой точке и по всем частям. И это воссоздание называется интерпретацией. То есть истина есть интерпретативное явление» [18, с. 388].

Список использованной литературы и примечания

- 1. Алефиренко Н. Ф.** Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания, культуры : [монография] / Н. Ф. Алефиренко. — М. : Academia, 2002. — 280 с.
- 2. Пойзнер Б. Н.** О союзе гуманитарных наук с синергетикой / Б. Н. Пойзнер // Вестник Томского гос. ун-та. Гуманитарный специальный выпуск. — Т. 266. — Январь 1998 г. — С. 98—102.
- 3. Нанотехнологии** в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общего пространства стран СНГ : [тезисы Межд. научно-практической конференции]. — М., 2007. — 72 с.
- 4. Ирисханова И. К.** Принципы нанотехнологии в лингводидактике // Нанотехнологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность?

Опыт создания общего пространства стран СНГ : [тезисы Межд. научно-практической конференции] / И. К. Иришханова. — М., 2007. — С. 15.

5. Синельникова Л. Н. Современные словообразовательные новшества в пространстве модальной рамки текста / Л. Н. Синельникова // Жизнь текста, или Текст жизни : [Избранные работы в 3-х тт.]. — Т. 2. — Луганск : Знание, 2005. — С. 38—44.

6. Базылев В. Н. Криптолингвистика : [монография] / В. Н. Базылев. — М. : Изд-во СГА, 2010. — 277 с.

7. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 — «русский язык» / С. В. Ильясова. — Ростов-на-Дону, 2002. — 432 с.

8. Харченко В. К. Сенсорная лингвистика / В. К. Харченко // *Держава та регіони*. — 2008. — № 4. — С. 32—37. — (сер. «Гуманітарні науки»).

9. Харченко В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 216 с.

10. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах : [учеб. пособие] / О. Н. Григорьева. — М. : Флинта : Наука, 2004. — 248 с.

11. Панченко Е. В. Социопсихические и культурные функции запаха в жизнедеятельности человека : дис. ... канд. филол. наук : 09.00.13 — «Религиоведение, философская антропология, философия культуры» / Е. В. Панченко. — Ростов-на-Дону, 2003. — 124 с.

12. Славин С. О чём говорят запахи? / С. Славин // *Знак вопроса*. — 1995. — №1. — С. 5—13.

13. Харченко В. К. Словарь богатств русского языка / В. К. Харченко. — М. : АСТ : Астрель, 2006. — 843 с. (словарная статья «Оттенки»).

14. Соловьёв С. Пир: тексты, стихи, беседы / С. Соловьёв. — Симферополь : Таврия, 1993. — 320 с.

15. Лингвистика креатива : [коллективная монография] / [отв. ред. Т. А. Гридина]. — Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2010.

16. Кирилина А. В. Описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка в эпоху глобализации [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина. — Режим доступа к ресурсу : https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:piSsIoGd6mEJ:cognitive.rggu.ru/binary/object_92.1319436503.58592. object_921319436503.58592.doc.

17. Щирова И. А. Текст, смысл и интерпретативные сообщества / И. А. Щирова // *Studia Linguistica*. Человек. Язык. Познание : [сб. науч. тр. XIX]. — СПб. : Политика-сервис, 2010. — 314 с.

18. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути) / М. Мамардашвили. — М. : Ad Marginem, 1995. — 547 с.

¹Видеопрезентация материалов по нанолингвистике помещена в Интернете. См: [YouTubeImpactonline21](https://www.youtube.com/watch?v=...).

Синельникова Л. М. Нанолінгвістика: вектори формування

Аргументація права існування нанолінгвістики ґрунтується на «факторі масштабу» як ключовому моменті: змінюючи розмір, можна отримати інформацію про нові властивості об'єкта. Нанорівень в розгляді мовних фактів базується на особливій оптиці, що дозволяє побачити не завжди явне, але існуюче (і суттєве) через розуміння особливостей самоорганізації матерії, взаємодії з іншими об'єктами, виявлення можливостей і результатів інтегрування. Нанолінгвістика — це пошук шляхів для поглибленого розгляду об'єкта. При цьому попередній досвід інтерпретації мовних феноменів стимулює наступні кроки міркувань по накопиченню знань про властивості об'єкта.

У статті названі можливі вектори інтерпретаційних дій в області сучасного словотвору, в розгляді процесів адаптації запозичень, в сенсорній лінгвістиці. Визначені перспективи розвитку нанолінгвістики.

Ключові слова: нанолінгвістика, нанотехнології, розмірний ефект, квазіморфеми, авангардна поезія, сенсорна лінгвістика, Nano sapiens.

Синельникова Л. Н. Нанолінгвістика: векторы формирования

Аргументация права существования нанолингвистики основывается на «факторе масштаба» как ключевом моменте: изменяя размер, можно получить информацию о новых свойствах объекта. Наноразмер в рассмотрении языковых фактов базируется на особой оптике, позволяющей увидеть не всегда явное, но существующее (и существенное) через понимание особенностей самоорганизации материи, взаимодействия с другими объектами, выявления возможностей и результатов интегрирования. Нанолингвистика — это поиск путей для углубленного рассмотрения объекта. При этом предшествующий опыт интерпретации языковых феноменов стимулирует последующие шаги рассуждений по накоплению знаний о свойствах объекта.

В статье названы возможные векторы интерпретационных действий в области современного словообразования, в рассмотрении процессов адаптации заимствований, в сенсорной лингвистике. Обозначены перспективы развития нанолингвистики.

Ключевые слова: нанолингвистика, нанотехнологии, размерный эффект, квазіморфеми, авангардная поэзия, сенсорная лингвистика, Nano sapiens.

Sinelnikova L. N. Nanolinguistics: Vectors of Forming

The argumentation of the right for nanolinguistics to exist is based on the 'scale factor' as a key point: changing the size, one can get information about new qualities of the object. Nanolevel in viewing language facts is based on special optics, that allows to see something which isn't always obvious, but which exists (and is essential), through understanding the features of substance self-organisation, interaction with other objects, exposure of possibilities and

intergration results. Nanolinguistics is the search for ways of deep object studies. Previous experience of language phenomena interpretation stimulates the subsequent debate steps regarding the accumulation of object properties.

The article names possible vectors of interpretation actions in the sphere of modern word formation, in viewing the processes of loanword adaptation, in sensory linguistics, defines the prospects of nanolinguistics development.

Key words: nanolinguistics, nanotechnologies, size effect, quasimorphemes, avant-garde poetry, sensory linguistics, Nano sapiens.

Стаття надійшла до редакції

Прийнято до друку

Рецензент –

УДК 811.161.1'42

Г. П. Джинджолия

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Нарратив обычно понимается в литературоведении как рассказ о событиях, повествование [1]. Ключевой категорией нарратива является событие. Специфика нарративного дискурса состоит именно в том, что он наделяет факт или некоторую совокупность фактов статусом события.

Ю. М. Лотман определял событие в тексте как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [2, с. 282]. «Из этого вытекает, что ни одно описание некоторого факта или действия ... не может быть определено как событие или несобытие до того, как не решен вопрос о месте его во вторичном структурном семантическом поле, определяемом типом культуры... Но и это еще не окончательное решение: в пределах одной и той же схемы культуры тот же самый эпизод ... может стать или не стать событием... Это относится не только к художественным текстам. Поучительно было бы с этой точки зрения посмотреть на раздел «Происшествий» в газетах разных эпох. Происшествие — значимое уклонение от нормы (т. е. «событие», поскольку выполнение нормы «событием» не является) — зависит от понятия нормы» [2, с. 282—283].

По мнению Н. Д. Арутюновой, событие характеризует: «1) отнесенность к жизненному пространству (в противовес явлению), 2) принадлежность магистральной линии жизни (в отличие от инцидента), 3) динамичность и кульминативность (наличие «точки осуществления», которая в социальных акциях может фиксироваться условно); это отличает событие от ситуации; 4) «сценарность», которая

при отсутствии «естественного» сценария создается ритуалом; сценарность события противостоит градуированности процесса, 5) неконтролируемость (в отличие от поступков), 6) слабая структурированность (в отличие от целенаправленных действий), 7) целостность, отвлеченность от временной протяженности (в отличие от процессов), 8) отсутствие логической необходимости существования (в отличие от состояний, качеств, свойств и других форм бытия), 9) единичность, счетность (в отличие от деятельности), 10) функциональность (недескриптивность) обозначения конкретных событий, подводимых под родовое понятие «событие», 11) преимущественная включенность в интерпретирующий контекст (в отличие от процессов), 12) «вершинная» позиция при пространственно-временном совмещении с другими событийными объектами (процессами, действиями), служащими субстратом события» [3, с. 181].

Основной единицей политического нарратива является политическое событие [4]. «Любое политическое событие в принципе обречено стать предметом сверхтекста, потому что о нем хотя бы один раз сообщается в нескольких источниках средств массовой информации, а если это событие становится особо значимым, привлекает к себе повышенное внимание, то, естественно, повествование о нем получает многократную вариативную разножанровую реализацию» [4, с. 270].

Связность отдельных текстов (дискурсивных образований) подобного сверхтекста может обеспечиваться системой метафор. И эта система метафор способствует восприятию сверхтекста как определенного единства.

Цель статьи — рассмотреть метафорические предпосылки политического нарратива, описать типичные виды развертывания метафорических моделей.

О метафоре написано множество работ. Метафора обычно рассматривается как видение одного объекта через другой, проекция известного на неизвестное, как способ познания мира. В процессах метафорического познания осмысливаются «невидимые миры» — сложные непосредственно наблюдаемые мыслительные пространства. Метафорическое мышление — поиск сущности, показатель сложной проблемной ситуации, попытка найти решение. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич в работе «Парламентские дебаты: традиции и новации» пишут: «Когнитивная сила метафоры делает ее незаменимым инструментом при поиске решений новых проблемных ситуаций. Отсюда взрыв метафорики... Метафорическое мышление в политике — признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы» [5, с. 17].

Характерные черты метафоры — способность улавливать и создавать сходство между очень разными классами объектов, выявлять сущностный и постоянный признак объектов. Очень важное свойство метафоры как средства речевого воздействия — подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения [5; 8].

Повышенная метафоричность современной публицистики совершенно естественна. «Функция тропа как механизма семантической неопределенности обусловила то, что в явной форме, на поверхности культуры, он проявляется в системах, ориентированных на сложность, неоднозначность или невыразимость истины» [6, с. 58]. Сложные политические и экономические реалии требуют метафорического осмысления.

Метафоры группируются в целостные совокупности. Некоторое множество метафор с заданным вспомогательным субъектом образует когнитивную модель. Основные когнитивные модели метафоры следующие: строительная, военная, медицинская, транспортная, зоонимическая, театральная, кулинарная, пространственная.

В советскую эпоху было принято представлять общество в терминах здания, строения. Строительная метафора иплицитует когнитивные структуры — сценарии, по которым в различные культурные эпохи развиваются реальные события: здание имеет фундамент, блоки, кирпичи, несущие опоры, стену, крышу; строительство может затянуться (долгострой); здание можно перестроить; здание может быть разрушено и т. д. Аналогия общества со зданием, которое человек должен перестроить, определяет целую культурную эпоху второй половины 80-х годов. Метафора долгостроя присутствует в публицистике второй половины 80-х — начала 90-х годов, метафорика крыши — в 90-е годы.

Политика может трактоваться в терминах войны. Когда мы так говорим о политике, то мы не имеем в виду, что война есть разновидность политики или политика есть разновидность войны. Речь идет о том, что наши знания и опыт, приобретенные в области войны, применяются для решения политических проблем. Политика концептуализируется в терминах войны. Метафора войны принадлежит к числу тех ключевых метафор, которыми мы «живем» в нашей культуре [7, с. 389]. Д. Лакофф и М. Джонсон, рассматривая метафору *спор — война*, пишут: «Крайне важно иметь в виду, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны. Мы можем реально побеждать или проигрывать в споре. Лицо, с которым мы спорим, мы воспринимаем как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем собственные. Мы захватываем территорию, продвигаясь вперед, или теряем территорию, отступая. Мы планируем наши действия и используем определенную стратегию. Убедившись в том, что позиция незащитима, мы можем ее оставить и принять новый план наступления» [7, с. 388]. Все это в полной мере относится и к метафоре *политика — война*. Возможные

военные сценарии в политике выражает соответствующий лексикон: *битва, блокада, бой, бомба, взрыв, заряд, знамя, плен, атака, вылазка, выстрел, диверсия, маневр* и т. д. Метафора войны отражает стереотипы тоталитарного мышления, реализует речевую стратегию дистанцирования и имеет ярко выраженное деструктивное начало: *взрыв протеста, война идеологий, экономическая война, пропагандистская война* и др. В постсоветскую эпоху некоторые виды социальной деятельности не осмысливаются в образах войны, заметно обновляется «военный» лексикон. Уходят в прошлое *классовые битвы, борьба за повышение качества продукции, холодная война*.

Для постсоветской политической культуры типична медицинская метафора. Общество, находящееся в кризисном состоянии, рассматривается как организм, правильная деятельность которого нарушена. Одна метафора связана здесь с другими. *Политические болезни* проявляются в *политическом головокружении, политическом дальтонизме. Вирус кризиса* вызывает *социально-экономические язвы, раковую опухоль и гангрену инфляции. Бациллы коррупции парализуют* экономическую жизнь страны. *Рецидивы технологического паралича и энергетической комы* связаны с *нервной аритмией бирж, валютной лихорадкой, болезнью валюты. Духовные язвы и нравственная глухота* ведут к *зуду агрессивности, метастазам насилия и эпидемии преступности*. Остается только неясным, откуда берутся *болезни, вирусы, рецидивы паралича* и т. д. Метафора болезненного состояния изъята из сферы предсказуемости, из категории причинности. Лексикон медицины образует способ выражения медицинских аспектов принятия решений и упорядочения событий. Так, предлагаются: *шоковая терапия; политическая хирургия, хирургическое вмешательство в живую ткань государства; экономический консилиум, консилиум валютных докторов; ампутация общественных расходов; вливание в экономику; прививки трудолюбия, отзывчивости и благородства; лекарство от затяжного кризиса власти; рецепт для успеха дипломатии*. Метафорический сценарий шоковой терапии известен по экономическим программам начала 90-х годов.

Очень продуктивна транспортная метафорика. Она допускает когнитивное дробление по названию средств передвижения: *государственный корабль, раскачать политическую лодку, поезд приватизации*; по названию составных частей средств передвижения: *колесо истории, кормило власти, руль политики, маховик реформ, политический мотор*; по названию путей и дорог: *экономический путь, магистраль общественной жизни, обочина жизни*; по названию маршрута, отправного и конечного пунктов движения: *политический маршрут, рыночная экономика* (конечный пункт движения). Средства передвижения в разные культурные эпохи меняются. Так, *локомотив революции* сменяется *раскачивающейся политической лодкой*. Здесь ярко проявляются представления о мире и установки.

Зоонимическая метафора охватывает названия животных (*удав преступности, дракон тоталитаризма*), частей их тела (*хвост организованной преступности*), названия, связанные с их существованием (*паутина политических переговоров, долларова паутина*). Мир политики «перенаселен» животными: *волк, кролик, паук, гидра, стервятник, ястреб* и мн.др. «Места их обитания» в разные культурные эпохи меняются.

Проявляют активность метафорические модели, связанные с миром театра, кино, цирка, спорта: *политическая авансцена, ампула «миротворца», политическая арена, политическая инсценировка, политическая клоунада, комедия со «всеобщими» выборами, политические кульбиты и сальто, надеть политическую маску, раунд политических консультаций, новый раунд валютной схватки, дипломатический трюк, политический аттракцион, политическая игра, игра в демократию, политический марафон, предвыборный марафон.*

Активны также кулинарная метафора: *подать гарнир из разнообразных политических обещаний, коктейль политических обещаний, предвыборное блюдо, телевизионный винегрет, вытрезвиться от вина революции;* пространственная метафора: *политический ландшафт, информационное пространство, экономическая зона, политическая линия, экономический оазис.*

Рассмотренные метафорические модели в значительной мере обуславливают наше поведение и реальные события. Они отражают некую последовательность событий, но и открывают либо изобретают то, что может произойти. За всем этим стоит определенная ментальность и картина мира.

Список использованной литературы

- 1. Шмид В.** Нарратология / В. Шмид. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
- 2. Лотман Ю. М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М. : Искусство, 1970. — 383 с.
- 3. Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. — 341 с.
- 4. Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004. — 326 с.
- 5. Баранов А. Н.** Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М. : Знание, 1991. — 24 с.
- 6. Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. — М. : Языки славянской культуры, 1996. — 460 с.
- 7. Лакофф Д.** Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Д. Лакофф, М. Джонсон. — М. : Прогресс, 1990. — С. 367—415.
- 8. Арутюнова Н. Д.** Метафора и дискурс // Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. — М. : Прогресс, 1990. — С. 5—43.
- 9. Баранов А. Н.** Словарь русской политической метафоры / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1994. — 240 с.
- 10. Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1986. — 445 с.
- 10. Косенкова Ю. Л.** Градостроительство

советской эпохи в поисках идеала / Ю. Л. Косенкова // Человек. — 2001. — №1. — С. 23—30. **11. Кубрякова Е. С.** Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. В. Демьянков. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 246 с. **12. Метафора** в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — 260 с. **13. Ортега-и-Гассет Х.** Две великие метафоры // Теория метафоры / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: Прогресс, 1990. — С. 68—82.

* Примеры взяты из газет «Зеркало недели» и «"Московский комсомолец" в Донбассе» за период с 2003 по 2012 гг.

Джинджолія Г. П. Метафоричні передумови політичного нарративу

Зв'язність окремих текстів (дискурсивних утворень) надтексту може бути забезпечена системою метафор та метафоричними моделями. Основні когнітивні моделі такі: будівельна, воєнна, медична, транспортна, зоонімічна, театральна, кулінарна та просторова. У статті описані типи їх розвитку у політичному тексті. Метафоричні моделі зазнають когнітивного дроблення за різноманітними ознаками (розвиток синонімічних рядів, варіювання родо-видові відносини, відосини частини та цілого). Ці ознаки уточнюються у контексті. Кожна культурна епоха пропонує свій набір ознак. Способи метафоричного осмислювання подій обумовлені власне мовними зв'язками суб'єкта метафори.

Ключові слова: політичний нарратив, метафора, когнітивна модель, мовна картина світу.

Джинджолія Г. П. Метафорические предпосылки политического нарратива

Связность отдельных текстов (дискурсивных образований) сверхтекста может обеспечиваться системой метафор, метафорической моделью. Основные когнитивные модели метафоры следующие: строительная, военная, медицинская, транспортная, зоонимическая, театральная, кулинарная, пространственная. В статье описаны типичные виды их развертывания в политическом тексте. Метафорические модели подвергаются когнитивному дроблению по самым разнообразным признакам (развитие синонимических рядов, варьирование родо-видовых отношений, отношений часть-целое). Эти признаки уточняются контекстом. Каждая культурная эпоха предлагает свой набор признаков. Пути метафорического осмысления событий обусловлены собственно языковыми связями субъекта метафоры.

Ключевые слова: политический нарратив, метафора, когнитивная модель, языковая картина мира.

Dzhindzholiya G. P. Metaphorical Background of Political Narrative

Cohesion of different texts (discursive formations) of a hypertext can be provided with a system of metaphors and metaphorical models. Basic cognitive models of metaphor are constructive, military, medical, transport, 'zoonimical', theatrical, culinary and spatial. Types of their development in political texts are described. Metaphorical models undergo cognitive fragmentation on different characteristics (development of synonymic rows, variation of type-and-kind and whole-and-part relations). These characteristics are specified in the context. Every cultural epoch has its own set of signs. Ways of metaphorical perception of different events are conditioned by linguistic relations of a subject of metaphor.

Key words: political narrative, metaphor, cognitive model, linguistic view of the world.

Стаття надійшла до редакції
Прийнято до друку
Рецензент –

УДК 811.161.1'42

И. А. Соболева

**ИРОНИЧЕСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
КАК ДОМИНАНТА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАСОЗНАНИЯ**

Современный медиадискурс характеризуется активизацией различных проявлений иронического. При этом варианты воплощения иронии в языке дискурса реализуются в различных формах: это может быть репрезентация речевых жанров, относимых к области иронии (анекдотов, антифразисов, шутливых афоризмов, сентенций и т. д.), или придания иронической тональности жанрам, изначально не относящихся к комическим (очеркам, эссе, репортажам и т. д.).

Ирония в современном медиадискурсе чаще всего осуществляется с определенной иллокутивной целью, и для достижения этой цели (или целей) участники коммуникации выбирают те средства языка, которые им кажутся оптимальными [1, с. 184]. Современной медиалингвистике еще предстоит исследовать иронический потенциал современного медиадискурса и классифицировать виды иронических стратегий и тактик.

В этой статье мы попытаемся, используя типологию коммуникативно-речевых стратегий М. Ю. Олешкова [2, с. 93], проанализировать иронический механизм медиадискурса при

реализации экспрессивно-апеллятивной, манипулятивно-воздействующей, оценочно-аксиологической стратегий.

Ирония — один из самых древних с точки зрения интереса к его применению и организации риторических приемов, о котором известно и много, и мало одновременно. Греческое происхождение этого термина отсылает нас к следующему его значению — «притворное незнание, притворное самоунижение» [3, с. 227]. В Энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» приводятся два значения иронии: 1) «...выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение»; 2) «вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [3, с. 227—229].

Каждое из приведенных определений иронии в Литературном энциклопедическом словаре в какой-то степени отражает специфику иронии в медиадискурсе. Хотя далеко не всегда медиаличность, иронически сообщая о своей позиции, «выражает, таким образом, критическое или осуждающее отношение к предмету речи» [4, с. 132].

Наиболее точно и емко иронию медиадискурса отражает, на наш взгляд, Л.Н. Синельникова, когда интерпретирует специфику иронии в авангардной поэзии: «Ирония — всегда элемент культуры, свойство анализирующего, оценивающего сознания. Ирония сопровождает мысль о мире, вступившем в стадию переоценки... Иронизирующий поэт направляет внимание читателя на то, что суетное, ничтожное не может быть вечным, следовательно, надо менять сознание, чтобы поставить его в соответствие с истинным предназначением человека... Ирония скорее боль, чем осмеяние» [5, с. 157].

Современный иронический тип медиаповествования — многогранный, неоднозначный процесс. Это, скорее, — способ личностного отстранения, дистанцирования от реальности. Ирония в современном медиадискурсе, конечно же, может выражать насмешку, лукавство, ставить под сомнение объективность сказанного, но гораздо в меньшей мере выражает критическое или осуждающее отношение к изображаемому. В большей степени, видимо, ирония медиадискурса предполагает слегка завуалированные превосходство, снисхождение, скептицизм по отношению к описываемым реалиям, выражая ценностные ориентиры дискурсивной личности. Ирония медиадискурса — это семантический процесс переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания (слова, словосочетания, предложения), или положительной и негативной оценкой объекта высказывания, осуществляющейся при помощи интонации, контекста.

Современные СМИ изобилуют иронией, в которых она на дискурсивном уровне проявляется по-разному: «...как оппозиция пафосу

она быстро примиряется с разговорными и просторечными средствами, как спрятанная критика стремится опереться на стилистический синтез языковых средств, выполняя одну из основных своих задач — свести несводимое» [5, с. 156]. Но стилиевой эклектизм — только одно из многочисленных средств в богатой палитре дискурсивных приемов создания иронического медиадискурса. Среди самых частотных, помимо оппозиции «высокое — низкое»: интертекстуальность, создающая эффект «обманутого ожидания»; иноязычное слово, употребленное в прагматических целях (например, с целью «щегольнуть» знанием модного заимствования); окказиональные образования, созданные по принципу остро- и игрословия; стереотипные модели, клише эпохи «новояза», выполняющие прагмастилевую функцию, и т. д.

Медиадискурсов, «напичканных» всем этим сложноорганизованным комплексом иронических приемов, чрезвычайно много. В качестве примера можно рассмотреть эссе М. Соколова, посвященное проблемам земельного законодательства, точнее, его отсутствия в современной России. В этом медиадискурсе помимо вышеперечисленных иронических приемов ярко проявляют себя стилизованная архаичность, фольклорность, некоторая сказовость, резко контрастирующие с жаргонно-просторечными, терминологически-иноязычными и другими дискурсивными средствами:

«Будь их (аграриев) ум поострее, они вместо того, чтобы произносить заклинания про Мать Сыру Землю и проклятых иностранцев, жаждущих скупить все пустующие земли в бесперспективном районе, откуда три года скачи — ни до одного государства не доскачешь, могли бы задавать каверзные вопросы насчет действительно объективных трудностей земельной реформы».... «В декабре 2001-го года я вступил во владение землей, пустовавшей больше полвека — с декабря 1941-го. Если осенний блицкриг с кратковременной немецкой оккупацией не слишком сказался на моей деревне — за все время оккупации лишь единожды приехали два пьяных унтера, сперли курицу и уехали, то после декабрьского контрнаступления Красной армии деревня пришла в большое запустение. Линия фронта стабилизировалась аккурат по реке Волге: на правом берегу, где стоит деревня, наши, на левом — немец. В наступательном порыве возникла идея форсировать Волгу по льду, для чего разнесли большую часть строений из бревен, т.е. крестьянских избышек, начали ладить переправу для танков. Один танк прошел, второй утонул, идея наступления отпала. Сейчас мой участок выглядел в точности как тогда. Несколько снарядных воронок, бурьян выше пояса — и боле ничего».... «В период максимальной славы безраздельно распоряжавшегося в Кремле Бориса Абрамовича в колхозе происходили не менее увлекательные эволюции, наводившие на мысль, что, как не стоит село без праведника, точно так же не стоит оно и без Бориса Абрамовича. Как отмечали в черте оседлости, «каждый граф должен

иметь своего Менделя», и даже еще сильнее — «каждый Мендель должен иметь своего графа». В нашем колхозе творцом надежных схем, совершенно опутавшим этими схемами престарелого председателя и взявшимся разруливать все колхозные дела, называли некоего Валеру-молдованина. Уникальные сделки, совершившиеся под водительством Валеры-молдованина, напоминали сходные сделки Стивы Облонского, описанные в романе г. Л.Н.Толстого «Анна Каренина» — продажа леса купцу Рябинину» (Огонек 2011, № 24).

Подобный сложный иронический «замес» отражает все «ингредиенты» данного медиадискурса: сниженные языковые средства (разговорно-просторечные, жаргонные), книжно-элитарный язык (терминологические и официально-деловые стереотипные модели, архаичные лексико-грамматические построения, заимствования, интертекстуальность), рефлексивная интертекстуальность и т. д.

Ввиду того, что ироническое высказывание, как правило, включает в себе оценку и выражает собственную позицию адресата к объекту, в медиадискурсе адресант особенно часто обращается к иронии в реализации оценочно-аксиологической речевой стратегии. Оценочно-аксиологическая стратегия заключается в праве давать оценку событиям, обстоятельствам, персонажам, балансируя между объективно-субъективным отношением к действительности [2, с. 119]. В оценочно-аксиологической стратегии ирония «присутствует» в передаче отношения к действительности, жизни вообще или к конкретным поступкам, поведению, фактам и т. д.

Через употребление иронических высказываний реализуется и манипулятивно-воздействующая стратегия. Иронические речевые акты, используемые при этом, обусловлены интенцией координации деятельности, то есть намерения адресата регулировать процесс восприятия информации, влиять на его протекание. В манипулятивно-воздействующей стратегии ирония участвует в реализации таких коммуникативно-речевых тактик, как контроль над деятельностью и контроль над восприятием. Очевидно, желание манипулировать и влиять на сознание адресата все более и более подчиняет себе все другие интенции автора медиадискурса. Поэтому даже иронический медиадискурс манипулятивен по сути.

В экспрессивно-апеллятивной стратегии, которая связана с формированием эмоциональной среды дискурса, с оценкой коммуникативной ситуации, ирония участвует в реализации таких коммуникативно-речевых тактик, как формирование эмоционального настроения и самопрезентации. Ирония в ряде случаев помогает смягчить однозначность, категоричность оценки и представить суждение в форме некой доброжелательной насмешки над действительностью или над собой.

Коммуникативно-речевая тактика самопрезентации позволяет с помощью иронических речевых актов реализовать тактический ход

«речевого моделирования»: автор, употребляя активно и последовательно яркие иронические высказывания, формирует свой определенный имидж ирониста. Именно последовательность, повторяемость иронических стратегий, при условии их своеобразности, оригинальности и т. д., моделирует структуру имиджа многих талантливых современных журналистов (Д. Быкова, Н. Радуловой, Л. Парфенова, М. Соколова и др.).

Примечательно, что иронические дискурсы стали использоваться в реализации информационно-аргументирующей стратегии. Хотя, казалось бы, ирония призвана давать оценку уже известным, сложившимся знаниям, а информационно-аргументирующая стратегия направлена на усвоение новой информации. Дискурсивные примеры, подтверждающим это наблюдение, на наш взгляд, содержатся в новостных выпусках российского канала НТВ и украинских каналов «1+1», «СТБ». Интенция ироничности наряду с разговорностью, непосредственностью общения и обмена мнениями сквозит в интонациях телеведущих и в дискурсах журналистов, рассказывающих о самых разных событиях: светской жизни, политических баталиях, экономических фактах и т. д. Этот иронический «флер», видимо, воспринимается или должен восприниматься адресантом как некая попытка смягчить сказанное, извиниться за сообщенное. Ирония позволяет абстрагироваться и дистанцироваться от действительности, о которой идет речь. Далеко не всегда и не всем этот экзамен на ироническую интонацию удается достойно выдержать. Практически в каждом выпуске новостей на канале «1+1» есть явные коммуникативные провалы, демонстрирующие неуместность иронизирования в изображении сложных, неоднозначных событиях. К примеру, в одном из сюжетов, рассказывающих о пребывании Ю. В. Тимошенко в Качановской колонии, на вопрос журналиста о том, будет ли бывший премьер работать, начальник колонии сообщает, что у них есть швейное производство и при усердной работе Ю. В. Тимошенко может «дослужиться» до должности «нарядной». *«Нарядной?!»* — переспрашивает интервьюер, — *«Ей это, наверное, будет не интересно»*. В это время на экране подстрочник — *«Качановская карьера Тимошенко»*.

Хотя, в тактике «формирование эмоционального настроения» посредством некоторых иронических речевых актов автор дискурса может реализовать тактический ход «снятие напряжения», создать благоприятную атмосферу, ситуацию неформального общения в медиадискурсе, благодаря содержанию в нем доброжелательной насмешки над участниками изображаемого события или над самой ситуацией. В качестве интенции выступает намерение адресанта «существовать» в комфортной, неформальной коммуникативной среде.

Итак, функциональный потенциал иронии медиадискурса многообразен. Использование иронических высказываний позволяет

автору медиадискурса оцінювати зображаєму ситуацію, її учасників, попутно виражаючи свої емоції, особисте ставлення до об'єкту іронії, і тим самим впливати на адресата, змушуючи формувати у нього певне ставлення і точку зору. Крім того, в деяких випадках іронія медиадискурса допомагає адресату сформувати у адресанта необхідний емоційний настрій, а також презентувати себе як яскраву, самобутню дискурсивну особистість.

Таким чином, мотивоване, усвідомлене використання адресантом іронічних речевих актів завжди інтенційно обумовлено: він використовує іронію свідомо, з певними цілями, досягнення яких відбуваються в межах певних стратегій і тактик. І хоча деякі дослідники вважають, що іронія, базуючись на зменшеному речевому реєстрі, стає простішою і грубішою [6], не можна не відзначити того, що іронія є потужним засобом реалізації прагматичних установок і завдань сучасного медиадискурса, одним з важливих важелів впливу на сучасне медіасвідомість.

Список использованной литературы

1. Шилихина К. М. Ирония как способ повышения авторитетности / К. М. Шилихина. — Воронеж : Воронежский государственный университет : Издательский дом Алейниковых, 2008. — 194 с. **2. Олешков М. Ю.** Моделирование коммуникативного процесса / М. Ю. Олешков. — Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. — 336 с. **3. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник** / [под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова и др.]. — М. : Флинта : Наука, 2003. — 840 с. **4. Литературный энциклопедический словарь** / [под ред. В. Н. Кожевникова, Л. А. Николаева]. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — 752 с. **5. Синельникова Л. Н.** Лирический сюжет в языковых характеристиках : монография / Л. Н. Синельникова. — Луганск : Знание, 1993. — 188 с. **6. Лассан Э. Р.** Изображение речи власти как средство ее десакрализации [Электронный ресурс] / Э. Р. Лассан — Режим доступа к ресурсу : <http://artstudio.de/kontakt.html>.

Соболева І. О. Іронічна дискурсивна стратегія як домінанта сучасної медіа свідомості

У статті приділено увагу необхідності іронічних дискурсивних стратегій у сучасному медіа дискурсі. Видокремлені такі різновиди іронічних стратегій: маніпулятивно-дієва, експресивно-апелятивна, оціночно-аксіологічна та інші.

Іронічний медіа дискурс — складний, багатогранний лінгвістичний механізм. Наші спостереження доводять, що іронія стала одним із засобів впливу на свідомість адресанта. Іронія допомагає реалізувати прагматичні цілі та завдання медіа дискурса.

Ключові слова: медіа дискурс, іронія, інтенція, комунікативно-мовленнєві стратегії і тактики.

Соболева И. А. Ироническая дискурсивная стратегия как доминанта современного медиасознания

В статье обращено внимание на необходимость исследования иронических дискурсивных стратегий в современном медиадискурсе. Выделены следующие виды иронических стратегий: манипулятивно-воздействующая, экспрессивно-апеллятивная, оценочно-аксиологическая и др.

Иронический медиадискурс — сложный многогранный лингвистический механизм. Наши наблюдения показывают, что ирония стала одним из средств воздействия на сознание адресата. Таким образом, ирония помогает реализовать прагматические цели и задачи дискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, ирония, интенция, коммуникативно-речевые стратегии и тактики.

Soboleva I. A. Ironic Discursive Strategy as a Dominant of Contemporary Mediaconsciousness

The article draws attention to the need for research of ironic discursive strategies in the modern media discourse. We distinguish such types of ironic strategies as manipulative and effective, expressive and appellative, evaluative and axiological, etc.

Ironic media discourse is a complex multifaceted linguistic mechanism. Our observations show that the irony has become one of the means of influencing the addressee's mind. Thus, the irony helps to realize some pragmatic goals and objects of a discourse.

Key words : media discourse, irony, intention, communicative speech strategies and tactics.

Стаття надійшла до редакції
Прийнято до друку
Рецензент –

УДК 811.124'06'373.72

В. А. Розсоха

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД СЛОВА *НОМО* (ЧЕЛОВЕК)
В ЛАТИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Изучение фразеологической семантики языковых единиц в русле лингвокультурологии актуально для сложившейся к началу XXI века когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы, акцентирующей внимание на получении, кодировке, хранении и передаче информации.

Результаты исследований В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, В. А. Масловой, В. В. Красных, Н. Ф. Алефиренко, В. И. Карасика и мн.др. свидетельствуют о том, что фразеологизмы представляют собой уникальные языковые единицы, в наибольшей степени аккумулирующие культурологическую информацию и отражающие менталитет того или иного народа.

Репрезентируя общечеловеческие ценности, латинские крылатые фразы приобрели особую прагматическую нагрузку, т.к. именно в рамках древнеримской культуры начали формироваться черты культуры «мировой».

В представлениях философов Древнего Рима венцом Творения является *человек* — частица мирового божественного разума.

Homo res sacra (*человек — вещь священная*), **homo naturae minister et interpres** (*человек — служитель и истолкователь природы*), **pulchra res homo est, si homo est** (*человек прекрасен, если он человек*), т.е. в *человеке* таятся великие силы, которые помогают ему вершить добрые или злые дела, всё зависит от самого *человека*, — гласят латинские крылатые фразы.

Цель статьи — установить лингвокультурный код слова **homo** (*человек*) посредством анализа крылатых латинских фраз, включающих этот компонент, что позволит, на наш взгляд, глубже проникнуть в культурно-познавательное пространство латинской фразеологии и выявить зафиксированные в этом древнем пласте культуры универсальные знания, вошедшие в коллективное сознание многих национальных культур, в частности — русской.

В словарях латинских крылатых выражений Ю. С. Цыбульник [1] и Н. Т. Бабичева, Я. М. Боровского [2] методом сплошной выборки нами было выявлено свыше 100 фразеологизмов с компонентом **homo** (*человек*). В большей мере известны и употребительны такие короткие фразы, как **homo sum** — *я человек*, **homo sapiens** — *человек разумный* (название человека как зоологического вида), а также образованные по аналогии **homo novus** — *новый человек*, **homo liber** — *свободный человек*, **homo faber** — *человек-строитель, человек-созидатель*, **homo**

oeconomicus — человек хозяйственный, **homo scriptor** — человек пишущий (писатель), **homo quadrates** — человек четырехугольный, обтесанный, т.е. хорошо сложенный человек и др.

Экспресс-опрос в студенческой аудитории свидетельствует о том, что семантика и этимология даже этого небольшого перечня фразеологизмов известна далеко не всем.

Материалы выбранных нами для работы словарей, фиксирующие текстовое употребление крылатых латинизмов, позволяют не только уточнить значение этих популярных фраз, но и расширить их сферу употребления.

Так, общеизвестное выражение **homo sapiens** — человек разумный определяет третий, высший этап процесса возникновения и развития человека в классификации Карла Линнея. Термины, обозначающие два предшествующих этапа антропогенеза, — **homo habilis** — человек умелый и **homo erectus** — человек прямоходящий употребляются лишь в профессиональной сфере.

У выражения **homo sapiens** есть антонимическая иронически окрашенная парафраза, восходящая к Н.Г. Чернышевскому, — **homo insipiens didacticus** — человек неразумный поучающий.

«До сих пор была известна натуралистам одна порода людей **homo sapiens**, человек, отличающийся от обезьяны рассудком; теперь мы отыскивали другую породу: **homo insipiens didacticus**, человек, не отличающийся рассудком от обезьяны, но необыкновенно сильный в диалектике» (Н. Г. Чернышевский. Алферьев) [2, с. 320]¹

Семантический объём хорошо известной крылатой фразы **homo novus** (новый человек) включает четыре значения: 1) ‘человек незнатного происхождения, достигший высокого положения в обществе’; 2) ‘человек, выдвинувшийся благодаря своим личным качествам’; 3) ‘новичок в какой-либо области’; 4) ‘человек новых взглядов, передовой человек’ [2, с. 321]. Прямое значение этого выражения связано с употреблением в древнеримской публицистике и имеет отрицательную коннотацию. В переносных значениях это выражение, как правило, имеет ироническую окраску.

В русском языке конца XX — начала XXI вв. в крылатой фразе **homo novus** (новый человек) семантическим центром становится прилагательное **novus**, ассоциирующееся с определением *новый* в выражении *новый русский*, т.к. оба выражения употребляются в одном контексте. Негативная окраска выражения *новый русский* актуализировала в латинской крылатой фразе значение ‘выскачка’.

Синонимичным выражением фразеологизму **homo novus** является выражение **homo incertae originis** — человек неизвестного происхождения (ср. русск.: без роду и племени), антонимичным — **homo nostrae farinae** (наш человек; досл. из нашего теста [сделан]; ср. русск.: нашего поля ягода; нашего рубля алтын).

Довольно часто крылатые латинские фразы с компонентом **homo**

функционируют в русском переводе без соотнесения с латинским оригиналом, что приводит к их десемантизации.

В качестве примера рассмотрим выражение **homo mensura** (*человек [есть] мера [всех вещей]*). Эту известную фразу греческого философа-софиста V века до н.э. Протагора, полностью звучащую как «Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих» [1, с. 489], часто цитируют, рассуждая о значимости *человека* и не подозревая о том смысле, который вкладывал в это выражение Протагор: «Наши знания об окружающих предметах не объективны, а субъективны, относительны, т.е. зависят от того, какими они представляются человеку. К примеру, если люди верят в богов, то боги есть, а если не верят, то богов нет» [1, с. 489—490].

Говоря об антропоцентричности языковой картины мира, создаваемой фразеологизмами, В. А. Маслова отмечает: «Для современной науки интерес представляет уже не просто человек, а личность, т.е. конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во Вселенной и на Земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Созданный по образу и подобию Божьему, он обладает свободой воли» [3, с. 114]. И эта «свобода воли» уже в Древнем Риме заставляла человека дистанцироваться от своего создателя, о чём свидетельствует целый ряд латинских крылатых фраз с компонентом **homo**.

Прежде всего, в отличие от Бога, *человек смертен*: **homini necesse est mori** — *человек неизбежно умирает* (ср. русск.: *сколько ни живи, а умирать надо; от смерти не уйдёшь; смерть да жена — Богом суждена; от смерти и под камнем не укроешься*).

Планы человека, даже самые продуманные, несовершенны и изменчивы: **homo proponit, sed deus disponit** — *человек предполагает, а Бог располагает* (источником этого выражения является Священное Писание. В Книге притчей написано: «Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом»).

Жизнь *человека* быстротечна: **dum vivit hominem noveris** — *общайся с человеком, пока он жив*.

Человек глубоко уязвим: **homo totie(n)s moritur quotie(n)s amittit suos** — *человек умирает столько раз, сколько раз он теряет близких* (Публий Сир); **infirmitas Dei fortius est homini** — *немоцное Божие сильнее человека*.

Человек ошибается: **errare humanum est, [stultum est in errore perseverare]** — *человеку свойственно ошибаться, [упорствовать в ошибке свойственно только глупцу]*; **homines sumus, non dei** — *мы люди, а не Боги*; **homo sum: [humani nihil a me alienum puto]** — *я человек: [и считаю, что ничто человеческое мне не чуждо]*. Выражения означают, что человеку не чужды слабости и заблуждения, он подвержен обычным

недугам; ему не безразличны несчастья и радости других, его интересует жизнь во всех её проявлениях, он способен понять, откликнуться, сострадать.

В человеке есть хорошее и плохое: **homines sumus, non dei** — мы люди, а не Боги; **homo homini lupus est** — человек человеку волк (парафраза: **homo homini monstrum** — человек человеку чудовище), т.е. человек по природе эгоист, он стремится к удовлетворению своих желаний, что приводит к конфликтам с другими людьми; **homo homini deus est** — человек человеку Бог, коль ведает свой долг (обычно выражение употребляют, получив от кого-либо помощь (особенно неожиданно); **errat homo vere, qui credat cuique placere** — глубоко ошибается тот человек, который надеется понравиться всем (ср. русск.: всем мил не будешь); **semper homo bonus tiro est** — порядочный человек всегда простак; **nihil agendo homines male agere discount** — ничего не делая, люди учатся дурному (ср. русск.: труд кормит, а лень портит).

Перечень крылатых латинских фраз, характеризующих человека, можно было бы продолжить. И не обязательно эти фразеологизмы включают компонент **homo**. Это и самохарактеристика: **nihil habeo, nihil curo** — ничего не имею — ни о чем не забочусь; **scio me nihil scire** — я знаю, что ничего не знаю; **Nitimur in vetitum semper, cupimusque negata** — мы всегда стремимся к запретному и желаем недозволенного; **homines non sunt similes** — люди не одинаковы (ср. русск.: человек человеку рознь); и выражение собственного мнения: **benefacta male locata malefacta arbitror** — благодеяния, оказанные недостойному, я считаю злодеяниями (Цицерон); **aditum nocendi perfido praestat fides** — доверие, оказываемое вероломному, дает ему возможность вредить (Сенека); и назидание: **ignoscito saepe alteri, nunquam tibi** — другим прощай часто, себе — никогда.

Фразеосемантическое поле **homo** (человек) в латинском языке объёмно и нуждается в дальнейшем исследовании, тем более, что «в последнее время в философии, культурологии, лингвистике, лингвокультурологии наметилась тенденция к более полному изучению человека: его природы, внешности, внутреннего мира, менталитета и т.д. Причем крепнет убежденность в том, что путь к осмыслению феномена человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки»² [3, с. 113].

Список использованной литературы и примечания

- 1. Крылатые** латинские выражения / [авт.-сост. Ю. С. Цыбульник]. — Харьков : Фолио; М. : Эксмо, 2006. — 992 с.
- 2. Бабичев Н. Т.** Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / [под ред. Я. М. Боровского] / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. — М. : Рус. яз., 1986. — 960 с.
- 3. Маслова В. А.** Лингвокультурология: учеб. пособие

для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М. : Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.

¹Здесь и далее текстовые примеры приводятся из словарей [1; 2]. — В.Р.

²Курсив наш. — В. Р.

Розсоха В. О. Лінгвокультурний код слова *homo* (людина) в латинській фразеології

У статті зроблена спроба визначити лінгвокультурний код слова **homo** (людина) за допомогою аналізу крилатих латинських фраз з цим компонентом.

Фразеологічна семантика крилатих латинських фраз з ядерним компонентом **homo** розглянута автором статті в руслі лінгвокультурології, що є актуальним для сформованої на початку ХХІ століття когнітивно-дискурсивної дослідницької парадигми, яка акцентує увагу на отриманні, кодуванні, зберіганні та передачі інформації.

Таке дослідження дозволить, на думку автора, краще зрозуміти культурно-пізнавальний простір латинської фразеології й виявити зафіксовані в цьому стародавньому пласті культури універсальні знання, що увійшли в колективну свідомість багатьох національних культур.

Ключові слова: латинська мова, латинські крилаті фрази, фразеологічна семантика, лінгвокультурний код, **homo** (людина).

Розсоха В. А. Лингвокультурный код слова *homo* (человек) в латинской фразеологии

В статье сделана попытка определить лингвокультурный код слова **homo** (человек) посредством анализа крылатых латинских фраз с этим компонентом.

Фразеологическая семантика крылатых латинских фраз с ядерным компонентом **homo** описана автором статьи в русле лингвокультурологии, что актуально для сложившейся к началу ХХІ века когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы, акцентирующей внимание на получении, кодировке, хранении и передаче информации.

Данное исследование позволит, по мнению автора, глубже проникнуть в культурно-познавательное пространство латинской фразеологии и выявить зафиксированные в этом древнем пласте культуры универсальные знания, вошедшие в коллективное сознание многих национальных культур.

Ключевые слова: латинский язык, латинские крылатые фразы, фразеологическая семантика, лингвокультурный код, **homo** (человек).

Rozsokha V. A. Linguocultural Code of the Word *Homo* (Person) in Latin Phraseology

An attempt is made in the article to define the linguocultural code of the word **homo** (*person*) through analysing Latin winged expressions with this component.

The phraseological semantics of winged expressions with the core component **homo** is described by the author in the light of linguoculturology, which is topical for the cognitive discourse paradigm built by the beginning of the 21st century, which emphasises receiving, encoding, keeping, and transferring information.

It is the author's opinion that the research will allow to go deeper into the cultural and cognitive space of Latin phraseology and reveal the universal knowledge of this ancient cultural layer, which became part of the collective consciousness of many national cultures.

Key words: Latin language, Latin winged expressions, phraseological semantics, linguocultural code, **homo** (*person*).

Стаття надійшла до редакції
Прийнято до друку
Рецензент –

УДК 811.161.1'42:82–4

Э. В. Минаева, Т. А. Пономарёва

ЭССЕ В ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Цель данной статьи — рассмотреть основные жанровые черты эссе, проанализировать прагмалингвистический аспект этого жанра; сформулировать его прагматические признаки.

Родоначальником жанра эссе считают Мишеля Монтеня, книга которого «Essais» («Опыты») была опубликована во Франции в 1580 году. Но, по наблюдениям исследователей, этот жанр существовал и раньше. Как отмечает Л. Г. Кайда в работе «Эссе: стилистический портрет», ещё за пять веков до появления труда Монтеня в древнерусской литературе был жанр «слово» (XI век). «Слова и речи» Феофана Прокоповича и эссеистическая серия «слов о...» М. В. Ломоносова, которые по всем признакам близки к эссе, также могут считаться истоками мировой эссеистики [1]. Этот жанр находится в непосредственной близости с научной, публицистической и художественной литературой, однако при этом он не относится полностью ни к одной из них.

Энциклопедический словарь даёт такое определение эссе: «жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочетающий подчеркнuto индивидуальную

позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь» [2, с. 1565].

Литературный энциклопедический словарь определяет эссе как «прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета» [3].

В словаре литературоведческих терминов даётся такое толкование: «эссе (от латинского — «взвешивание») — жанр критики, литературоведения, характеризующийся свободной трактовкой какой-либо проблемы. Автор эссе анализирует избранную проблему, не заботясь о систематичности изложения, аргументированности выводов» [4].

Немецкий философ Теодор Адорно определяет эссе как жанр, отражающий момент зарождения мысли, которая пока не развилась в логически завершенное целое (Теодор Адорно «Эссе как форма») (цит. по [5]).

Приведенные определения подчеркивают, что эссе принадлежит к слабо структурированным жанрам, которые не обладают четким набором обязательных признаков. Для эссе характерна свободная композиция, обусловленная его подчеркнутой субъективностью, сочетанием в нём публицистического, философского, документального, художественного начал. По мнению М. Эпштейна, эссе — «это жанр, который только и держится своей принципиальной внежанровостью» [6]. В другой работе исследователь отмечает, что «нет ничего тяжелее и требовательнее жанровой свободы, сполна предоставленной эссеисту, — за нее приходится платить непрерывными поисками жанра для каждого очередного абзаца и чуть ли не строки, потому что предыдущие находки убеждают лишь в том, что они должны быть отброшены. На всем протяжении эссе идет непрерывный процесс жанрообразования» [7, с. 348].

Эта «внежанровость» эссе приводит к пониманию его как «... художественно-публицистично-документального жанра» и даже к отрицанию некоторыми исследователями жанра эссе как такового [5]. Вероятно, поэтому исследователи говорят о широком диапазоне жанровых свойств эссе и называют его различные жанровые характеристики. Следовательно, жанр эссе синтезирует признаки других жанров и становится метажанром.

Жанровыми признаками эссе считаются образность, афористичность, использование многочисленных средств художественной выразительности, тенденция к парадоксальности, невозможность объективности, целостной системности, размытость формальных границ, подчеркнутая субъективность.

Эссе — жанр, обладающий высокой степенью свободы в отношении выбора темы: тематика эссе может затрагивать самые

различные сферы жизни. «В принципе эссе может быть посвящено вселенной, истине, красоте, субстанции, силлогизму — все равно эти темы утратят всеобщность, приобретут конкретность самую волею жанра, которая делает их частностями на фоне того всеобъемлющего «я», которое образует бесконечно раздвигающийся горизонт эссеистического мышления» — пишет М. Эпштейн [8, с. 123]. Некоторые исследователи, изучая тематику эссе, отмечают его принадлежность к «литературе анализа» или «рефлексивной литературе», «литературе идей» [5].

Безусловным центром эссе является автор. И все же эссе не монологично, а диалогично по существу своему, что проявляется на разных уровнях. Под диалогом мы понимаем информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит взаимодействие личностей участников коммуникации, результатом чего становится их взаимопонимание.

Автор рефлексивует, ведет интенсивный внутренний диалог. Мышление уже, по сути своей, является диалогом. Более того, происходит диалог между автором эссе и самим мирозданием, временем, языком, социокультурной реальностью, эпохой. Эссеистичность не приемлет «застывших» образов и косного типа мышления. В эссе происходит «скачок» от усредненного к индивидуальному, неповторимому. Эссеист ценит странничество духа и свободу. Однако эта же свобода и возлагает на него большую ответственность за каждую мысль, явленную через слово.

Российская исследовательница жанра, Ольга Вайнштейн, в эссе «Для чего и для кого писать эссе» так определила основную цель жанра: «...Главное — заставить читателя думать, разбудить в нем удивление, самостоятельную мысль и, наконец, потребность в самовыражении» [9]. Очевидно, что при такой цели жанра эссе, на первый план выходит личность автора и его способность влиять на читателя, вступать с читателем в диалог. Присутствие личности автора — жанровая особенность эссе. Личность автора является важнейшим структурообразующим принципом произведений эссеистического жанра. Кроме того, в эссе моделируется образ адресата — читателя-интеллектуала, который подключается к размышлениям автора, усиливается прагматическая направленность произведений. Как отмечает Т. Иванова: «эссе — это способ самопознания, стремление обнажить самого себя, *понять свое время*, напряженный диалог с самим собой...» [10].

Еще в начале XX века Франц Розенцвейг утверждал новую для того времени основу мышления об очевидности «мыслью, следовательно, говорю», такая мысль всегда *мысль-для-этого-другого*. Для писателя этим другим является читатель. Автор эссе ориентирован на идеального гипотетического читателя. Результатом становится сложное

диалогическое единство авторского и читательского сознания. С точки зрения М. Бахтина, сам способ взаимодействия сознаний есть диалог. Понимание возникает там, где встречаются два сознания. Понимание вообще возможно при условии существования другого, понимающего, сознания. Читатель в идеале должен стремиться стать «суперчитателем» (М. Риффатер), катализирующим потенциальные значения в тексте.

Об ожиданиях автора по отношению к читателю и об искусстве чтения Герман Гессе пишет так: «десяток хороших, благодарных читателей, пусть даже денежное вознаграждение автору уменьшится, все же лучше и отраднее, чем тысяча равнодушных. <...> От чтения, как от всякого шага и всякого вздоха, нужно чего-то ждать, нужно отдавать силы, чтобы взамен обрести большую силу, нужно потерять себя, чтобы обрести себя вновь более глубоко сознающим» [11]. По словам Германа Гессе, отношения читателя с книгой должны складываться, как у одной личности с другой личностью. Витим Кругликов пишет о субъект-субъектных отношениях текста и читателя как об особом принципе чтения, который он называет герметическим чтением: «такое чтение дает возможность читать «глаза-в-глаза», когда познающий читает текст, а произведение читает (прочитывает) читателя» [12].

Но не только автор влияет на читателя, наблюдается двусторонний процесс. По убеждению Юлия Айхенвальда, «не только писатель определяет читателя, но и читатель — писателя: первый создаёт последнего по образу и подобию своему...» [13]. Эссеист учитывает потенциального адресата, что сказывается на самом авторе и его произведении.

В эссе мы находим торжество индивидуализма (сверхзначимость личности автора в эссе, субъектность адресант-адресатных отношений), и в то же время индивидуализм этот восходит к «*мы-бытийности*», в основе которой заложена категория совместности.

Диалог в эссе может происходить также на уровне апелляции к авторитетным источникам, например, философам, писателям, государственным деятелям и т. д., с которыми возможны дискуссии, беседы и т. п.

В современном эссе важную роль играет интертекстуальность. Интертекстуальность — это не только межтекстовые (иногда и межкультурные) отношения, но и особое взаимодействие с читателем. Интертекстуальное слово требует особого читателя, способного понять его, — «своего рода alter ego автора» [14]. А. Кушнер отмечает, что автор, использующий чужой текст, «рассчитывает на знающего и умного читателя, которому не требуются сноски, указания и наводящие кавычки». И далее поэт цитирует слова М. Цветаевой о том, что «не следует ничего облегчать читателю. Чтоб сам» (цит. по [14]). И чем эрудированнее и образованнее читатель, чем шире его лингвокультурологическая компетенция, тем глубже понимание текста,

тем интереснее и увлекательнее путь от поверхностного понимания до «расшифровки» глубинных структур текста.

В поэтике интертекста цитата перестаёт играть роль простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту, цитата «становится залогом самовозрастания смысла» текста [15]. Характерные для современной литературы множественные цитаты-загадки, интеллектуальные игры с читателем основаны на «узнавании» цитаты. Ведь любая «цитата — это рубильник, включающий у читателя механизм семантических ассоциаций» [16, с. 104].

Эссеистика является формой познания субъективной действительности. Если говорить об эссе как о способе постижения мира, очевидно, что на первый план выдвигается когнитивный потенциал этого метажанра. Картина мира в эссе во многом калейдоскопична: в фокус внимания автора, и впоследствии — читателя, попадают различные фрагменты субъективной реальности, образующие непредсказуемые образы, противоречивые и мнимо непоследовательные. Размышления о сущности эссе порождают следующую ассоциацию: читая эссе, словно смотришь, затаив дыхание, в калейдоскоп, где вспыхивают и угасают причудливые узоры-мыслеобразы. В эссе логично возникает антиномия фрагментарности и стремления к цельности. В этом отражена диалектика личности: непрерывное борение и стремление познать и осознать себя как самость. Об этом писал К.Г. Юнг: «Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершённое выражение этой роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью» [17]. Эссе обладает особой синкретичностью — абсолютной слитностью и единством элементов даже там, где этого и не должно быть.

Когнитивная специфика эссе отражается и в языковых структурах. По М. Эпштейну, любое эссеистически осмысленное слово может превратиться в термин, на основе которого разворачивается целая система словоупотреблений, вследствие такого подхода к языку эссе все слова потенциально превращаются в курсив. Как справедливо отмечает М. Эпштейн, эссеисту необходимо «создавать как можно более разных концептуальных полей, возможностных дискурсов знания, соотносимых со всем богатством естественного языка и с многообразием единичных вещей» [18]. На лингвокогнитивном срезе эссе обнаруживаются разные уровни бытия, культуры, мировосприятия и мировоззрения, в том числе «бытийствования» языка. И автор, и читатель взаимодействуют, производят такие когнитивные операции, как анализ, интеграция и синтез, в процессе кодирования (декодирования) смыслов эссе.

Основная задача эссеиста — «мыслить немислимое». И здесь выводится на значимые позиции *парадоксальность* — одна из основных форм художественного мышления в эссе, заключающаяся в нестандартном «сопряжении» далеко отстоящих друг от друга явлений, категорий, жанровых составляющих, образов, ассоциаций, языковых и ментальных решений и т. п. Природа парадокса сама по себе диалогична

и во взаимодействии с другими элементами возводит диалогичность эссе в энную степень.

Особое место в эссеистике конца XX — начала XXI вв. занимает ирония как литературный прием, и шире — как способ художественного мировоззрения, отношения к миру и самовыражения. Ирония в художественном тексте — это всегда выражение эмоционально-оценочного отношения автора, показатель его анализирующего мышления. Ирония эта носит диалогичный характер, в полифоничный диалог вовлечены: автор — произведение — читатель — бытие и быт, при этом каждый из участников диалогического взаимодействия является субъектом.

В эссе, таким образом, находят воплощение особенности мышления современного человека. Как писал Мишель Фуко, «все современное мышление пронизано необходимостью помыслить немислимое, осмыслить содержания «в себе» в форме «для себя»; снять с человека отчужденность, примирив его с собственной сущностью, раскрыть горизонт, дающий фоном опыту непосредственную обнаженную очевидность, снять покров с Бессознательного, углубиться в его безмолвие или вслушаться в его нескончаемый шепот» [19, с. 349].

В пределах эссе всё превращается в субъект: автор, рассказчик, герой, персонажи, тематика и проблематика эссе, вещный мир, читатель, внутренний мир и внешний, быт и бытие, и, в конце концов, само эссе. Можно сказать, что все они мыслят и познают сами себя и друг друга, и этот процесс не завершается никогда.

Можно говорить о *синергетике эссе*, которая возникает вследствие многовариантного и неоднозначного взаимодействия многоэлементных структур, развивающихся вследствие незамкнутости, диалогичности, нелинейности внутренних и внешних дискурсивных процессов.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Жанр эссе можно охарактеризовать как метажанр, включающий признаки различных жанров.

2. Эссе — маргинальный жанр, «находящийся на краю», восполняющий лакунарность жанровой системы и шире — лакунарность миропостижения, самоопределения и самовыражения автора и гипотетического идеального читателя в их диалогическом единстве.

3. Эссеистика является формой познания субъективной действительности, что сказывается на потенциальной выделенности каждого слова в тексте и образовании окказиональной терминосистемы.

4. Центром эссе является автор, однако именно он во многом обеспечивает диалогичность эссе.

5. Особое значение в эссе приобретает рефлексивность как способ самопознания и стремления к реализации самости.

6. Эссе представляет собой лингвокогнитивный феномен, что отражается как на уровне смыслообразования, так и на уровне языка.

7. В основе эссеистического мышления лежит парадоксальность, которая во взаимодействии с другими элементами усиливает диалогичность эссе.

8. В эссе выделяются следующие виды диалога:

1) по субъекту диалога:

- внутренний диалог эссеиста;
- диалог автора (читателя) с мирозданием, временем, языком, социокультурной реальностью;
- диалог автора (читателя) с авторитетом;
- диалог автора с читателем;
- диалог текста и читателя;
- диалог автора — текста — читателя;

2) по характеру диалога:

- эмотивный диалог;
- аксиологический диалог;
- концептуальный диалог;
- интертекстуальный диалог;
- ироничный диалог.

9. Посредством интертекстуальности в эссе достигается многоголосие, взаимодействие разных художественных миров в пределах одного эссе.

10. В эссе абсолютный индивидуализм восходит к «мы-бытийности».

11. В пределах эссе всё носит субъектный характер и вступает в субъект-субъектные отношения.

12. Синергетика эссе возникает вследствие многовариантного и неоднозначного взаимодействия многоэлементных структур, развивающихся вследствие незамкнутости, диалогичности, нелинейности внутренних и внешних дискурсивных процессов.

13. Эссе и фрагментарно, и синкретично одновременно.

Таким образом, нам представляется возможным и необходимым рассмотреть эссе в аспекте лингвопрагматики.

Список использованной литературы

1. **Кайда Л. Г.** Эссе: стилистический портрет [Электронный ресурс] / Л. Г. Кайда. — Режим доступа к ресурсу : <http://lib.rus.ec/b/304140/read#>.
2. **Советский** энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — 4-е изд. — М. : Сов. энциклопедия, 1988. — 1600 с.
3. **Литературный** энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.rubricon.com/qe.asp?otype=4&qall=0&aid={9488B3AA-D5C2}>.
4. **Словарь** литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. —

Режим доступа к ресурсу: http://litevv.narod.ru/teoriyL/slovar_lit.html.
5. Лямзина Т. Ю. Жанр эссе (К проблеме формирования теории) [Электронный ресурс] / Т. Ю. Лямзина. — Режим доступа к ресурсу: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm. **6. Эпштейн М.** Эссе об эссе [Электронный ресурс] / М. Эпштейн. — Режим доступа к ресурсу: http://www.emory.edu/INTELNET/esse_esse.html. **7. Эпштейн М.** Парадоксы новизны / М. Эпштейн. — М.: Прогресс, 1987. — 414 с.
8. Эпштейн М. Законы свободного жанра (Эссеистика и эссеизм в культуре Нового времени) / М. Эпштейн // Вопросы литературы. — 1987. — № 7. — С. 120—152. **9. Вайнштейн О.** Для чего и для кого писать эссе? / О. Вайнштейн // Литературная учеба. — 1985. — № 2. — С. 215—217. **10. Иванова Т.** Точка зрения: О прозе последних лет [Электронный ресурс] / Т. Иванова. — Режим доступа к ресурсу: nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Rli/2008...sadykova.pdf. **10. Гессе Герман.** Пять эссе о книгах и читателях / [перевод с нем.: Г. Снежинская] // Иностранная литература. — 2004. — №10 [Электронный ресурс] / Г. Гессе. — Режим доступа к ресурсу: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/10/gess6.html>. **11. Кругликов В.** Эссеизм как способ жизни и формы [Электронный ресурс] / В. Кругликов. — Режим доступа к ресурсу: <http://www.proza.ru/2006/12/25-234>. **12. Айхенвальд Ю.** Силуэты русских писателей. Вступление. [Электронный ресурс] / Ю. Айхенвальд. — Режим доступа к ресурсу: http://www.modernlib.ru/books/yuliy_isaevich_ayhenvald/vstuplenie_k_sborniku_siluety_russkih_pisateley/read_1/. **13. Кузьмина Н. А.** Пушкинский текст современной поэзии // Вестник Омского университета. — 1999. — Вып. 2. — С. 108—117. [Электронный ресурс] / Н.А. Кузьмина. — Режим доступа к ресурсу: omsu.omskreg.ru/vestnik/articles...a108/article.html. **14. Руднев В.** Словарь культуры XX века [Электронный ресурс] / В. Руднев. — Режим доступа к ресурсу: <http://lib.guru.ua/CULTURE/RUDNEW/slovar.txt>. **15. Кузьмина Н. А.** Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та — Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. — 268 с. **16. Юнг К. Г.** Два эссе по аналитической психологии // CW. Vol. 7. — P. 238. **17. Эпштейн М.** Эссеистика как нулевая дисциплина [Электронный ресурс] / М. Эпштейн. — Режим доступа к ресурсу: http://old.russ.ru/antolog/intelnet/mt_essayistic.html. **18. Фуко Мишель.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / [пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой]. Вступительная статья Н. С. Автономовой]. — СПб., А - cad, 1994. — 408 с.

Мінаєва Е. В., Пономарьова Т. О. Есе у прагмалінгвістичному аспекті

У статті розглядаються жанрові характеристики есе в аспекті лінгвопрагматики, описуються когнітивні ознаки есеїстики. Есе

представлене як метажанр, для якого є характерні ознаки різних жанрів. Аналізуються особливості взаємодії в есе автора та читача. Розглядається специфіка інтертекстуальності в есе. Особлива увага приділяється синергетиці цього жанру. Серед ознак есе як жанра названі такі: метажанровість, рефлексивність, парадоксальність, усуб'єктивність, діалогічність та інші. Визначено, що в центрі есе знаходиться автор, забезпечує діалогічність есе. Автори називають види діалогу, які виділяються в есе.

Ключові слова: есе, прагмалінгвістика, діалогічність, автор, читач, інтертекстуальність.

Минаева Э. В., Пономарёва Т. А. Эссе в прагмалингвистическом осмыслении

В статье рассматриваются жанровые характеристики эссе в аспекте прагмалингвистики, описываются когнитивные признаки эссеистики. Эссе представлено как метажанр, для которого характерны признаки различных жанров. Анализируются особенности взаимодействия в эссе автора и читателя. Рассматривается специфика интертекстуальности в эссе. Особое внимание уделено синергетике этого жанра. Среди признаков эссе как жанра формулируются следующие: метажанровость, рефлексивность, парадоксальность, субъективность, диалогичность и др. Отмечается, что в центре эссе находится автор, который во многом и обеспечивает диалогичность эссе. Авторы называют виды диалога, которые выделяются в эссе.

Ключевые слова: эссе, прагмалингвистика, диалогичность, автор, читатель, интертекстуальность.

Minaeva E. V., Ponomarova T. A. Essays in Pragmalinguistic Understanding

In the article the essay genre characteristics in terms of lingvopragmatic, describes cognitive symptoms essays. An essay is presented as metazhanr, which the signs of different genres are characteristic for. The features of co-operation in the essay of author and reader are analysed. The specific of intertekstual'nosti is examined in an essay. The special attention is spared the synergetics of this genre. Among the signs of essay as genre the followings are formulated: metazhanrovost, reflection, paradoxicality, subjectivity, dialogichnost' and other is Marked, that in a center an essay there is an author which in a great deal and provides a dialogichnost essay. Authors name the types of dialog, which are selected in an essay.

Key words: essay, pragmalingvistika, dialogic, author, reader, intertextuality.

Стаття надійшла до редакції
Прийнято до друку
Рецензент –

УДК 811.161.1'42

И. С. Масленников

АНАЛИЗ И ВОСПРИЯТИЕ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЦЕНОЧНОГО ДИСКУРСА

Современный научный подход ориентирует на рассмотрение дискурса как важнейшей формы повседневной жизненной практики человека и определяет его как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, и экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Проанализирова ряд определений, остановимся на формулировке, данной Н.Д. Арутюновой: «Дискурс — это текст, взятый в событийном аспекте» [1, с. 136]. Введение в научный контекст понятия «дискурс» дает основание для особого отношения к *обратной связи*, которая оказывается значимой для многих видов интеракции и типов дискурсов.

Теория дискурса подготавливает сознание воспринимающего текст реципиента (читателя или исследователя текста) для изучения возможного/невозможного в речи говорящего человека, предлагает учитывать причины, благодаря которым как раз и можно объяснить желание (произвольное или непроизвольное) произнести определенную фразу, чтобы впоследствии правильно оценить ее и адекватно отреагировать.

С позиций коммуникативной стилистики *оценочность* — важнейшая интенциональная характеристика текста. С ее помощью формируется определенная аксиологическая модель общества, закрепляющая в массовом сознании политические, идеологические, морально-нравственные и другие универсальные и этноспецифические ценности [2, с. 38—39].

Цель данной статьи мы видим прежде всего в теоретическом обосновании предмета исследования — проявление метаязыка оценочного дискурса через призму обратной связи.

Оценочный дискурс, как и любой тип дискурса, характеризуется связью с доминантной темой и коммуникативной ситуацией, динамичностью, социальной маркированностью (обусловленной статусом, интенциями, психологическими особенностями коммуникантов), неоднородной структурированностью, актуализацией как языковых, так и неязыковых факторов, жанровой формой существования [3, с. 127]. Вместе с тем по отношению к оценочному дискурсу можно говорить о наличии особой, оценочной речевой ситуации, о специфических интенциях говорящего [4, с. 57], использующего оценочный фактор в качестве достижения целей и задач общения, а также об особой роли системы ценностей и эмоционального настроения коммуникантов в процессе общения. Таким образом, можно

выделить следующие возможные аспекты изучения оціночного дискурса: 1) оценочную речевую ситуацию (включая ее контекст — линейный и вертикальный); 2) коммуникативные параметры говорящего (его пресуппозиции, интенции, эмоциональное состояние и т. п.); 3) коммуникативные параметры адресата (пресуппозиции, эмоциональное состояние, отношение к говорящему, степень осведомленности и т. п.); 4) межличностные отношения коммуникантов; 5) развитие, внутреннюю организацию дискурса и использование в нем оценочных средств. В этом комплексе проблем лингвиста интересует прежде всего выбор языковых оценочных средств, их распределение в структуре дискурса и особенности функционирования в связи с решением тех или иных коммуникативных задач, то есть изучение языка «в действии», «в жизни». Следует отметить, что именно дискурсивный анализ дает полное представление о функционировании оценочных единиц, т. е. о том, как они влияют на передачу идей и убеждений и, наоборот, какие средства и в каких случаях следует использовать.

Разделяя приведенное выше мнение Т. А. ван Дейка о жанровой форме существования дискурса, рассмотрим функционирование языковых единиц со значением общей оценки в дискурсе, включающем комплимент и лесть — фатические речевые жанры, имеющие целью не сообщение, а общение.

Комплимент — выражение положительной оценки, одобрения, причем в такой форме, которая дает моральное удовлетворение, льстит самолюбию собеседника. Основная коммуникативная функция комплимента в речи заключается в создании или поддержании солидарности между говорящим и слушающим. Коммуникативные цели адресантов комплимента, как правило, различны. Целью гуманиста может быть изменение эмоционального состояния адресата, его ободрение, поддержка. Манипулятор действует в корыстных целях и использует комплимент для исполнения своих скрытых намерений.

Комплимент должен быть построен таким образом, чтобы иллюкутивная цель говорящего была достигнута, а для этого комплимент должен быть «прозрачен». В связи с этим к оценочным средствам, используемым в речевых актах комплимента, предъявляются особые требования. Как показало наше исследование, говорящий обычно выбирает прагмемы, усиливающие оценку. К последним относятся: 1) экспрессивные лексемы, обозначающие высокую степень положительного признака: *Ваши картины просто изумительны!*; 2) различные интенсификаторы: *Какой у вас хороший мальчик вырос!* Комплимент должен вызвать у адресата положительную ответную реакцию, а для этого нужно убедить его в том, что его хвалят вполне обоснованно. С этой целью используется развернутая аргументация похвалы. Ср.: *«Ты отличный специалист»* и *«Ты отличный специалист, без тебя мы не сделали бы и половину того, что нам удалось сделать»*.

С другой стороны, коммуникативная неудача при использовании оценочных средств ждет адресанта комплимента в случаях, когда: 1) имеется отрицательное сравнение (особенно в случае преобладания отрицательного смысла при иронии, насмешке): *«Хоть ты и глупа как пробка, но готовишь неплохо»*; 2) прагмемы создают неоправданные преувеличения, которые превращают комплимент в лесть (особенно при экспликации корыстных мотивов говорящего): *«Ты прекрасный переводчик! Кстати, не сможешь ли мне перевести одну статейку?»*

Речевые акты (РА) комплимента и лести имеют ряд общих признаков: они перспективны, поскольку рассчитаны на определенную реакцию адресата (изменение его эмоционального состояния или поведения), в их структуру включается положительная оценка, а на уровне вербализации они характеризуются некоторыми общими выражающими похвалу клише. Более того, в них могут использоваться одни и те же оценочные средства. Вместе с тем они имеют существенные различия по следующим параметрам: 1) по цели: целью говорящего в РА комплимента является установление контакта, регулирование межличностных отношений, а цель говорящего в РА лести — осуществление личных (корыстных) целей; 2) по типу говорящего: комплименты делает экстравертированный гуманист (при условии его искренности), а лесть свойственна манипулятору; 3) по социальному статусу коммуникантов: комплимент предполагает равенство социальных статусов говорящего и адресата, а лесть — отношения «снизу вверх»; 4) по ситуации общения: комплимент предполагает неофициальную ситуацию общения, в то время как лесть по этому признаку не маркирована [5, с. 15—17].

В коммуникативную организацию речевого акта включены элементы, связывающие части одной фразы или нескольких предложений, и, в конечном счете, образующие сложную модель сообщения. Очень часто говорящий «рассчитывает» на то, что сделанное им сообщение будет понятно слушающему человеку, причем только в «выгодном» виде для самого автора высказывания. Если же такого однозначного понимания не наблюдается, то говорящий истолковывает это неспособностью слушателя воспринимать подобные сообщения либо эгоистическим нежеланием прислушаться к его мнению [6, с. 361—362].

Успешность коммуникации зависит от знаний общающихся относительно предмета речи, от установок адресанта и от того, как эти установки декодируются адресатом. Определение дискурса как «особого способа общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [7, с. 15] фиксирует когнитивный параметр (понимание), совмещенный с интерактивным (способ общения).

Полагаем, что на отношение «получателя» информации к ее «отправителю» влияет мировоззрение адресанта, степень наличия в его сознании фоновых (внеязыковых) знаний, его способность к ассоциативному мышлению. В конечном счете, это формирует

эмоциональный уровень восприятия полученной информации, который выражается через разные чувства — недоумение, сочувствие, понимание или иронию [6, с. 363].

Переходя к такой немаловажной составляющей оценочного дискурса, как обратная связь, отметим, что ее успех зависит от меры совпадения кодов отправителя информации и ее получателя. Адресант копирует смыслы отнюдь не только в соответствии со своим мировосприятием и содержанием своего языкового тезауруса, но и проецирует его на сферу языкового сознания адресата [8, с. 17].

Желанием адресанта избежать неправильной оценки подаваемой информации объясняется повышенное внимание к значению ключевых слов текста. Адресант стремится учесть тот набор общественно-политических и моральных ценностей, которые актуальны именно на данный момент и именно для данного адресата [8, с. 18]

Отсутствие же обратной связи принципиально меняет коммуникативную деятельность говорящего — она теряет свой автоматизм и спонтанность. Действительно, в ситуации устного общения диалогичность — органическое свойство речевого взаимодействия, а в условиях порождения письменного текста диалогичность создается искусственно, то есть моделируется. Но адресант и адресат и в письменном тексте остаются психологическими составляющими вербальной коммуникации. Адресант, исходя из замысла, кодирует некий смысл, задача адресата — раскрыть и понять этот смысл через декодирование вербальных знаков. Автор письменного текста прогнозирует процесс и результат понимания и включает этот прогноз в текст в виде структур предположения, оформленных в соответствующей модальности и с помощью множества языковых средств, регулирующих понимание и обеспечивающих его адекватность [8, с. 11].

Прагматическая сущность оценочных выражений со знаком «+» или со знаком «-» проявляется в принципе понижения ↓ (понижения, уничижения) или преувеличения ↑ (увеличения ценности, возвышения) достоинств объекта воздействия. Оценочный компонент в речевых дискурсивных практиках коммуникантов затрагивает параметр психоэмоционального комфорта / дискомфорта говорящей личности в речевой интеракции. Следовательно, оценочные высказывания могут быть опосредованным сигналом развертывания общения по какой-либо модели комфортного или дискомфортного диалогического общения.

Таким образом, оценка тесно связана с различными интенциями коммуникантов и иллюкутивными силами и создает особый интенциональный контекст. Она формирует концептуальную целостность текста и позволяет «выразить больше, чем значат слова, и воплотить *неречевое*, предметное (ситуативное) или духовное (ценностное), взаимодействие субъектов, *метасмысл* общения» [9, с. 162]. В этом и заключается ее прагматическое назначение.

Список использованной литературы

- 1. Арутюнова Н. Д.** Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М. : Советская энциклопедия, 1990. **2. Клушина Н. И.** Интенциональные категории публицистического текста: автореф. дис. на соискание науч. степени д-ра филол. наук / Н. И. Клушина. — М., 2008. — 57 с. **3. Дейк Т. А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с. **4. Миронова Н. Н.** Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. — М. : Тезаурус, 1997. — 160 с. **5. Дьячкова И. Г.** Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук / И. Г. Дьячкова. — Омск, 2000. — 22 с. **6. Чалый В. В.** Позиция говорящего в речевом акте // Язык. Культура. Коммуникация / В. В. Чалый — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. — 539 с. **7. Филипс Л.** Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филипс, М. В. Йоргенсен. — Харьков, 2004. **8. Синельникова Л. Н.** Коммуникативное пространство адресант-адресатных отношений в современном публицистическом дискурсе / Л. Н. Синельникова // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. — Луганськ, 2008. — № 17 (156). **9. Рябцева Н. К.** Язык и естественный интеллект / К. Н. Рябцева. — М. : Academia, 2005. — 640 с.

Масленников И. С. Анализ і сприйняття зворотного зв'язку через призму оцінного дискурсу

У статті визначається і аналізується сприйняття зворотного зв'язку через призму оцінного дискурсу.

Відзначається, що саме дискурсивний аналіз дає повне уявлення про функціонування оцінних одиниць, які є значущими для багатьох видів інтеракції та комунікативної взаємодії.

Особливу увагу приділено мовним актам компліменту і лестощів як найважливішим складовим оцінного дискурсу, проводиться аналіз їх загальних ознак.

Показано зв'язок оцінки з різними інтенціями комунікантів. Завдяки зворотного зв'язку формується концептуальна цілісність тексту і реалізуються іллокутивні установки суб'єктів мовлення.

Ключові слова: оцінний дискурс, оцінка, зворотний зв'язок, комунікація, адресант, адресат.

Масленников И. С. Анализ и восприятие обратной связи через призму оценочного дискурса

В статье определяется и анализируется восприятие обратной связи через призму оценочного дискурса.

Отмечается, что именно дискурсивный анализ дает полное представление о функционировании оценочных единиц, являющихся

значимыми для многих видов интеракции и коммуникативного взаимодействия.

Особое внимание уделено речевым актам комплимента и лести как важнейшим составляющим оценочного дискурса, проводится анализ их общих признаков.

Показана связь оценки с различными интенциями коммуникантов. Благодаря обратной связи формируется концептуальная целостность текста и реализуются иллокутивные установки субъектов речи.

Ключевые слова: оценочный дискурс, оценка, обратная связь, коммуникация, адресант, адресат.

Maslennikov I. S. Analysis and Perception of Feedback Through the Prism of Evaluative Discourse

The paper identifies and analyzes the perception of feedback through the prism of evaluative discourse.

It is noted that it is the discourse analysis provides a comprehensive notion of the functioning of evaluative units that are relevant to many types of communicative interaction.

Special attention is paid to speech acts of compliments and flattery as important components of the evaluative discourse, their common features are analyzed.

It is shown a connection of the evaluation with some various intentions of communicants. Through feedback the conceptual integrity of the text is formed and illocutionary speech settings are realized.

Key words: evaluative discourse, evaluation, feedback, communication, addresser, addressee.

Стаття надійшла до редакції

Прийнято до друку

Рецензент –

УДК 811.161.1'42

А. В. Розсоха

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ИРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. ТЭФФИ)

Исследование иронического дискурса в русле лингвопрагматики предполагает анализ категории диалогичности. В классическом наследии М. М. Бахтина [1], С. С. Аверинцева [2; 3], Ю. М. Лотмана [4; 5] и его школы были изучены процессы создания и расшифровки иронии в тексте. В современном языкознании изучение этой проблемы

продолжили Е. Ю. Третьякова [6], В. В. Чумак [7], Т. И. Иваненко [8] и мн. др.

Цель статьи — выявить маркеры диалогичности иронического дискурса и проанализировать их на материале произведений Н. Тэффи.

Ироническое высказывание, как и любое другое, является речевым событием, которое с точки зрения лингвопрагматики имеет определённые цели и задачи, обладает законченностью, формой, структурой. При конструировании иронии основными ресурсами являются факторы, сопровождающие речевой акт, а именно — обстоятельства, в которых интерпретируется сообщение. Первичный смысл высказывания отодвигается на второй план, а основными показателями истинных намерений говорящего становятся не его слова, а то, как они были сказаны, в какой ситуации они были произнесены, как они соотносятся с мировоззрением адресанта и адресата.

Рассматривая прагматические цели, которыми руководствуется адресат, прибегая к иронии, остановимся на условиях, в которых ирония формируется. Одним из этих условий является дискурсивное взаимодействие говорящего (адресанта) и слушающего (адресата). К средствам создания иронии относятся интонационная и лексико-стилистическая оформленность высказывания. На словообразовательном уровне ирония может выражаться посредством использования уменьшительно-ласкательных суффиксов, на лексическом — насыщением текста гиперболами, а также лексикой, характерной для других стилей общения и не уместной в данной ситуации. Названные средства сами по себе не являются ироническими, но специфика их использования в речи позволяет создавать иронический подтекст, который, по определению Л.Н. Синельниковой, «возникает в сознании читателя как целостная эмоционально-смысловая реакция на текст...» [9, с. 137].

Важно подчеркнуть, что контекстуальная информация и усилия, затраченные собеседником на правильное толкование высказывания, играют важную роль в достижении прагматического эффекта посредством иронии. Неполное понимание мыслей говорящего адресатом, осознание адресантом, что его сообщение истолковано неверно, может вызвать взаимную антипатию у собеседников и привести к деконструкции диалога. Иногда мы «переоцениваем» собеседника, считая, что тот располагает достаточной информацией для правильной интерпретации иронического высказывания, и наталкиваемся на полное непонимание. Если же контекстуальные факторы представлены чрезмерно ярко, а сообщение в своей форме явно контрастирует с ситуацией, то ирония становится грубой и граничит по своим функциям с насмешкой, язвительным замечанием, сарказмом. В этом случае теряется особая связь, которую адресант хочет установить, опираясь на общие с собеседником знания и контекст. Правильно оформленное и

уместно употреблённое ироническое замечание должно находиться между этими двумя крайностями.

Рассмотренные выше особенности относятся, прежде всего, к текстовой иронии, где автор реализует её диалогические особенности, прибегая к одностороннему общению с реципиентом иронического сообщения: читая описания героев или событий, мы неосознанно принимаем мировоззренческую позицию автора, рассматриваем описываемое так, как было задумано адресантом.

В художественном тексте ирония зачастую носит юмористический характер, что позволяет одновременно выражать критику в отношении объекта иронии и развлекать адресата. Так, исследуя иронический дискурс Н. Тэффи, мы обнаружили, что иногда юмористический подтекст эксплицируется посредством диалога с репликами-отзвуками мыслей говорящего, так называемого «эхоического» (в терминологии Д. Уилсона) использования иронии, при котором «говорящий может предоставить явные языковые маркеры своего отношения или же намекнуть слушателю на смысл высказывания с помощью паралингвистических и контекстуальных средств. Основным утверждением эхоической теории является то, что вербальная ирония — это подтип эхоического использования, в котором говорящий (как правило, намёком) выражает какое-либо диссоциативное отношение (скептицизм, насмешку, отрицание и т.д.) к другому высказыванию или мысли (также выраженными намёком)» [10].¹

Ярким примером «эхоического» использования иронии является рассказ «Маляр (Загадка бытия)», начало и конец которого представляют собой *посвящение*, текстовое содержание которого практически совпадает:

«Тебе, пришедшему ко мне на рассвете дня,
Тебе, озарившему мое тусклое время,
Тебе, рыжему маляру с коричневой бородавкой,
Посвящаю я, благодарная, эти строки» [11, с. 118].

Развитие действия зафиксировано в форме повторяющихся диалогов, сопровождаемых авторскими ремарками.

«Маляр мазал дверь бледно-розовой краской.

— Это что же, голубчик, верно, грунт?

Он презрительно усмехнулся.

— Нет, это не грунт, а окраска. Это уж так и останется.

— Да зачем же? Ведь я просила красную, под цвет обоев.

— Вот эту самую краску вы и хотели.

Я на минутку закрыла глаза и обдумала свое положение. Оно было довольно скверное. Неужели я вчера сошла с ума и заказала розовые двери?

— Голубчик, — робко сказала я. — Насколько мне помнится, я просила красные, а не розовые.

— Это и есть красные, только от белил оне кажутся светлее. А без белил, так оне совсем красные были бы.

— Так зачем же вы белила кладете?

Он смерил меня с ног до головы и обратно. Усмехнулся и сказал:

— Нам без белил нельзя.

— Отчего?

— Да оттого, что мы без белил не можем.

— Да что же: краска не пристанет или что?

— Да нет! Какое там не пристанет. Где же это слыхано, чтобы масляная краска да не пристала. Очень даже вполне пристанет.

— Так красьте без белил.

— Нет, этого мы не можем!

— Да что вы, присягу, что ли, принимали без белил не красить?

Он горько задумался, тряхнул головой и сказал:

— Ну, хорошо. Я покрашу без белил. А как вам не пондравится, тогда что?

— Не бойтесь, понравится.

Он тоскливо поднял брови и вдруг, взглянув мне прямо на дно души, сказал едко:

— Сурику вам хочется, вот чего!

— Что? Чего? — испугалась я.

— Сурику! Я еще вчерась понял. Только сурику вы никак не можете.

— Почему? Что? Почему же я не могу сурику?

— Не можете вы. Тут бакан нужен.

— Так берите бакан.

— А мне за бакан от хозяина буча будет. Бакан восемь гривен фунт.

— Вот вам восемь гривен, только купите краску в цвет.

Он вздохнул, взял деньги и ушел» [11, с. 119—120].

Диалог начинается с ситуативной иронии: маляр называет бледно-розовую краску красной и говорит, что именно этот цвет и был изначально заказан. Абсолютное непонимание друг друга участниками диалога эксплицируют повторяющиеся в речи маляра реплики: «Нам без белил нельзя. — Отчего? — Да оттого, что мы без белил не можем».

Маляр так и не признается, зачем ему нужны белила, а в ответ на вопрос отчаявшейся героини: «Да что вы, присягу, что ли, принимали без белил не красить?», — неожиданно заявляет: «Сурику вам хочется, вот чего!». И далее как эхо его мыслей звучат реплики: «Сурику! Я еще вчерась понял. Только сурику вы никак не можете».

В течение последующих трёх дней ситуация повторяется: сначала «маляр мазал дверь тусклой светло-коричневой краской», потом «он мазал дверь тускло-желтой мазью», а в конце концов предложил добавить кобальту: «А грязнее будет!».

Эхоическое использование иронии является одним из способов проявления её диалогичности. Рассматривая приведённый выше пример, легко обнаружить диалогическую основу создания иронии. В большей части текста автор передаёт свою беседу с маляром, но между репликами вводит ремарки, которые направлены на читателя, т. е. создаёт параллельный диалог. Авторские ремарки («Он презрительно усмехнулся», «Он горько задумался, тряхнул головой и сказал», «Он тоскливо поднял брови и вдруг, взглянув мне прямо на дно души, сказал едко») насыщены иронией: поведение просторечивого маляра, говорящего «не подравится», «вчера» и т. д., описано драматически, с использованием лексики, присущей высокому стилю («заглянуть на дно души», «горько задуматься» и т. д.), что создаёт контраст, несоответствие в описании, и читатель неизбежно становится участником диалога, принимая сторону автора, горько иронизирующего над этой историей. В своей диссертационной работе Т. А. Иваненко называет подобные ремарки «дискурсивными маркерами», определяющими «зону диалогического контакта автора с адресатом» [8, с. 7].

Подобно эху, как отзвук началу рассказа, звучат мысли автора в последней его части:

«С тех пор прошла неделя. Двери выкрасил другой маляр, выкрасил в настоящий цвет, но это не радует меня.

Я отравлена.

Я целые дни сижу одна и мысленно беседую с ним, с рыжим, бородавчатым.

— Голубчик, — говорю я, — почему же вы не можете без белил?

Он молчит, и жуткая мистическая тайна окутывает это молчание.

Ему, — о, слабое утешение! — ему, неизъяснимому, озарившему странной загадкой мое тусклое время, непонятно зачем пришедшему, неведомо куда ушедшему, рыжему маляру с коричневой бородавкой, посвящаю я эти строки.

И как перед тайной, равной тайне смерти, склоняюсь и благоговейно шепчу:

— Я ни-че-го не по-ни-маю!» [11, с. 119—120].

Ирония всегда является частью дискурса, ответом на предыдущее сообщение, комментарий, событие или даже на чью-то мысль или точку зрения, заведомо известную говорящим. Ироническое высказывание строится на основе предыдущих сообщений, а, следовательно, диалогичность является одним из неотъемлемых свойств иронии. В речи эхоическое использование иронии проявляется в том, что адресат ссылается на предыдущий опыт общения с адресантом и приводит комментарий, нарушающий логику этого общения: зная отношение собеседника к какому-либо вопросу, можно нарочно сказать что-то, заведомо противоречащее его точке зрения. На ситуативном уровне, адресант конструирует ироническое сообщение, нарушая ожидания других участников дискурса в данной ситуации. На диалогическом

уровне автор сообщения может повторить высказывание, сделанное собеседником и представить его в иной форме, если изменившаяся ситуация сама не сделает высказывание абсурдным.

В рассказе Н. Тэффи «Покаянное» ирония строится на ситуативном и речевом контрастах. При этом диалогичность иронии проявляется как в речи главных героев рассказа, так и в контекстуальном дискурсе.

Остановимся на диалоге старухи-няньки, вернувшейся домой после исповеди, с горничной:

«Горничная испугалась.

— Виновата, няничка! Поздравляю вас, исповедавшись.

— «Поздравляю!» Нынче разве поздравляют! Нынче нороят, как бы человека избидеть да упрекнуть. Давеча наливка ихняя пролилась. Кто её знает, чего она пролилась. Тоже умней Бога не будешь. А маленькая барышня и говорит: «Это, верно, няня пролила!» С эдаких лет и такие слова.

— Удивительно, няничка! Такие маленькие и так уже всё знают!» [12, с. 26—27].

Ирония в диалоге создаётся на основе контраста в стиле общения собеседников: вежливые фразы («виновата», «поздравляю»), обращение на «Вы», уменьшительно-ласкательное обращение «няничка» со стороны горничной никак не сочетаются с резкими словами няньки («нороят избидеть да упрекнуть», «С эдаких лет и такие слова»). Контекстуальная информация, адресованная, прежде всего, читателю, передаётся репликой: «Кто её знает, чего она пролилась. Тоже умней Бога не будешь». Контекст помогает понять читателю, что нянька хочет скрыть свою вину и именно по этой причине возмущается поведением девочки, рассказавшей обо всём родителям. Эта фраза становится главным маркером иронического диалога между автором и читателем. Через такие маркеры в диалоге и реализуется ирония в тексте:

«— Я, может, и совсем ложиться не буду. Хочу раньше всех в церкву придти. Чтoб всякая дрянь вперёд людей не лезла. Всяк сверчок знай свой шесток.

— Это кто же лезет-то?

— Да старушонка тут одна. Ледащая, в чём душа держится. Раньше всех, прости Господи, мерзавка в церкву придёт, а позже всех уйдёт. Кажинный раз всех перестоит. И хоша бы присела на минуточку! Уж мы все старухи удивляемся. Как ни крепись, а, пока часы читают, немножко присядешь. А уж эта ехида не иначе как нарочно. Статочное ли дело эстолько выстоять! Одна старуха чуть ей платок свечкой не припала. И жаль, что не припала. Не пялься! Чего пялиться! Разве указано, чтобы пялиться. Вот приду завтра раньше всех да перестою её, так небось форсу посбавит. Видеть её не могу! Стою сегодня на коленках, а сама всё на неё смотрю. Ехида ты, думаю, ехида! Чтoб тебе водяным пузырьём лопнуть! Грех ведь это – а ничего не поделаешь.

— Ничего, няничка, вы теперь исповедались, все грехи батюшке попу отпустили. Теперь ваша душенька чиста и невинна.

— Да, чёрта с два! Отпустила! Грех это, а должна сказать: плохо меня этот поп исповедовал. Вот когда в монастырь с тётушкой с княгинюшкой ездили, вот это можно сказать, что исповедовал. Уж он меня пытал-пытал, корил-корил, три епитимьи наложил!» [12, с. 28—29].

Речевые маркеры иронического диалога мы видим в комментарии горничной, которая, как и прежде, почтительно обращается к няньке на «Вы» и старается как можно чаще использовать уменьшительно-ласкательные суффиксы, и в резком ответе няньки, который граничит с грубостью: «Теперь ваша душенька чиста и невинна. — Да, чёрта с два!»). При этом предыдущий монолог няньки адресован как горничной, так и читателю: нянька рассказывает о «старушонке», которая приходит в церковь раньше других, в таком тоне, как будто это должно вызывать порицание и негодование. Диалогическим маркером иронии, адресованным читателю, является фраза «Раньше всех, прости Господи, мерзавка в церкву придёт, а позже всех уйдёт». Здесь не только проявляется истинное положение вещей, но и выражается отношение автора к героине, которое передаётся адресату. Обращение «мерзавка» к старушке, вина которой лишь в том, что она приходит в церковь раньше других, говорит о злобе и зависти няньки и является сигналом для адресата не воспринимать её речь буквально, а переосмысливать все высказывания.

Диалогичность текста — основа для создания иронического дискурса. Лишь при наличии диалога между читателем и автором (открытого или скрытого), можно обнаружить маркеры, дающие информацию об истинном смысле того или иного высказывания. В приведённых примерах автор строит диалог с читателем, используя как контекстуальную информацию, так и особенности стилистического оформления реплик героев рассказа. Ирония автора в тексте в большинстве случаев эксплицируется посредством диалога.

Исходя из вышесказанного, можно определить базовые свойства иронии с точки зрения лингвопрагматики: диалогичность и наличие общего дискурса, связывающего коммуникантов. Прагматические цели, преследуемые говорящим при создании иронии, могут варьировать от развлекательной функции до стремления адресанта сблизиться в общении с адресатом. Наиболее полная реализация иронии возможна лишь в структуре диалога, так как только в диалоге обозначен адресат иронических реплик, на реакцию которого рассчитывает адресант.

Все перечисленные функции иронии (выражение критического отношения к объекту иронии, регуляция взаимоотношений между участниками дискурса, более аргументированное и яркое выражение мыслей, создание юмористического подтекста) непосредственно соотносятся с лингвопрагматическими особенностями её использования,

а также целями, которые преследует говорящий, используя иронию для выражения своих мыслей.

Список использованной литературы и примечания

- 1. Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1986. — 445 с.
- 2. Аверинцев С. С.** Риторика и истоки европейской литературной традиции / С. С. Аверинцев. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 447 с.
- 3. Аверинцев С. С.** Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ / С. С. Аверинцев. — М. : Наука, 1992. — С. 7—19.
- 4. Лотман Ю. М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М. : Искусство, 1970. — 383 с.
- 5. Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. — М. : Языки славянской культуры, 1996. — 460 с.
- 6. Третьякова Е. Ю.** Ирония в структуре художественного текста // Научно-культурологический журнал RELGA. — № 19 (73) 15.10.2001. URL [Электронный ресурс] / Е. Ю. Третьякова. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.relga.ru>.
- 7. Чумак В. В.** Прагматика языка иронических высказываний в драматургических произведениях английских и американских авторов XX века (В подлинниках и переводах) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Василий Васильевич Чумак. — Краснодар, 2005. — 176 с.
- 8. Иваненко Т. А.** Лингвокогнитивный анализ иронии в авторском диалогическом дискурсе романа «Ярмарка тщеславия» У. М. Теккерея : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04. — «Германские языки» / Т. И. Иваненко. — Москва, 2011. — 16 с.
- 9. Синельникова Л. Н.** Жизнь текста, или Текст жизни / Л. Н. Синельникова. — Луганск : Знание, 2005. — Т. 1. Лингвистическая поэтика. — 432 с.
- 10. Wilson D.** The Pragmatics of verbal irony: echo or pretence? [Электронный ресурс] / D. Wilson. — Режим доступа к ресурсу : www.personal.uni-jena.de/~mu65qev/.../d/.../Wilson_2006.pdf.
- 11. Тэффи Н. А.** Маляр (Загадка бытия) // Тэффи. Антология Сатиры и Юмора России XX века / Н. А. Тэффи. — М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — Том 12 — С. 118—123.
- 12. Тэффи Н. А.** Покаянное // Тэффи Н. А. Собр. соч. : в 5 т. — Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов / [сост. И. Владимиров] / Н. А. Тэффи. — М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. — С. 26—29.

¹«... in echoic use the speaker may give an overt linguistic indication of her attitude, or leave the hearer to infer it from paralinguistic or contextual clues. The main claim of the echoic account is that verbal irony is a sub-type of echoic use in which the speaker (generally tacitly) expresses one of a range of dissociative attitudes (scepticism, mockery, rejection, etc.) to a (generally tacitly) attributed utterance or thought» [10]. (Перевод с англ. наш. — А.Р.).

Розсоха А. В. Діалогічність як одна з основних лінгвопрагматичних якостей іронії (на матеріалі творів Н. Теффі)

У статті розглядаються лінгвопрагматичні цілі, які переслідує адресант, вдаючись до іронії, а також якості іронії, необхідні для досягнення таких цілей. Автор приділяє особливу увагу якості діалогічності іронії та її ехоїчеському використанню у творах Н. Теффі.

Використання іронії в тексті має передумовою наявність діалогу. Іронія завжди є відповіддю на якесь висловлювання, подію або коментарем, що ґрунтується на чийомусь світогляді, відомому комунікантам. Успішність іронічного висловлювання залежить від правильної оцінки контекстуальної інформації учасниками бесіди. Іронічний текст розпізнається адресатом важче, ніж пряме висловлювання, але має більш широкий спектр функціонування.

Ключові слова: лінгвопрагматичні якості іронії, діалогічність, маркери діалогічності, іронічний дискурс.

Розсоха А. В. Диалогичность как одно из основных лингвопрагматических свойств иронии (на материале произведений Н. Тэффи)

В статье рассматриваются лингвопрагматические цели, которые преследует адресант, прибегая к иронии в речи, а также свойства иронии, необходимые для достижения данных целей. Автор уделяет особое внимание свойству диалогичности иронии и её эхоическому использованию в произведениях Н. Тэффи.

Использование иронии в тексте подразумевает наличие диалога. Ирония всегда является ответом на какое-то высказывание, событие или же комментарием, основанным на чьём-то мировоззрении, известном комунікантам. Успешность иронического высказывания зависит от правильной оценки контекстуальной информации участниками беседы. Иронический текст распознаётся адресатом труднее, чем прямое высказывание, но обладает более широким спектром функционирования.

Ключевые слова: лингвопрагматические свойства иронии, диалогичность, маркеры диалогичности, иронический дискурс.

Rozsokha A. V. Dialogicality as One of the Main Linguopragmatic Qualities of Irony (Based on Works by N. Taffy)

The article deals with the linguopragmatic goals the speaker pursues when using irony in speech as well as the qualities of irony needed to achieve these goals. The author pays special attention to the dialogicality of irony and its echoic use in the works by N. Taffy.

Use of irony in text implies the presence of a dialogue. Irony is always an answer to a certain statement, event or a comment based on someone's Weltanschauung, known to the speakers. The success of an ironic utterance depends on the right assessment of the contextual information by the

conversation participants. Ironic text is harder to process for the recipient, but has a wider functioning spectre.

Key words: linguopragmatic qualities of irony, dialogicality, markers of dialogicality, ironic discourse.

Стаття надійшла до редакції

Прийнято до друку

Рецензент –

УДК 811.161.1'42:32

Е. А. Унукович

ЖАНР КАРИКАТУРЫ КАК СЖАТЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Целью данной статьи является исследование карикатуры как сжатого политического текста. Для исследования нами были взяты газеты периода выборов в Верховную Раду, которые свободно распространялись на улицах города Луганска («Наш выбор», «Наша жизнь», «По правде говоря», «Советская Луганщина», «Честная газета»).

На сегодняшний день не существует общепринятого термина для текстов, организованных сочетанием естественного языка с элементами других семиотических систем. Существуют такие понятия для обозначения этого феномена: креолизованный текст, поликодовый текст, изовербальный комплекс, семиотически осложнённый текст, видеовербальный текст, лингвовизуальный комплекс, составной текст. Карикатура среди подобных текстов выделяется тем, что зачастую вербальный уровень играет менее важную роль в образовании целого текста, и ведущая роль отдается визуальной информации, которая формирует самостоятельную информативно нагруженную единицу или даже целый текст.

Связь семантически осложненных текстов политической коммуникации, основным инструментом которых выступает политический юмор, и семантической компрессии еще не получила достаточного освещения в лингвистической литературе.

Карикатура (итал. *caricatura*, от *caricare* — нагружать, преувеличивать) — это семантически осложненный текст, в основе которого лежит сатирическое или юмористическое изображение, «в котором комический эффект создаётся соединением реального и фантастического, преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями; жанр изобразительного искусства (обычно графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры, часто обладающий тенденциозной социально-критической направленностью, подвергающий осмеянию

какие-либо социальные, общественно-политические, бытовые явления, реальных лиц или характерные типы людей» [1, с. 547].

Большая Энциклопедия Карикатуры классифицирует карикатуру по таким признакам: по форме, содержанию, технике и жанру исполнения и области применения. По форме — линейная или контурная, насыщенная — штриховая, черно-белая или цветная, карикатура в единичном изображении или в многочисленных сюжетах (комикс). По содержанию — юмор, сатира, шарж, чёрный юмор, карикатура как искусство или станковая карикатура, философская карикатура, странные предметы и т. д. По технике и жанру исполнения — графика, иллюстрация, коллаж, монтаж, фотография, плакат, живопись, реклама, анимация, скульптура и объемные изображения, архитектура, инсталляция, перформанс, актинг. По области применения — различные виды полиграфической продукции (журнальная и книжная иллюстрация, календари, буклеты, почтовые марки и открытки, наклейки, печати и т. д.), реклама, анимация и т. д. [2].

В мировой практике название «caricature» относится только к шаржам, утрированным портретам, а русское понятие «карикатура» обозначается другим словом — «cartoon».

Карикатура относится к неформальным каналам коммуникации. Такие формы политической коммуникации, как карикатура, анекдоты, пародии и др. «играют заметную роль в процессе восприятия и понимания происходящего в политике, они позволяют ориентироваться в многообразии политических процессов и явлений, формировать отношение к ним, влияют на поведение людей в политике» [3, с. 90]. Главным инструментом неформальной политической коммуникации является юмор. Именно политический юмор «позволяет в яркой, сконцентрированной, «сжатой как пружина» форме вскрыть противоречия, двойные стандарты столь распространённые в политике, нередко наглядно демонстрируя абсурдность ситуации» [3, с. 90].

Карикатура относится к сфере вторичного политического дискурса, так как носит респонсивный характер и представляет собой реакцию (оценочную, критическую) на первичный дискурс и его субъектов (различные действия, совершенные политиками).

Политическая карикатура — это политический текст, который может что-нибудь рассказать, дать оценку или предложить решение какой-либо проблемы. Как правило, для передачи смысла автор карикатуры использует изобразительные средства и словесные реплики. Высшим достижением в карикатуре считается умение автора изобразить материал так, чтобы потребность в дополнительной «расшифровке» словами не понадобилась. Так некоторые карикатуристы специально отказываются от пояснительных слов, чтобы максимально повысить смысловую ёмкость рисунка. Отличие политической карикатуры от других видов политических текстов заключается в том, что любая карикатура, как правило, сатирична и иносказательна, для того, чтобы

донести свою политическую идею, автор использует образы и символы [4, с. 172—174].

Остановимся на некоторых особенностях карикатуры.

Карикатура — эвристична, она требует от зрителя творческого напряжения, приучает мыслить нестандартно.

Карикатура — это канал коммуникации с определенным порогом доступности, построенный на образах и символах, понятных массовому адресату независимо от пола, национальности, социального положения и вероисповедания. Отсюда возникает ряд условий для карикатуры: она не должна быть слишком трудной для восприятия, образ или символ должен быть понятен, в карикатуре не должно содержаться ошибок (так как вся она строится на одном образе, и если он неудачен или содержит ошибку, то карикатура не произведет впечатления и комический эффект не будет достигнут).

Карикатура — это визуальное средство подачи информации, которое позволяет человеку «практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [3, с. 91].

Карикатура — это один из жанров искусства, который, как и все художественные произведения, делает из адресата соавтора, разгадывающего, расшифровывающего творческий замысел адресанта. Подобное понимание первоначального замысла автора совершенно необходимо для «успешности» карикатуры.

Идея автора, заложенная в карикатуре, в результате сотворчества становится для адресата своим собственным выводом, открытием. Такой процесс восстановления замысла приводит к тому, что карикатура становится инструментом скрытого (латентного) воздействия и воспринимается реципиентом без критической оценки. А отсутствие контроля со стороны сознания или ослабленный контроль при получении и обработке информации — это отличительное свойство суггестии. Суггестивное воздействие имеет правополушарную ориентацию, влияя на глубинные установки личности и общества. А с правым полушарием связано произвольное запоминание. Кроме того, жанр карикатуры — это синтез литературного творчества и изобразительного искусства. А наиболее суггестивными с точки зрения воздействия являются именно художественные произведения.

Карикатура обладает терапевтической (или, по М.М. Бахтину, — компенсирующей) функцией. Смысл этой функции заключается не только в том, что смех, как реакция на юмор, связан с весельем и хорошим настроением. Смех в трудной жизненной ситуации снимает напряжение и помогает смягчить проблему. Существует множество пословиц и афоризмов, подтверждающих эту мысль: «Смех продлевает жизнь», «Смех — лучшее лекарство», «Юмор — это спасательный круг

на волнах жизни» (Раабе В.), «Насмешка часто разрешает важные задачи лучше и сильнее, чем строго обличительная речь» (Гораций).

Что же касается политической карикатуры, то смех, ирония, сарказм всегда были грозным оружием. Их боялась любая власть. Рассказ Владимира Набокова «Уничтожение тиранов» заканчивается наиболее точной характеристикой силы юмора и сатиры: «...я вижу, что, стараясь изобразить его (тирана) страшным, я лишь сделал его смешным — и казнил его именно этим...».

Количество карикатур в отдельном номере анализируемых нами изданий не превышало 2—3 иллюстраций. Причем встречались карикатуры преимущественно в оппозиционных изданиях: 56 к 3 (чаще прокоммунистической направленности — 48 из общего числа).

Нам встречались разнообразные по форме, содержанию, технике и жанру исполнения карикатуры. Особо запомнилось издание — общественно-политический еженедельник «Наш выбор», который своим фирменным знаком сделал использование карикатуры на первой странице номера.

Наши наблюдения привели к такому выводу: в основе каждой карикатуры лежит некий подтекст, имплицитно сжатое содержание, которое стремится к развертыванию. Передаваемая карикатурой информация превышает ее прямое значение. Все эти признаки свидетельствуют о семантической компрессии. Докажем этот тезис примерами.

Рисунок 1.

На картинке (см. рис. 1) мы видим недовольного, потрепанного жизнью мужчину с надписью на табличке: «Все на выборы!», которая, с одной стороны, агитирует идти на выборы, а зачеркнутые буквы этого минитекста, с другой стороны, говорят о разочарованности персонажа в выборе как таковом. Данная карикатура основана на оксюморонной семантике. Статья призывает исполнить свой гражданский долг в день выборов, а карикатура содержит подтекст: зачем голосовать, всё равно все воры. Здесь карикатура противоречит статье и не является иллюстрацией к тексту, а выступает самостоятельной единицей, приобретая черты острой публицистичности.

Следующую карикатуру (см. рис. 2) можно назвать философской. На картинке —

Рисунок 2.

двое мужчин, судя из контекста, это работники ЖЭКа. Один из них лопатой сыплет монеты в яму, на крышке люка которой написано ЖКХ, другой утверждает, что это черная дыра. Автор использует образ бездонной ямы, сколько ни бросай денег в ЖКХ, яма так и не заполнится. Причем такая деталь на мешке с монетами, как надпись льготы, связывает карикатуру с текстом, в котором как раз говорится о социальной защите, поддержке и льготах. Иллюстрация привносит в статью дополнительные смыслы.

Рисунок 3.

На следующей карикатуре (см. рис. 3) автор изобразил большую упитанную мышь — «Партию регионов», которая с ухмылкой «Ну как дети, ей Богу» смотрит в сторону мышеловки с приманкой «обережно — українська мова». Зачем мыши эта приманка, подразумевает автор, если в руках у нее лакомый кусочек сыра — бюджет 2012», а за спиной припасён большой мешок с едой. Эта карикатура упреждает содержание текста, служит визуальной загадкой, ответ на которую читатель находит в статье про Закон «О языковой политике».

Ещё одна карикатура (см. рис. 4) изображает стадо овец с плакатами и табличками в лапах. Здесь карикатура выступает как самостоятельный сегмент с собственным вербальным наполнением и выражает лаконично то, на что у журналиста ушла бы не одна колонка текста. Каждая надпись в карикатуре — сжатый текст, который можно развернуть. «Мы целы, вы сыты и это главное!» не что иное, как преобразованная пословица «И волки сыты, и овцы целы». Подкорректированные действительностью советские лозунги «ПР наш рулевой»* (прототип «Партия — наш рулевой»). «Даешь покращенья каждой овце!» (использован украинизм «покращенья», он же является одним из самых распространенных предвыборных промиссивов). «Ефремов наш кумир!»* (прототип «Гагарин — наш кумир!»). В тексте «Молчание ягнят не самое страшное!»* (а ягненок — это и так — тихое и кроткое животное) использовано название знаменитого американского триллера 1991 года «Молчание ягнят», просматривая картину, кажется, что страшнее ничего быть не может. Ещё один мини-текст: «Готовы терпеть все за качан капусты!» использует сленговый вариант слова

Рисунок 4.

Молчание ягнят не самое страшное!»* (а ягненок — это и так — тихое и кроткое животное) использовано название знаменитого американского триллера 1991 года «Молчание ягнят», просматривая картину, кажется, что страшнее ничего быть не может. Ещё один мини-текст: «Готовы терпеть все за качан капусты!» использует сленговый вариант слова

«деньги» — «Готовы терпеть все за деньги!» Не случаен и выбор животного в карикатуре. Овца — слабое, пугливое животное с ярко выраженным стадным инстинктом. Переносное значение стадности — бессознательная подчиненность индивидуального поведения поведению толпы. То есть автор не только надписями указывает на отсутствие собственного мнения, но и выбором определенного животного.

Подведем итоги. В условиях тенденции к визуализации информации роль иллюстративных элементов в прессе возросла. К сожалению, карикатура играет значительную роль пока только в формировании общественного мнения в предвыборной кампании и, как правило, в оппозиционной газете. Отличительной особенностью современной карикатуры является такое качество, как острая публицистичность: она раскрывает общественно значимую, актуальную информацию, предлагая ее в образно-художественной, изобразительной форме. Как сжатый политический текст, жанр карикатуры характеризуется семантической компрессией, наличием юмора, который, со своей стороны, тоже приводит к сжатию информации (при наличии определенных фоновых знаний).

Список использованной литературы и примечания

- 1. Советский** энциклопедический словарь / [гл. ред. А. М. Прохоров]. — [4-е изд.] — М. : Сов. энциклопедия, 1988. — 1600 с.
- 2. Большая** Энциклопедия Карикатуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : http://cartoonia.net/index.php?option=com_content&task=view&id=563&Itemid=1.
- 3. Ворошилова М. Б.** Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — № 1 (31). — 2010. — с. 90—94.
- 4. Алтунян А. Г.** Анализ политических текстов: [учебное пособие] / А. Г. Алтунян. — М. : Университетская книга; Логос, 2006. — 384 с.
- 5. Черепанова И. Ю.** Заговор народа. Как создать сильный политический текст / И. Ю. Черепанова. — М. : «КСП+», 2002. — 464 с.

* *Сохранена редакция авторов карикатуры.*

Унукович К. А. Жанр карикатури як стислий політичний текст

У статті розглядається жанр карикатури як стислий політичний текст. Карикатура характеризується як семантично ускладнений текст. Приводиться класифікація карикатури за рядом ознак. Особлива увага приділяється карикатурі як неформальному каналу комунікації. Називається головний інструмент неформальної політичної комунікації. Карикатура розглядається як політичний дискурс. Згадуються відмінності політичної карикатури від інших видів політичних текстів. Виділяються такі особливості карикатури, як евристичність, сугестія,

терапевтичність, семантична компресія. Називається ряд умов за для «успішності» карикатури. Приділяється увага карикатурі як візуальному засобу подачі інформації. Аналізуються карикатури періоду виборів у Верховну Раду України.

Ключові слова: карикатура, стислий текст, семантична компресія, сугестія.

Унукович Е. А. Жанр карикатуры как сжатый политический текст

В статье рассматривается жанр карикатуры как сжатый политический текст. Карикатура характеризуется как семантически осложненный текст. Приводится классификация карикатуры по ряду признаков. Особое внимание уделяется карикатуре как неформальному каналу коммуникации. Называется главный инструмент неформальной политической коммуникации. Карикатура рассматривается как политический дискурс. Упоминаются отличия политической карикатуры от других видов политических текстов. Выделяются такие особенности карикатуры, как эвристичность, сугестия, терапевтичность, семантическая компрессия. Называется ряд условий для «успешности» карикатуры. Уделяется внимание карикатуре как визуальному средству подачи информации. Анализируются карикатуры периода выборов в Верховную Раду Украины.

Ключевые слова: карикатура, сжатый текст, семантическая компрессия, сугестия.

Unukovich K. A. Cartoon Genre as the Compressed Political Text

The genre of cartoon is examined as compressed political text in the article. A cartoon is characterized as the semantically complicated text. Cartoon classification is given on the row of signs. The special attention is given to a cartoon as informal channel of communication. The main instrument of informal political communication is called. A cartoon is examined as political diskurs. The differences of political cartoon are mentioned from other types of political texts. Such features of cartoon are selected, as evristichnost', suggesting, terapevtichnost', semantic compression. The row of terms is called for «success» of cartoon. Attention is given to a cartoon as to visual means of submission of information. The cartoon of period of elections are analysed in Verkhovna Rada of Ukraine.

Key words: cartoon, compressed text, semantic compression, suggestiya.

Стаття надійшла до редакції
Прийнято до друку
Рецензент –

УДК 811.161.1'42:305

И. В. Матросова

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Оценка — это отношение к чему-либо (человеку, предмету и т. д.), выраженное с помощью лингвистических средств и основанное на социальном, личном, культурном, этническом опыте. Оценка включает мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-нибудь [1].

Оценку можно рассматривать как один из видов модальности, который накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения. Высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержат дескриптивную и недескриптивную, т. е. модальную, компоненту, причем первая описывает одно или несколько возможных положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу. Так, например, можно высказать одобрение или неодобрение рассматриваемому положению дел, квалифицировать его реализацию как физически невозможную, утверждать, что она имеет место, и т. п. Иными словами, оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами и является компонентом высказывания.

Включаясь в контекст, оценка характеризуется особой структурой, содержащей обязательные и факультативные элементы. Контекстно обусловленную структуру оценки можно представить как модальную рамку, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с логико-семантическим, ни с синтаксическим построением.

Субъект оценки, эксплицитный или имплицитный, — это лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка. Объект оценки — это человек, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка. Кроме того, в модальную рамку оценки входят, как правило, имплицитно, шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящих [2].

Элементы оценочной структуры соответствуют компонентам оценки в логическом представлении. Однако в естественном языке оценочная структура построена значительно более сложно и включает еще ряд компонентов. Так, субъект и объект оценки часто соединяются аксиологическими предикатами, в первую очередь предикатами мнения, ощущения, восприятия. Эти предикаты указывают на присутствие субъекта оценки [2]. Оценочный предикат или основание оценки — это тот компонент высказывания, который выражает суть и является реальной основой оценочной конструкции.

Установление или выражение определенного отношения между субъектом и объектом оценки составляет содержание или характер

оценки [2]. Оценка, таким образом, представляет собой упорядоченную структуру, элементы которой постоянны: это субъект, объект и основание оценки.

Для понимания специфики речевого поведения мужчин и женщин необходимо обращение к категории «мужественность» и «женственность» как двум сложным по своей природе, противоположным началам [3]. В современной науке выделяются четыре основные парадигмы рассмотрения данных категорий: биологическая, психоаналитическая, социально-психологическая и постмодернистская. Первые два подхода признают маскулинность и фемининность объективной данностью и объясняют различия между этими категориями причинами биолого-генетического характера. Два других подхода признают данные категории продуктом культуры и общественных отношений, то есть подчёркивается определяющая роль социальных факторов. В современной лингвистике при рассмотрении понятий мужской и женской идентичности учитываются как биологические, так и социальные аргументы.

Оценка как лингвистическая категория находит свое выражение в использовании различных средств: фонетических, лексических, морфологических, синтаксических. Каждый уровень языковой структуры способен выражать оценку специфическим способом. Однако одним из основных уровней, обладающих способностью представления аксиологических отношений с помощью гендерно маркированных языковых средств, является лексико-семантический.

Лексико-семантический уровень языковой системы представлен тремя основными лексическими разрядами: существительными, прилагательными и глаголами. Имена предметные (существительные) выражают субстанциональное значение, имена признаковые (глаголы и прилагательные) — не субстанциональное значение. Предметные имена (существительные) выполняют номинативно-классификационную функцию, в то время как признаковые имена (глаголы и прилагательные) специализируются на коммуникативной и речемыслительной функциях [4].

Существительные характеризуются автономной семантикой: соответствующее предметное значение закрепляется за определенным именем, которое является вполне самостоятельным. Глаголы устанавливают с предметными именами собственно предикатные отношения, формируя законченную мысль, высказывание. Отличительной особенностью прилагательных, выражающих свойства предметов, оценки их качеств людьми, является непомерно широкий смысловой объем, поскольку прилагательные могут сочетаться с предметными именами разной степени абстракции. В окружающей предметной действительности гораздо больше свойств, качеств, чем самих предметов [4].

Имена прилагательные занимают особую «серединную» позицию среди других лексико-грамматических классов слов. Они и структурно, и содержательно ближе стоят к существительным, но, будучи

наделенными свойством редуцирования, прилагательные приближаются к глагольным признакам. Эта особенность выражается в выполнении прилагательными двух функций: атрибутивной и предикативной. Так, в русском языке атрибутивные прилагательные характеризуются большей частотностью использования, чем предикативные прилагательные. Прилагательные в предикативной функции функционируют в основном в художественной литературе и диалогической речи [5].

Область семантического применения прилагательных в предикативной функции также главным образом относится к оценке. Это обуславливает тот факт, что эмоционально-оценочные прилагательные *хороший, плохой, милый, счастливый* и т. п. являются наиболее распространенным лексико-грамматическим классом слов в диалогической речи и художественной литературе [6].

Лингвисты подчеркивают, что «оценочные прилагательные наиболее способны к выражению интенсификации эмоционально-оценочного состояния говорящего по шкале оценок, приспособлены для передачи желания говорящего выразить в речевом акте свое психическое состояние» [7].

Оценочные прилагательные в номинативном плане делятся на два типа: собственно оценочные и дескриптивно-оценочные [8]. Если дескрипция отражает картину мира как таковую, то оценка ориентируется на ее ценностную сторону, которая определяется взаимодействием мира и человека с его ценностными ориентациями. «Дескриптивно-оценочные прилагательные называют какое-либо качество объекта и одновременно оценивают его, например: *безголовый, безмозглый, тощий* и т. п.» [9].

Наиболее яркие различия в употреблении лексических единиц мужчинами и женщинами прослеживаются при использовании слов, относящихся к классу прилагательных. В группе прилагательных, относящихся к общеоценочным, можно выделить прилагательные, нейтральные к полу говорящего, и специфические прилагательные, относящиеся к особенностям мужской или женской разговорной речи [10].

При исследовании коммуникативных стратегий мужчин и женщин на первый план выступают различия речевых стилей, обусловленные воспитанием и социальной дифференциацией коммуникантов. Современное общество предъявляет определенные требования к поведению мужчин и женщин, ориентируясь на гендерные стереотипы. Различия в коммуникативных стратегиях детерминированы гендерно-обусловленной спецификой речевого поведения, выбором языковых средств в пространстве дискурсивных действий субъектов речи [3]. Выявлены разновидности дискурса, характеризующиеся специфическими языковыми чертами, которые мотивированы личностью говорящего, его интенциями, мнениями, социокультурным статусом, сферой деятельности и фактором адресата [3].

Среди составляющих интегрального понятия «дискурс» нам представляется возможным выделить гендерный дискурс, отражающий особенности эмоциональной и квалификативной деятельности говорящего субъекта в зависимости от принадлежности к тому или иному полу.

Гендерный дискурс — это совокупность речевых произведений, цель которых состоит в выражении эмоционального состояния и эмотивной оценки, производимой субъектом в зависимости от его принадлежности к мужскому или женскому полу. Гендерный дискурс представляет собой систему, организованную вокруг говорящего субъекта и определяемую ценностной картиной мира последнего, а также стереотипами, выработанными обществом и предъявляемыми к представителям того или иного пола. Своеобразие гендерного дискурса обеспечивается особенностями поведения, менталитета, спецификой эмоциональных состояний и реакций на факты и явления действительности, обусловленных гендерной отнесенностью языковой личности. Все это выражается в выборе различных языковых конструкций, языковых средств, предназначенных для вербализации эмоций и оценок у мужчин / женщин.

Гендерный дискурс — это «особый язык», предназначенный для языкового выражения аксиологической и эмоциональной интерпретации действительности говорящим субъектом (в зависимости от его половой принадлежности) и организованный с помощью оценочных средств языка.

В составленной нами таблице представлены синонимы общеоценочных прилагательных *хороший* / *плохой* с учетом гендерного фактора на основе особенностей гендерного дискурса (табл. 1).

Таблиця 1.

Синонимы общеоценочных прилагательных, употребляемых мужчинами / женщинами для выражения оценки по шкале «хороший / плохой», с учетом гендерного фактора

Нейтральные к полу говорящего синонимы прилагательного <i>хороший</i> , употребляемые в разговорной речи реципиентами-мужчинами и реципиентами-женщинами	
Классный отличный	Классный отличный
Синонимы общеоценочного прилагательного <i>хороший</i> , употребляемые реципиентами-мужчинами	Синонимы общеоценочного прилагательного <i>хороший</i> , употребляемые реципиентами-женщинами
Удачный выгодный полезный стандартный комфортный корректный точный нормальный суперский прикольный	Великолепный замечательный восхитительный очаровательный милый приятный чудесный волшебный фантастический достойный божественный позитивный умопомрачительный прелестный
Синонимы общеоценочного прилагательного <i>плохой</i> , употребляемые реципиентами-мужчинами	Синонимы общеоценочного прилагательного <i>плохой</i> , употребляемые реципиентами-женщинами
Неприятный нехороший некорректный нестандартный неудачный некомфортный невыносимый отстойный бесполезный	Ужасный некомфортный кошмарный негативный сомнительный отвратительный

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что наибольшее количество специфических средств оценивания содержится на лексико-семантическом уровне языка. Оценочное значение получает наиболее яркое воплощение в лексико-грамматическом классе прилагательных. Следует также подчеркнуть, что гендерно-обусловленные способы выражения оценочного значения активнее всего передаются прилагательными с обще- и частнооценочными значениями. В классе общеоценочных прилагательных выделяются прилагательные, являющиеся: а) нейтральными к полу говорящего; б) чисто мужскими,

употребляемыми только реципиентами-мужчинами; в) чисто женскими, которые употребляют только реципиенты-женщины.

В результате проведенного анализа прилагательных и на основе составленной таблицы было установлено, что в разговорной речи реципиентов-мужчин преобладают прилагательные-синонимы слова «плохой», у женщин, напротив, в устной речи преобладают реплики с синонимами общеоценочного прилагательного «хороший».

Список использованной литературы

- 1. Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / [под ред. Л. И. Скворцова] / С. И. Ожегов. — М.: «ОНИКС 21 век», «Век и Образование», 2003. — 896 с.
- 2. Ивин А. А.** Основания логики оценок / А. А. Ивин. — М., 1970. — С. 12—13.
- 3. Токарева Е. Н.** Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Елена Николаевна Токарева. — Уфа, 2005. — 204 с.
- 4. Уфимцева А. А.** Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. — М.: Наука, 1982. — 239 с.
- 5. Васильев Л. М.** Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке: сб. науч. статей / Л. М. Васильев. — Уфа: Изд-е Башкирского ун-та. — 1996. — С. 55—62.
- 6. Трипольская Т. А.** Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты / Т. А. Трипольская. — Новосибирск: Изд-во НГПУ. — 1999. — 166 с.
- 7. Маркелова Т. В.** Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т. В. Маркелова. — Филологические науки. — 1995. — №3. — С. 67—79.
- 8. Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М.: 2002. — 280 с.
- 9. Сергеева Л. А.** Категория оценки и аспекты ее описания // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке: сб. науч. статей. / Л. А. Сергеева. — Уфа: Изд-е Башкирского ун-та. — 1996. — С. 63—76.
- 10. Лакофф Р.** Язык и место женщины // Гендерные исследования / Р. Лакофф. — 2/2000. — №5. — Харьков: ХЦГИ. — С. 241—254.

Матросова І. В. Специфіка вираження оцінки у гендерному дискурсі

У статті визначено зміст поняття «оцінка»; розглянуто оцінку як один із видів модальності; проаналізовано структуру оціночного фактора з точки зору суб'єкт-об'єктних відносин; надано характеристику лексико-семантичного рівня мови з точки зору можливості вираження оціночного фактора; проаналізовано лексико-семантичний клас прикметників із урахуванням вмісту оціночного компонента; дефіновано поняття «гендерний дискурс»; розглянуто поняття гендерного дискурсу з точки зору вибору різних мовних конструкцій, мовних засобів, призначених для вербалізації емоцій і оцінок у чоловіків / жінок; наведено приклади синонімів загальнооціночних прикметників *гарний / поганий*,

використовуємих чоловіками / жінками для вираження оцінки (у вигляді таблиці).

Ключові слова: оцінка, об'єкт оцінки, суб'єкт оцінки, фундамент оцінки, гендерний дискурс, загально оціночні прикметники, приватно оціночні прикметники, *гарний / поганий*.

Матросова И. В. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе

В статье определено содержание понятия «оценка»; рассмотрена оценка как один из видов модальности; проанализирована структура оценочного фактора с точки зрения субъект-объектных отношений; дана характеристика лексико-семантического уровня языковой системы с точки зрения возможности выражения оценочного фактора; проанализирован лексико-грамматический класс прилагательных с учетом содержания оценочного компонента; дефинировано понятие «гендерный дискурс»; рассмотрено понятие гендерного дискурса с точки зрения выбора различных языковых конструкций, языковых средств, предназначенных для вербализации эмоций и оценок у мужчин / женщин; приведены примеры синонимов общеоценочных прилагательных *хороший / плохой*, часто употребляемых мужчинами / женщинами для выражения оценки (в виде таблицы).

Ключевые слова: оценка, объект оценки, субъект оценки, основание оценки, гендерный дискурс, общеоценочные прилагательные, частнооценочные прилагательные, *хороший / плохой*.

Matrosova I. V. The Specific of Expression of Assessment in a gender discourse

In this article the content of the concept «assessment» is defined; the assessment as one of the types of modality is considered; the structure of the estimated factor from the point of view of the subjects-objects relations is analyzed; the characteristic of the lexical-semantic level of language system from the point of view of the possibility of expression of the estimated factor is given; the lexical-grammatical class of adjectives with the account of the maintenance of the estimated component is analysed; the concept of «gender discourse» is defined; the concept of gender discourse from the point of view of a choice of various language designs, language means intended for the verbalization of emotions and estimates for men / women is considered; the examples of synonyms of overall-estimated adjectives good / bad, often used by men / women for assessment expression (in the form of the table) are given.

Key words: the assessment, the object of assessment, the subject of assessment, the base of assessment, gender discourse, overall-estimated adjectives, private-estimated adjectives, good / bad.

Стаття надійшла до редакції
Прийнято до друку
Рецензент –

НАШИ ГОСТИ

УДК 811.161.1'42:78–4

П. П. Червинский

**ЛЕКСЕМЫ СОВЕТСКОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА
В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ**

Предмет настоящей статьи будет несколько далек от того, что можно было бы ожидать исходя из заявленной темы. И хотя дискурс будет восприниматься нами в более или менее уже устоявшемся, вслед за Т. ван Дейком, представлении [1] как коммуникативно-функциональная сфера текстов и речевых использований, определяющая особенности, в том числе и семантических, проявлений языковых единиц, не это в нем будет важным и интересующим. А скорее то, что можно было бы очень сжато назвать в нем двумя тематически, ассоциативно и экспрессивно регулируемыми и связанными отчасти понятиями фона и тона. Фона — как то, что звучит и естественным, не всегда заметным и осознаваемым образом присутствует в представлениях и сознании говорящих, носителей данной ментальности и культуры (далеко не всегда языка), приобщенных к дискурсу, формируя в них базу интерпретации, восприятия и порождения ментальных и вербально-ментальных реакций и проявлений. И тона — как то, что и задает, и затем обуславливает особый характер, окраску, тональность фильтрующих и направляющих восприятие ориентиров, допускающих что-то одно и не допускающих что-то другое. Понятия фона и тона поэтому был бы соблазн определять как необходимые составляющие идеологизированного дискурса [2] и такого же текста как его проявления, если бы не то, что затрагиваемый дискурс в совокупности текстов, хотя таковым и является, будет рассматриваться нами с иной стороны. Как тематический и ассоциативно-регулятивный фон (и тон) особым образом представляемой и формируемой семантики языковых единиц, лексем в данном случае.

Объектом анализа в связи с этим будут лексемы литературного языка, в своем дискурсивном виде, заряженные, насыщенные, пропитанные фоном и тоном дискурса, погруженные в нем, представляющие собой, однако, уже не столько собственно языковые феномены, сколько феномены скрыто ментальные — вербально и в языке себя внешне вроде бы как обнаруживающие, хотя на деле лишь камуфлирующие таким образом свою собственную природу и суть. Язык и его вербальные средства, лексемы в интересующем случае, будут, тем самым, рассматриваться в несколько, может быть, не совсем обычном ключе. Не как средства обнаружения, проявления, выражения,

существования апеллятивных, воздействующих, в том числе и идеологизируемых, смыслов (что было бы неразумно и безосновательно как в первой части, так и во второй отрицать), а как средства, напротив, их укрывания, заслонения, камуфлирования, погружения в глубины неосознания, невосприятия, нераспознавания и необнаружения. Обилие нагроможденных определений хотелось бы представлять не как орнаментальный изыск, а как следствие поиска более точного для явления, с одной стороны, и как следствие неоднородности и многоаспектности его проявлений, с другой. Каждое из используемых слов в своей семантике отвечает природе, в различии ее сторон, затрагиваемого феномена как явления и как процесса. Поддаваясь соблазну привлекательно броского представления, можно было бы определить интересующий нас аспект в отношении язык как средство идеологического камуфлирования (в составе своих единиц, лексем в первую очередь), но это было бы не совсем соответствующим определением. Точнее было бы, прибегая к неизбежной метафоризации, определить язык в составе его используемых и ангажируемых в идеологизированный дискурс единиц как то, что невольным образом становится занавесом, завесой, что заслоняет не всегда обнаруживаемое, укрытое, но ощущаемое смысловое пространство-форму. Можно было бы назвать его известным термином *концепт*, если бы не то, что (при всем многообразии пониманий и интерпретаций [3, с. 27]) концепт все же, в своем сходящемся для различных исследовательских восприятий и подходов, имеет знаковую и осознаваемую, ментальную, в виде знаний, и национально специфическую, а потому и данный этнос, нацию репрезентирующую, ее культурой и ментальностью предопределенную, природу, а то, о чем здесь речь, такому представлению не поддается. Прежде всего сомнительно и трудно было бы увидеть в нем знаково репрезентирующий и обусловленный ментальностью как знаниями характер, и еще в меньшей степени осознаваемый и/ли национально специфичный. И хотя всего этого вместе с тем в нем отрицать нельзя, но далеко не это, если вообще это, дает возможность представления о нем. Безусловно семантическая и ментальная природа (но не в смысле знаний, а в смысле ангажирующего и ориентирующего их фона-тона) с существующим, имеющимся и выражаемым (возможно, но не обязательно) общими лексическими средствами концептом связывает его весьма свободно, не обусловленно и не симметрично. Собственно говоря, в своей семантике и ментальности то и другое — разные явления, иногда соотносимые и коррелирующие, иногда пересекающиеся, а иногда не связанные и существующие самостоятельно.

В связи со сказанным существенным является также вопрос о соотношении интересующей нас семантики дискурсивной лексемы с семантикой той же лексемы, но языковой. Рассмотрим указанное соотношение на примере. Лексема кафе ('небольшой ресторан, где подают кофе, чай, закуски и т.п. '), согласно определению в современных

толковых словарях) чем предстает, как поворачивается в контексте Он пригласил ее в кафе? И будет ли передаваемая в ней информация совпадать, покрываться с другим контекстом — скажем, Они познакомились в кафе? И вместе с тем, та ли же самая информация будет присутствовать в утверждениях: Он пригласил ее в ресторан и Они познакомились в ресторане? Важными для представления интересующих нас смыслов будут, безусловно, параметры самой передаваемой в высказывании ситуации, прежде всего ее актанты, или участники. Кто такой этот он и кто она, и кем они являются друг другу, в каких отношениях были тогда, когда это имело место, и в каких находятся сейчас, в момент говорения, речи? Не вдаваясь в детализированный разбор тематически и ситуативно обусловливаемых смыслов лексем кафе и ресторан, способный занять немалое место, можно было бы представить кафе (скажем, в контексте некоторой ментальности и культуры) как локус, не слишком высоко оцениваемого (социально не одобряемого) завязывания знакомств, особенно между представителями противоположных полов, а также место, предполагающее вероятность (при способствующих к тому условиях) дальнейшего сближения между ними (интимная связь, предложение брака и пр.). Ресторан, в свою очередь, может иметь (при учете значений актантов) в отношении первого сообщения, т.е. приглашения, несколько более статусный и поэтому ожидаемо высокий уровень общественных представлений, чем кафе в том же случае, в связи с чем допускать возможность серьезных и не предосудительных, скажем, намерений с его стороны. Само же различие двух ситуативно отмеченных положений, связанных с тем и с другим (ресторан / кафе), нередко оттеночное, но существенное в отношении социальных знаний (как ожиданий и предпочтений) предполагает возможность анализа в том же ключе приглашения как предикатного проявления с точки зрения позиций — кто, кого и куда приглашает (может, способен, должен / не должен с каким-то намерением приглашать).

Аналогичным образом, т.е. в том же ситуативно и тематически связанном предикатном ключе, в соотношении с семантикой соответствующих лексем и их социально-ментальных и речевых проявлений, можно рассматривать то, что является проявлением, в отношении этих лексем, мировоззренческих и, следовательно, идеологических, концептуально, оценочно и ментально заряженных ориентиров и представлений. Уместным было бы в этом случае использование понятийного аппарата и терминологических операторов, связанных отношением синтагматики и парадигматики как взаимно связываемых и обусловленных проекций функционального (горизонтального) и системного (виртуального) состояния. Синтагматика, предоставляя возможность речевого использования и обуславливая, давая материал, свое обобщение и существование в знаниях получает в аспекте парадигматического, которое, в свою

очередь, отображается в синтагматическом проявлении. Идеологическая заряженность, ангажированность, семантики отдельных лексем, тем самым, может рассматриваться и определяться как проявление в синтагматике (текстах, высказываниях того или иного идеологизированного дискурса) некоторой системы парадигматически организованных и существующих мыслеформ [4] (присутствующих в сознании, т.е. виртуально, в виде распознаваемых, но не обязательно до конца проявленных в своих значениях парадигм). Характер, способ организации и существования этих ментальных образований, далеко не всегда осознанных, но способных опознаваться, т.е. идентифицироваться как то, что требуется, ожидается, принадлежит как знание, мировоззренческий оценочный и коннотативный набор ориентиров (система координат), широко понимаемому, точнее воспринимаемому, коллективному своему, — этот характер и способ организации в отношении идеологии, официоза, в том числе и советских, может быть уподоблен системе социально заряженных знаний-ориентиров и национально (в том числе) обусловленных стереотипов [5, с. 68—82]. И то и другое не просто устроены одинаково, но и составляют единую субстанциональную форму по своему существу. И то и другое можно определять и рассматривать как фон и как тон (социально ментальный), допускающий, предполагающий, регламентирующий в отношении представителей данного социума (как своего) нечто одно и не одобряющий, осуждающий нечто другое. Советский способ ориентации мировоззрения, с типичными для него значениями, приоритетами, оценками и коннотациями, в этой связи, т.е. советскую идеологию в конечном итоге, можно определять и рассматривать как разновидность, вид, форму, вариант социально ориентированных знаний и представлений, добровольно усвоенных либо навязываемых, в данном случае будет неважно. Как и неважны, с точки зрения характера парадигматического устройства, которое можно исследовать вне субъективных о том представлений, его такие известные признаки, как унитарность (единственная допустимость, разрешенность и безальтернативная правильность), безальтернативность, жесткость, изоляционизм, навязчивый дидактизм и неизбежные санкции в случаях отклонения. Признаки в целом не свойственные в столь сгущенно-насыщенном виде широко понимаемым социальным знаниям, стереотипам и опыту национальных и отчасти других коллективов (если не иметь в виду их фундаменталистски воинствующие и нетолерантные формы), но и не влияющие вместе с тем на их парадигматический облик, дающий возможность каким-то существенно опознавательным образом его от нежестких и допускающих выбор парадигматических форм отличить. Тем более, что изоляционизм и безальтернативность, в конечном итоге, внутри системы, создают ощущение, видимость, для себя, в продуцирующей себя в своих текстах парадигмо-синтагме, — допустимого выбора, нежесткости семантических (социально значимых

и обусловленных) проявлений и добровольно принятой на себя общественной роли (ср. марксистское определение свободы как осознанной необходимости, т.е. возлагаемой на себя добровольно ответственности в отношении общества, отождествленного советской идеологией с государством, в реалиях советской действительности равного партийному руководству, т.е. отдельным, избранным, как себя избирающим, представителям). Все эти семантические смещения, будучи имплицитны, по принципу пресловутой матрешки, скрывающей в своих оболочках одно в другом, ни парадигматически, ни синтагматически в советски ориентированных текстах себя проявлять не могут, а вне- или постсоветское знание и понимание явных, неявных (но не укрытых, а не присутствующих скорее, не отражаемых) смыслов может быть, как представляется, материальным и объективным вследствие и на основе выведенной вербально-семантизируемой парадигмы советской идеологии, последовательно и разнообразно себя отражающей в различных дискурсах и текстах языка советского времени, или, что, может быть, более точно, языка советской действительности.

Выбранный в качестве объекта такого исследования и изучения советский песенный дискурс обладает указанными признаками в достаточно полной мере, являясь своего рода моделью подобной безальтернативности семантического существования, предполагающей, а в известной мере и допускающей, свободу необходимого выбора, диктуемого внутренним импульсом (императивом) в условиях внешнего (социального, коллективного) предопределения и продуцируемых, приписываемых коллективу как социальному организму необходимостей, ценностей и устремлений, органической частью которого и является он — тот объект и субъект, на которого и направлены смысл и основное воздействующее усилие советского песенного дискурса. Объектом и одновременно субъектом такого рода в ходе анализа оказался молодой человек, представитель мужского пола, одним из наиболее частотных лексических обозначений которого было слово *парень*, в связи с чем и ставшее предметом дальнейшего интереса.

Возвращаясь к мысли о соотношении значения лексемы как языковой единицы и единицы рассматриваемого дискурса, необходимо было бы обозначить следующие особенности¹:

1. Семантика слова как языковой лексической единицы является лишь исходным пунктом, базой для формирования значений иного рода, обусловленных апеллятивными и прагматическими задачами использующего его в своих узуальных контекстах дискурса.

2. Семантика слова *парень* советского песенного дискурса в значительной степени (если не полностью) опирается на семантику представлений 'молодого мужского добрачного' как носителя определенных и необходимых свойств своего и органической части, члена данного социума в народной традиции сказочно-песенного

фольклора и деревенской (крестьянской общины), затем городской (фабричной) среды.

3. Отображает себя в советском песенном дискурсе эта семантика, получая не столько развитие, сколько смещения в сторону выделенности одних и погашенности других семантических признаков, в контекстных моделях (мотивах, парадигматико-синтагматических построениях, тематико-ситуативных конструкциях) — проводов (в армию, с замещениями — на фронт, в поход, на битву); работ (крестьянских, в поле, с замещением — в забое, за рулем); женитьбы (ожидаемая жизнь с молодой женой); ухаживания (гуляния, встречи с девушкой, объяснение, обещания любви, предложение, возможный отказ и т.п.); нечаянной встречи (влюбленности, обмена репликами, расставания, провожания взглядом — у колодца, в саду, у реки); разлуки (на фронте, в походе — память о девушке, весточка от нее, верность любви); ожидания (его возвращения); борьбы (с врагом); побратимства (два друга, два товарища, два бойца — взаимопомощь, героическая борьба и спасение от смерти либо смерть); мужского союза (сила, громада, предполагаемые совместные действия, законы громады, присяга, песня и пр.). Часть из этих мотивов довольно частотна и регулярна (провода, ухаживание, нечаянная встреча, разлука), другая часть менее регулярна (ожидание, борьба, побратимство) и, наконец, есть такие мотивы, которые либо встречаются спорадически (мужской союз), либо не получают в песенных текстах развития (женитьба, работы).

4. Семантика интересующего нас употребления лексемы может быть уточнена на следующих пяти проективных уровнях (с возможным подразделением в подуровнях и подтемах): 1) общее дискурсивное проявление: парень как основная внутренняя потенция для достижения цели, защита, обеспечение и сила, то, на что следует ставить в решении преобразующих социальных задач, начало, которое следует мобилизовывать, запускать, направлять, использовать, поощрять; 2) парадигматико-ассоциативное проявление: парень — деревня, мужики, бабы, девки, парни, родня, мать, молодая жена, поле, изба, околица, пахать, гулять, песни, танцы, посиделки и пр.; парень — армия, война, граница, бой, битва, враги, фронтовые товарищи, друг, весточка от далекой подруги; парень — город (рабочий поселок, шахта, фабричная застава), работа / жаркий бой (за рабочее дело), награда / смерть; парень — путь (далекий), дорога, пыль, деревни, села, встреча / прощание (у порога, крыльца); 3) парадигматико-синтагматическое проявление: парень — проводов в армию, ухаживания, крестьянских работ, нечаянной встречи, влюбленности, ожидания, борьбы с врагами, защиты Родины, ее границ и т.п.; 4) тематико-ситуативное проявление: парень — гармонь (баян, тальянка), девушка, тропинка, провожание, расставание, окошко (калитка), речка, бережок; парень — девушка (у колодца, в саду, у реки), вода, напиток, смотреть, разговор, расставание, взгляды, вздохи, воспоминания; парень — рубашка, сад, гуляние,

провождение взглядом, думание о нем; 5) непосредственно контекстное проявление (данного текста).

Список использованной литературы и примечания

1. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. Ван Дейк. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с. **2. Лассан Э.** (1995) Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан. — Вильнюс : Изд. Вильнюсского ун-та, 1995. — 232 с. **3. Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. — Минск : Тетра-Системс, 2005. — 256 с. **4. Выготский Л.С.** Мышление и речь / Л.С. Выготский // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. — М. : Изд. АН СССР, 1962, — с. 37—386. **5. Прохоров Ю. Е.** Национальные и социокультурные стереотипы общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 224 с.

¹ В связи с ограниченностью объема можно только наметить некоторые из них. Более подробный и полный анализ материала, с его описанием и обобщением, предполагается сделать в последующих работах.

Червинський П. П. Лексеми радянського пісенного дискурсу в контексті аналізу ідеологічних парадигм

Насичення слова необхідним ідеологічним змістом в мові радянської дійсності мало неоднозначний і диференційований характер, як у часі, так і в залежності від виду його використання. Мова російської радянської пісні являє собою в цьому відношенні дуже цікавий феномен, в якому необхідна ідеологічна спрямованість набувала особливого, зобов'язаного бути привабливим і що знаходить душевний відгук, емоційно заряджений сенс. Слова і тексти цієї мови повинні були бути співзвучними і зрозумілими, з тим щоб у кожному потенційному слухачі знаходити і будити те, що близько, на що він може відгукнутися, вносячи далеко не завжди безпосереднім і очевидним для сприйняття чином ту перетворюючу свідомість надціннісну ідею (набір ідей), в ім'я якої (яких) людина була готова, за задумом, добровільно перетворювати також і світ. Матеріал подібним чином організованої мови, далеко не простий і не одновимірний, оскільки *implicite* містить не тільки пропагандистські орієнтовану, але і людську константу, представляє інтерес як з історикомовної, так і з когнітивної (а також інших) сторін. На прикладі двох не симетрично співвідносних лексем (хлопці та дівчата) проводиться аналіз значень, що заангажовані, зазначеної різновиди радянської мови.

Ключові слова: мова радянської дійсності, радянський пісенний дискурс, парадигми радянської ідеології, дискурсивно ангажовані лексеми.

Червинский П. П. Лексемы советского песенного дискурса в контексте анализа идеологических парадигм

Насыщение слова необходимым идеологическим содержанием в языке советской действительности имело неоднозначный и дифференцированный характер, как во времени, так и в зависимости от вида его использования. Язык русской советской песни представляет собой в этом отношении весьма интересный феномен, в котором необходимая идеологическая направленность приобретала особый, обязанный быть привлекательным и находящим душевный отклик, эмоционально заряженный смысл. Слова и тексты этого языка должны были быть созвучными и понятными, с тем чтобы в каждом потенциальном слушателе находить и будить то, что близко, на что он может откликнуться, внося далеко не всегда непосредственным и очевидным для восприятия образом ту преобразующую сознание сверхценностную идею (набор идей), во имя которой (которых) человек был готов, по замыслу, добровольно преобразовывать также и мир. Материал подобным образом организованного языка, далеко не простой и не одномерный, поскольку *implicite* содержащий не только пропагандистки ориентированную, но и человеческую константу, представляет интерес как с историко-языковой, так и с когнитивной (а также других) сторон. На примере двух не симметрично соотносимых лексем (парни и девушки) производится анализ ангажируемых смыслов указанной разновидности советского языка.

Ключевые слова: язык советской действительности, советский песенный дискурс, парадигмы советской идеологии, дискурсивно ангажированные лексемы.

Chervinsky P. P. Lexemes of the Soviet Song Discourse in the Context of Ideology Paradigm Analysis

The saturation of a word by the necessary ideological contents in language of the Soviet reality had ambiguous and differentiated character, both in time and depending on a kind of its use. Russian Soviet songs language represents in this respect rather interesting phenomenon, in which the necessary ideological orientation got special, obliged to be attractive and finding the sincere response emotionally charged sense. The words and texts of this language should be conformable and clear, for the purpose of finding in each potential listener and arousing in him that is intimate, to what he can respond, bringing in farly from being always by direct and obvious for perception way that transforming consciousness overvaluable idea (set of ideas), in which name a man must be ready, in plan, voluntarily to transform as well the world. The material of the in a similar way organized language, not simple and not one-dimensional, as *implicite* containing not only by propaganda orientated, but also human constant, is of interest both with historical-linguistic, and with cognitive (and also others) sides. On an example of one of such discorsial lexemes (парень / lad) some features of the

prospective analysis of engaged senses of the pointed version of the Soviet language are described.

Key words: Language of Soviet reality, Soviet song discourse, Soviet ideology paradigms, discourse engaged lexemes.

Стаття надійшла до редакції

Прийнято до друку

Рецензент –

УДК [811.161.1: 811.162.1]’373.45

Т. Квятковска

**ПАРАЛЛЕЛИЗМ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ
ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ
С ПРИСТАВКАМИ СУПЕР-, АРХИ-, ЭКСТРА-)**

Препозитивные элементы, ставшие предметом настоящего исследования, понимаются в лингвистической традиции по-разному. Изменения в области определения препозитивов, их роли, отчасти и функций, связано с явлениями, охватывающими жизнь человека вообще, систему ценностей и способы общения современных носителей языка. На изменения в области препозитивных морфем влияет прежде всего эмоциональный и ценностный подходы к действительности. Высказывания передают то, что чувствует говорящий, как он воспринимает мир и себя. Процесс этот отображается также в способе и в частотности употребления тех или иных препозитивных элементов.

Предметом анализа в настоящей статье будут префиксы иностранного происхождения со значением интенсивности, т. е. словообразовательные элементы типа *архи-*, *супер-*, *экстра-*. Препозитивы эти были выбраны не случайно, поскольку именно они в последнее время становятся средствами выражения оценки, градации отношения к действительности, отображения иерархии ценностей. Именная префиксация, явление, довольно редкое как в русском, так и в польском языках еще в 60-70-е гг. прошлого века (ведущей являлась глагольная) [1, с. 77], в последнее время становится весьма характерной для этих двух языков. Языковеды отмечают активизацию приименной префиксации, характерную для новейшего времени [2, с. 76]. Возрастающая регулярность процесса такой префиксации связана с общими для языков тенденциями к экономии языковых средств, эмоциональностью и экспрессивностью речи, что и порождает новые словообразовательные модели. Как показывает исследование, группа префиксов, вносящих значение интенсивности, является в настоящее время весьма продуктивной на почве как русского, так и польского

языков, создавая модели с исконными корневыми морфемами (*суперсовременный* / *supernowoczesny*, *супермодный* / *supermodny* и т. п.). К тому же, учитывая упомянутые экстралингвистические факторы, все чаще можно отмечать и новые префиксы с этим значением (например, *мега-/mega-*). Предметом анализа в настоящей статье будут, однако, только лексемы иностранного происхождения, в составе которых встречаются названные ранее префиксы греческого или латинского происхождения.

В лингвистической традиции их объясняют по-разному. Некоторые языковеды склонны называть их терминологическими, что вполне можно принять, ибо, как показывает собранный материал, некоторые из них характерны для слов-терминов и только для этой сферы они типичны. Разногласия появляются при определении морфемного статуса и семантики этих единиц. Как в русской, так и в польской традиции появляются термины *префикс*, *первая составная часть*, *префиксоид*. В настоящем исследовании мы будем понимать эти элементы, вслед за К. Вашковой, как элементы, значение которых может быть передано родственными элементами, а семантика представляет собой модификацию значения корневой морфемы [3, с. 54—55].

Основу нашего рассмотрения будет составлять сравнение функционирования префиксальных элементов определенного типа в русском и польском языках. Интерес в таком подходе обусловлен несколькими причинами. Одной из них является, как уже говорилось, факт их возрастающей роли в обоих языках. Второй, не менее важной, будет стремление показать, как иностранные слова с этими элементами входят в польский и русский, так как, по нашему мнению, интернационализация и терминологизация в известной мере унифицируют языки. Вместе с тем иностранные слова входят в язык, подтверждая свойства его системы, выдвигая то, что для нее характерно, и находя в ней свое место. Поскольку поставленную таким образом задачу, в силу объема статьи, решить невозможно, ограничимся представлением наиболее характерных тенденций и демонстрацией направления производимых исследований.

Основу материала составили следующие лексикографические источники: *Wielki słownik wyrazów obcych PWN* под ред. М. Баньки [4], *Słownik języka polskiego* под ред. М. Шимчака [5], *Polsko-rosyjski słownik wyrazów obcych* [6], *Rosyjsko-polski słownik wyrazów obcych* [7], *Большой словарь иностранных слов в русском языке* [8], *Новейший словарь иностранных слов и выражений* [9], *Словарь русского языка в 4-х т.* под ред. А.П. Евгеньевой [10], *Большой толковый словарь* под ред. С.А. Кузнецова [11], *Wielki słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski* [12]. Материал не охватывает новообразований последних лет, и не его рассмотрение было целью. Задача состояла в том, чтобы показать, как

выбранные единицы функционируют в обоих языках, что и выявляет производимый анализ.

Представим исследуемые префиксы в следующей таблице:

Русский язык	Польский язык
Архи-	Arcy-, Archi-
Супер-	Super-
Экстра-	Ekstra-

Попробуем отобразить тенденции и явления в конкретных группах, учитывая критерий симметрии, а также формальные, словообразовательные и семантические сходства и отличия. Значения приставок даются по *Большому словарю иностранных слов в русском языке*.

-архи- (archi-, arcy-) [< гр. archi... старший, главный] — 1) приставка, обозначающая высшую степень признака, заключающегося во второй части слова, напр.: *архиреакционный*; 2) приставка, обозначающая старшинство в церковном звании, напр.: *архиепископ, архиерей* [13]. Сравним с польскими значениями этого элемента: **archi-** ‘główny, naczelny’, **arcy-** ‘nazwy tytułów lub funkcji ważniejszych od tych, które nazywa drugi człon’ oraz ‘wzmocnienie tego, co wyraża drugi człon’.

Отличие наблюдается в значении и в форме префикса, в польском языке — две формы, в русском одна. В большинстве словарей он фигурирует как префикс, хотя нашлось и определение ‘первая составная часть’. Как показывают источники, префикс этот присоединяется в основном к морфемам исконным (*архипорядок, архиплут, архипреступник / arcygość, arcymądry, arcyskromny*), в которых симметрии эквивалентов не наблюдается; это позволяет утверждать, что в каждом языке префикс этот присоединяется к этим морфемам по собственным правилам (ср. *шедевр/arcydzieło, выдающийся мастер/arcymistrz*). Отметим только, что в русском языке чаще, чем в польском, этот формант имеет присубстантивный характер. Для польского языка характерны образования от прилагательных. В группе заимствованных лексем встретились единичные примеры, параллельные для двух языков: **архитрав** [фр. *architrave* < гр. archi- главный + лат. *trabs* балка] \ **architraw** [niem.], с отличием по языку-источнику. Пример этот в синхронном своем представлении, однако, не может восприниматься как образование с приставкой. Большинство заимствованных лексем, содержащих рассматриваемую морфему, касается религиозной сферы, обозначения духовных титулов, элементов постройки, производимых функций. Важно обратить внимание на специфику религиозной лексики, в большинстве своем безэквивалентную, для которой нередко необходим культурологический комментарий или описательная дефиниция (см. об этом [14, с. 43—53]). Здесь мы наблюдаем очень интересные симметричные и асимметричные пары. Рассмотрим примеры, иллюстрирующие в группах те или иные тенденции. Первую группу составляют духовные титулы православной церкви. В русском языке в их

составе встречается приставка *архи-*, в польском эта приставка не выделяется, словари отмечают эти лексемы в основном как заимствованные из русского: *архиепей* [гр. *archi* + *hieros*] — *archijerej* [ros.], *архимандрит* [гр. *archi* + *mandra*] — *archimandryta* [ros.], *архипресвитер*, чаще *протоиерей* [гр. *protos* + *hieros*] — *archiprezbiter* [ros.], *архидиакон* [гр. *archi* + *diakonos*] — *archidiakon* [лс. *archi-diaconus*]. Для этой группы характерен параллелизм элемента *архи-*. Следует отметить также отличие в суффиксах *-um/-yta*, иллюстрирующее более общую тенденцию. Вторую группу составляют лексемы, касающиеся конфессиональной деятельности православия и католицизма. В обоих языках замечаем отличия в заимствованиях *архиепископство* [гр. *archi* + *episkopos*] — *archidiecezja* [гр. *archi* + лс. *dioecesis*], *архиепископ* [гр. *archi* + *episkopos*] — *arcybiskup* [гр. *archi* + ст.чез. *biskup*]. Третья группа представлена лексикой, в которой в польском языке фигурирует префикс *archi-*, *arcy-* (хотя непоследовательно), в русском значение передается исконным (либо старославянским) словом типа *первосвященник* [ст.-сл. сложение] — *arcykaplan* [гр. *archi* + ст.чез. *kaplan* — префиксация], *кафедральный собор* [последнее слово исконное] — *archikatedra* [гр. *archi* + *kathedra*].

Как утверждают некоторые исследователи, префикс *архи-*/*archi-*, *arcy-* [15, с. 35] имеет немало общего, особенно с точки зрения словообразовательных функций, с формантом *супер-*.

-супер-/*super-* [лат. *super* сверху, над] — приставка, обозначающая: 1) главный, напр.: *суперарбитр*; 2) высшего качества, свойства или повышенного, усиленного действия, напр.: *суперорбитон*; 3) расположенный сверху, над чём-л., напр.: *суперобложка*.

Если в польском языке семантически параллельным для *arcy-* является *super-*, то для русского языка параллельным для *супер-* будет исконный префикс *сверх-*. Попробуем показать это на примерах. Параллелизм заимствований с приставкой *супер-* наблюдаем в области слов-терминов. Если *архи-* характерно для сферы религиозной и общеупотребительной лексики (нередко в образованиях от исконных основ), то *супер-* используется в обоих языках с основами иностранными, будучи свойствен в первую очередь терминам, т. е. словам типа *суперфосфат* — *superfosfat*, *супергетеродин* — *superheterodyna*, *суперорбитон* — *superortikon*, *супернапалм* — *supernapalm*, *суперрефракция* — *superrefrakcja*, *суперэмитрон* — *superemitron* и т.п.

Важно отметить формальные отличия при лексическом освоении, обнаруживаемые в ходе анализа, а именно: несовпадения, характерные для медицинской терминологии в области морфологии с характерными показателями категории рода (*супергетеродин* (*м.р.*) — *superheterodyna* — (*ж.р.*)), фонетические несоответствия (в русск. начальное *г* — в польск. *h*), в обоих языках заимствование из греческого *heteros*. Однако и в области терминологии обнаружили некоторые расхождения и ассиметрия, в польском языке этот префикс заменяется

префиксом *nad*, добавляясь к исконной основе, в русском *супер*-присоединяется к иноязычной: *суперпаразитизм* — *nadparaszytństwo*, *суперсекреция* — *nadczynność*, *супероксид* — *nadtlenek*. Обратим, однако, внимание на примеры несовпадений обратного рода, которых больше: *сверхзвезда* (*астр*) — *supergwiazda*, *сверхмощная крепость* — *superforteca*, *сверх-я* — *superego*, *сверхприбыль* — *superdywidenda*, *сверхзвуковой* — *supersoniczny*.

Для первого примера важно отметить семантическое отличие. *Сверхзвезда* является термином астрономии, лексема *суперзвезда* имеет другое, оценочное, значение. В польском языке и форма, и значение совпадают. В сфере терминологической лексики, таким образом, префикс *супер*- соединяется с иноязычными основами, если же термин — исконное слово, префикс также заменяется на префикс исконный (в польском языке *nad*-, в русском *сверх*-). Добавим еще, что в польском языке мы не нашли слов с префиксом *супер*- в третьем значении («расположенный сверху, над чём-л.»), эквивалентом для префикса с основой исконного происхождения в русском языке (*суперобложка*) будет заимствование из латинского *obwoluta* (фас.). Как показывает исследование, можно отметить растущую роль, с расширением функции и сочетаемости, префикса *супер*-, он присоединяется к разным частям речи, передавая субъективно-оценочное отношение к объекту. К тому же, из английского языка заимствуются слова, в составе которых этот префикс, вносящий значение интенсивности, хотя и присутствует, в заимствующих языках не выделяется, ср.: *супермен* [англ. *superman* букв. *сверхчеловек*] — *superman*, *супермаркет* [англ. *supermarket*] — *supermarket*.

-экстра-|ekstra- [лат. *extra*] — приставка, соответствующая русским *вне...*, *сверх...*, ‘наивысший, необычный, превосходный по качеству’ напр.: *экстраординарный*.

Хотя этот префикс активизируется, особенно в сфере общеупотребительной лексики (присоединяясь к основам исконным), для лексем иностранного происхождения встретились лишь единичные случаи употребления. Это суперлативный префикс, но его значение интенсивности не обнаруживается в терминах, здесь он обозначает «вне»\«*poza*». Материал показал большую активность этого префикса в русском языке, в польском наряду с ним используется *poza*, например: *экстралингвистический* (*внелингвистический*) — *ekstralingwistyczny* (*pozalingwistyczny*), *экстрасенсорный* — *ekstrasensoryczny*, *экстраполяция* — *ekstrapolacja*, *экстраспекция* — *ekstraspekcja*. Среди примеров есть и такие, которые показывают асимметрию приставки в рассматриваемых языках: лексема *экстраординарный* [лат. *extraordinarius* < *extra* вне + *ordo* (*ordinis*) ряд, порядок] имеет в польском языке соответствие *nadzwyczajny*, *wyjatkowy*, *ekstraordynaryjny* в словаре дается с пометой *устарелое*. Для медицинских терминов заметно употребление заимствований в русском языке при исконности терминов в польском:

экстравазат [экстра... + лат. vas сосуд] — *wylew rozapaczyniowy*,
экстрапирамидная система — *rozapiramidowy system*.

Собранный нами материал позволяет утверждать, что префиксы, выражающие интенсивность, характеризуются разной степенью активности, значением, сферой употребления и применением в обоих языках. Как показал анализ, наряду с рассмотренными, активизируются и исконные префиксы с тем же значением, но это явление в большей мере касается русского языка, чем польского (в польском нет синонимии префиксов подобного типа). Обнаруживается некий параллелизм в сфере терминологической лексики, где можно увидеть тенденцию к унификации, явление, характерное для языков последнего времени [16, с. 184], в области общеупотребительной лексики эти префиксы ведут себя согласно системе, в которую входят. Материал показывает также диахронию префиксов, изменения и интернационализацию, которая, как видно, охватывает наряду с другими и словообразовательные элементы. В рамках параллелизма вместе с тем обнаруживаются и отличия, иллюстрирующие особенности исследуемых языков. Более серьезные и основательные заключения требуют дальнейшего анализа и разработок.

Список использованной литературы

- 1. Земская Е. А.** Словообразование как деятельность / Е. А. Земская — М.: Наука, 1992. — 221 с.
- 2. Петрова М. М.** Морфемизация словообразовательных элементов латинского происхождения в русском языке // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: К 140-летию со дня рождения И.А.Бодуэна де Куртенэ: сб. статей / М. М. Петрова. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. — 191 с.
- 3. Waszakowa K.** Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny / K. Waszakowa. — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. — 265 с.
- 4. Wielki słownik wyrazów obcych PWN** / [red.: M. Bańko]. — Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
- 5. Słownik języka polskiego** / [red.: M. Szymczak]. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1994.
- 6. Apanowicz F.** Polsko-rosyjski słownik wyrazów obcych. / F. Apanowicz, B. Nesterowicz. — Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2005. — 328 с.
- 7. Nesterowicz B.** Rosyjsko-polski słownik wyrazów obcych. / B. Nesterowicz, E. Skupińska-Dybek. — Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2002. — 247 с.
- 8. Большой словарь иностранных слов в русском языке.** — М.: ЮНВЕС, 1998. — 784 с.
- 9. Новейший словарь иностранных слов и выражений.** — Минск: Современный литератор, 2005. — 975 с.
- 10. Словарь русского языка** [в 4-х т.] / [общ. ред. А. П. Евгеньева]. — М.: Русский язык, 1984.
- 11. Большой толковый словарь русского языка** / [ред. С.А. Кузнецов]. — Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2004. — 1535 с.
- 12. Mirowicz A.** Wielki słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski w 2 tomach. / A. Mirowicz, I. Dulewiczowa, D. Hessen, R. Stypuła. — Warszawa: Wiedza Powszechna,

1993. **13. Lewicki R.** Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. / R. Lewicki. — Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 2002. — 367 с. **14. Kwiatkowska T.** Polskie ekwiwalenty zapożyczeń w języku rosyjskim (na materiale leksyki religijnej). // Słowo i tekst. T.1. Funkcjonowanie języka. [red. Piotr Czerwiński i Jadwiga Stawnicka]. / T. Kwiatkowska. — Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2008. — 211 с. **15. Kaliszan J.** Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании / J. Kaliszan. — Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1980. — 128 с. **16. Коряковцева Е.И.** Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе (к постановке вопроса) // Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich / [red. J. Koriakowcewa] / Е.И. Коряковцева. — Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009. — 205 с.

Квятковська Т. Паралелізм запозичень у російській та польській мовах (на прикладі іншомовних слів з префіксами *супер-, архи-, екстра-*).

Предмет цього дослідження — префікси іншомовного походження зі значенням інтенсивності у запозичених словах. Матеріалом дослідження стали лексеми польської та російської мов. Аналіз виявив продуктивність деяких типів лексем, симетрію і асиметрію (еквівалентність та її відсутність) у російській та польській мовах, що дозволяє твердити, що ці елементи належать у більшості своїй до інтернаціональних слів. Дослідження показало також зміни у дериваційних процесах останніх років, у тому числі в області аналізованих одиниць.

Ключові слова: префікс, запозичення, інтернаціональні слова, префіксальна деривація.

Квятковска Т. Параллелизм заимствований в русском и польском языках (на примере иностранных слов с приставками *супер-, архи-, экстра-*).

Предметом настоящего исследования являются префиксы иностранного происхождения со значением интенсивности в заимствованных словах. Материалом исследования послужили лексемы польского и русского языков. Анализ показал продуктивность некоторых типов лексем, симметрию и асимметрию (эквивалентность и ее отсутствие) в русском и польском языках, что позволяет утверждать, что эти элементы принадлежат в большинстве своем к интернациональным единицам. Исследование показало тоже изменения в деривационных процессах последних лет, также в области исследуемых единиц.

Ключевые слова: префикс, заимствование, интернациональные слова, деривация префиксальная.

**Kwiatkowska T. Parallelism of Borrowings in Polish and Russian
the Case of Borrowings with *super-*, *archi-*, *ekstra-* Prefixes**

This elaboration aims at analysing prefixes of foreign origin in borrowings operating in Polish and Russian languages. The analysis reveals productivity of some prefixes in Polish and Russian as well as their symmetry and asymmetry (similarities and differences in equivalence) in both languages. These findings confirm that prefixes in majority belong to internationalizations. Presented empirical material shows also some changes that have been taking place over last years in processes of derivation, including within the elements under the research.

Key words: borrowing, derivational formant, prefix, internationalization.

Стаття надійшла до редакції

Прийнято до друку

Рецензент –

УДК 811.161.1'36'373.232

И. Н. Кошман

**ГРАММАТИКА ФАМИЛИЙ НА -КО
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ УКРАИНЫ**

Цель данного сообщения состоит в описании грамматического обустройства украинских фамилий на *-ко* в современных русских текстах Украины. Материалом для исследования послужили тексты русскоязычных газет и журналов, создающихся и издающихся в Украине («Голос Украины», «День», «Зеркало недели. Украина», «Молодогвардеец», «Профиль», «Сегодня»), а также материалы русскоязычных Интернет-ресурсов Украины (korrespondent.net; lb.ua).

В исследованиях русской речи Украины второй половины XX века (В. М. Брицын, В. И. Кононенко, Л. П. Крысин и др.) отмечалось, что морфологический уровень менее других подвергается влиянию украинского языка и, как следствие, наиболее последовательно демонстрирует соответствие нормам кодифицированного языка. В основе такого положения дел лежат лингвистические причины: сходство морфологических систем украинского и русского языков.

Активное перемещение украинизмов разных типов в русские тексты новейшего времени, а также ослабленное влияние кодификационного центра обуславливают специфические тенденции в морфологии русской речи Украины.

Один из таких процессов наблюдается в обширной группе украинизмов-существительных на *-о*, и связан с особенностями их

словоизменения. Особую значимость эта разновидность словоформ приобретает в связи с изменениями структуры ономастического пространства: в новейший период в центре ономастического пространства оказывается значительное количество украинизмов — собственных имен. В их числе — весьма многочисленная группа украинских фамилий, оканчивающихся на *-ко*.

Вопрос о грамматическом статусе украинских фамилий на *-ко* является предметом активного обсуждения в работах, посвященных проблемам русской морфологии [1, с. 55; 2, с. 506; 3, с. 54—62; 4, с. 80; 5, с. 237]. Отмечается, что эти словоформы имеют особый статус в системе русского словоизменения.

И. П. Мучник описывает их в составе одной из трех групп существительных с неизменяемым морфологическим составом [1, с. 45].

Л. П. Калакуцкая пишет, что фамилии на *-ко* принадлежат к тому типу имен, которые отражают динамику изменений в грамматической системе языка в течение относительно короткого временного отрезка (100–150 лет). По ее мнению, направление морфологических трансформаций свидетельствует о постепенном переходе этих словоформ из склоняемого типа в несклоняемый: фамилии на *-ко* перемещаются от склонения по парадигме женского рода в XIX веке к преимущественной несклоняемости, начиная с 20-х годов XX века [3, с. 55—58]. Особую значимость приобретает замечание Л. П. Калакуцкой и о том, что склонение фамилий на *-ко* по парадигме существительных среднего рода «нельзя рассматривать как литературно-нормативное. Не поддержано оно и литературной традицией» [3, с. 62].

Анализируя морфологию метропольной русской речи новейшего времени, М. Я. Гловинская фиксирует «радикальное» решение описываемой проблемы — «для современного литературного языка официальной письменной нормой признается несклоняемый вариант» [5, с. 237].

Русские публицистические тексты¹ новейшего времени в Украине обнаруживают несколько иную картину. Нормативные варианты фамилий на *-ко* (несклоняемые словоформы) конкурируют в них со склоняемыми вариантами, которые к тому же представлены двумя типами парадигм:

П а д е ж	(1)	(2)
И.	-о	-о
Р.	-и	-а
Д.	-е	-у
В.	-у	-а
Т.	-ой	-ом
П.	-е	

Существование наряду с неизменяемым вариантом еще двух вариантов словоизменения иллюстрируют, например, контексты:

Родительный падеж: (1) *Для этого нужно только сковырнуть мэра действующего, в представлении **Ткаченки**, видимо, — фигуры крайне слабой и зависимой* (М 2011, № 36);

(2) *В приемной генерального директора то и дело переключали в никуда, а мобильный телефон самого Александра **Башенка** упорно не отвечал* (ЗНУ 2012, № 10);

Дательный падеж: (1) *Народ всего «**Чапаева**» раздергал на анекдоты; «**Пархоменке**» такой успех даже не снился* (М 2011, № 36);

(2) *Резьба для него достаточно прибыльное дело, что теперь пану **Терещенку** очень на руку...* (Д 2007, 24.07);

Винительный падеж: (1) *А памятник — это «инвестиция» персонально в **Ткаченку*** (М 2011, № 37);

(2) *Гетман Павел Скоропадский повысил **Оскилка** до чина капитана...* (П 2007, № 18);

Творительный падеж: (1) *...**Кравченко**, чтобы ему не было одиноко, имеет полное право разделить ответственность со своим замом **Ткаченкой*** (М 2010, № 6);

(2) *...А «они» не будут мешать львовянам «зачитываться» не только **Лубкивским** и **Танюком**, но и **Шевченком**, **Франком**, **Коцюбинским**, **Стефаником** и т. д.* (Д 2010, 2.07).

Очевидно, что первый из вариантов — с парадигмой, равной (исключая форму именительного падежа) русскому склонению на *-а*, можно вслед за Л. П. Калакуцкой считать «памятью о склоняемости этих фамилий в литературном языке» [3, с. 58]. Второй же из выделяемых вариантов представлен парадигмой, не имеющей соответствия в кодифицированном русском языке, — в русском языке вообще отсутствуют номинации для лиц мужского пола, оканчивающиеся в именительном падеже на *-о*.

Причиной появления этого второго варианта в письменной речи² является влияние украинского языка, в котором фамилии на *-ко*, соотносящиеся с лицами мужского пола, последовательно изменяются — по типу имен существительных второго склонения [7, с. 105; 8, с. 123]. Система окончаний в парадигме, представленной как вариант 2, соответствует украинскому набору окончаний — не зафиксированы в ней только вариантные окончания дательного и предложного падежей *-ові*, не имеющие аналогов в русском языке.

Статус фамилий на *-ко* как изменяемых единиц поддерживается также вариантами множественного числа: *...по крайней мере, убедить поклонников бокса, что пока ты в Кабмине, **Клички** будут крушить вражьи скулы с тем же чемпионским результатом?* (С 2009, 21.06); *А потому хозяйничают в нашем доме, как хотят, **колесниченки** и колесниковы, **бондаренки** и табачники* (ЗНУ 2012, № 22).

Тенденция к изменяемости украинских фамилий на *-ко* отчетливо проявляется и в речи Интернета. В материалах различных жанров интернет-журналистики, ориентированных на письменное общение и, следовательно, на нормы кодифицированного русского языка, — расширенных новостях, комментариях, интервью различных типов, аналитических статьях, портретах — склоняемые формы украинских фамилий на *-ко* достаточно частотны. Например³:

Д а т е л ь н ы й п а д е ж : (1) *Но нужен ли кому-нибудь Гриценко в Харькове? Думаю, что нет. Это Гриценке нужен допциар* (<http://blogs.korrespondent.net>); *За одно то, что их отшили, Гриценке с Бурятом надо ордена дать...* (<http://blogs.korrespondent.net>);

(2) *Юценку и Кравчуку история дала возможность переломить жуткую историю нашей страны* (<http://blogs.lb.ua>); *Правда некоторые говорят, что Кличку и не надо что-то уметь самому, за него будут все делать советники* (<http://blogs.korrespondent.net>);

Т в о р и т е л ь н ы й п а д е ж : (2) *Естественно, не обошли вниманием в разговоре с Кличком и «языкового» вопроса* (<http://lb.ua>); *А я со своими воевать не буду — ни с Тягнибоком, ни с Юценко, ни с Гриценком, ни с кем* (<http://korrespondent.net>); *Сообщалось, что травма спины, полученная британским супертяжем Дэвидом Хэем на тренировке незадолго до боя с украинцем Владимиром Кличком за чемпионские пояса по версиям WBO и IBF, не позволит ему выйти на ринг раньше последней декады июля* (<http://korrespondent.net>).

Говоря об особенностях коммуникации в Интернете, Н. Б. Мечковская подчеркивает ее гибридный характер: «Интернет-общение привело к нейтрализации самой глубокой оппозиции типов речи — устной и письменной. В чатах, интернет-форумах, блогах, гостевых книгах и электронных письмах продуцируются тексты, которые соединяют в себе свойства обоих типов речи» [9, с. 441].

В работах по морфологии русской речи Украины второй половины XX века (В. М. Брицын, В. И. Кононенко) отмечается, что склоняемые формы фамилий на *-ко* представлены в устном общении, и это оценивается как своеобразный признак русской речи Украины. В русской речи Украины новейшего времени, фиксируемой различными жанрами Интернета, которые имитируют устное общение, склоняемые формы чрезвычайно активны. В этом сегменте Интернета отчетливо выражена конкуренция несклоняемых (кодифицированных) и склоняемых форм фамилий на *-ко*. Распространенность разных типов склоняемых вариантов иллюстрируют следующие контексты:

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж : (1) *Завод Ненужных вещей: А улицу Петьки Симоненки не нарисовали?* (<http://korrespondent.net>);

Из AutoUA: *Хватит с меня мороза, литвина, тигипки... А так хоть зрелище будет бомба!* (<http://korrespondent.net>);

(2) *moregoodnews*: *Как говорил один комментатор... Из башки Кличка выбили меньше мозгов перчаткой чем у Шевченка мячом...* (<http://korrespondent.net>);

german stremezki: *Так в распоряжении Ющенко были научные материалы (горы материала) после многочисленных арх. раскопок...* (<http://blogs.korrespondent.net>);

Сергій Каплін: *Алла, еще хочу вам предложить одно справедливое издание (по типу советского) — сайт ПР и Тигунка...* (<http://blogs.lb.ua>);

Д а т е л ь н ы й п а д е ж: (1) *Helenka Ivanishevich*: *Ну, спасибо тигунке, власть наконец-то готова к какому-то конструктиву* (<http://korrespondent.net>);

black cot: *Димон, ты бы ещё Ющенко пожаловался, ей богу, как дети в песочнице* (<http://lb.ua>);

(2) *missis Hudson*: *Почему бы Ющенко, Турчинову и великому адвокату Власенку не озаботиться ИХ судьбой?!* (<http://korrespondent.net>);

Злой но не очень: *Купить такой билет Колесниченку, пускай едет...* (<http://korrespondent.net>);

В и н и т е л ь н ы й п а д е ж: (1) *Серж Промис*: *Надо бы Тигунку разочаровать ещё раз!* (<http://korrespondent.net>);

(2) *Судья Дред*: *Сколько бы Королевская или Кличко теперь не кричали о том, что нужны изменения, в них видят второго Тигунка* (<http://blogs.korrespondent.net>);

Гордая Птичка: *сичас бодем за боксера Ломаченка* (<http://korrespondent.net>);

Т в о р и т е л ь н ы й п а д е ж: (1) *Нас уже покращило: Это и есть ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КУЛЬТУРА, которую защищают кидалов с калесниченкай?* (<http://korrespondent.net>)

(2) *Roman Vorobyov*: *Победа над Кличком — верный билет в Высшую лигу, а поражение — поражение бренда потенциального чемпиона* (<http://sport.lb.ua>);

Кто-то Другой: *Та ну мне кажется, что с Кличком все те же оранжевые обратно к власти хотят* (<http://lb.ua>).

Таким образом, русские тексты Украины различных типов предоставляют свидетельства того, что воздействие украинской речи способствует закреплению в морфологии русской речи Украины специфических черт. В их число входит и некоторое сужение «зоны анализма» за счет втягивания в орбиту склонения украинских фамилий на *-ко*.

Список использованной литературы и примечания

1. Мучник И. П. Роль несклоняемых существительных в современном именном склонении / И. П. Мучник // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / [отв. ред. М. В. Панов]. — М. : Наука, 1968. —

С. 44—65. **2. Русская грамматика** : в 2 т. / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. — Т. I. — М. : Наука, 1980. **3. Калакуцкая Л. П.** Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке / Л. П. Калакуцкая; [отв. ред. Ф. П. Филин, В. В. Иванов]. — М. : Наука, 1984. — 219 с. **4. Виноградов В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове) : [учеб. пособие] / В. В. Виноградов. — М. : Высш. шк., 1986. — 639 с. **5. Гловинская М. Я.** Активные процессы в грамматике / М. Я. Гловинская // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / [отв. ред. Л. П. Крысин]. — М. : Языки славянских культур, 2008. — С. 187—267. **6. Брицын В. М.** Словоизменение / В. М. Брицын // Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении / [отв. ред. Г. П. Ижакевич]. — К. : Наук. думка, 1981. — С. 266—278. **7. Український правопис.** — К. : Наук. думка, 2005. — 238 с. **8. Зубков М. Г.** Сучасний український правопис: комплексний довідник / М. Г. Зубков. — Х. : ФОП Співак, 2009. — 320 с. **9. Мечковская Н. Б.** История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета : [курс лекций по общему языкознанию] / Н. Б. Мечковская. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 582 с.

¹Как известно, публицистические тексты оперативно воспроизводят то, что появляется в узусе. Им как лингвистическому феномену присущи специфические черты, обусловленные особенностями реализации в них установок на информирование и воздействие. Свойственные публицистической речи подвижность и проницаемость, а также открытость для проникновения некодифицированных языковых элементов обеспечивают возможность отражать своеобразные языковые тенденции.

²В. М. Брицын фиксирует активность этого словоизменительного варианта (для фамилий на -ко) в устной русской речи Украины [6, с. 277].

³Контексты из Интернета не редактируются.

Кошман І. М. Граматика прізвищ на -ко в сучасному російському мовленні України

У статті йдеться про особливості функціонування українських прізвищ на *-ко* в російських текстах України новітнього часу. На матеріалі текстів різних типів (публіцистичних, інтернет-журналістики тощо) відзначається активізація відмінюваних варіантів прізвищ на *-ко*. Відмінювані варіанти представлені двома парадигмами, висхідними до російського та українського типів словозміни. Конкуренція кодифікованого та відмінюваного варіантів є відмінною рисою російського мовлення України. Активізація відмінюваних варіантів свідчить про деяке звуження зони аналітизму в російському мовленні України.

Ключові слова: українізм, система відмінювання, власне ім'я.

Кошман И. Н. Грамматика фамилий на -ко в современной русской речи Украины

В статье описываются особенности функционирования украинских фамилий на -ко в русских текстах Украины новейшего времени. На материале текстов различных типов (публицистических, интернет-журналистики и т. п.) отмечается активизация склоняемых вариантов фамилий на -ко. Изменяемые варианты представлены двумя типами парадигм, восходящими к русскому и украинскому вариантам словоизменения. Конкуренция кодифицированного и склоняемых вариантов является отличительной чертой русской речи Украины. Активизация изменяемых вариантов свидетельствует о некотором сужении зоны аналитизма в русской речи Украины.

Ключевые слова: украинизм, система склонения, собственное имя.

Koshman I. The Grammar of Surnames Ending with -ko in Modern Russian Language in Ukraine

The article describes the functioning of Ukrainian surnames ending with the suffix -ko in contemporary Russian texts of Ukraine. Analyzing texts of different genres (e.g. newspaper, Internet, etc.), the author registers the rising frequency of declinable variants of surnames with the suffix -ko. The declinable variants are represented by two paradigms, which go back to Russian and Ukrainian inflection. The competition between the codified and declinable variants is a characteristic feature of the Russian speech of Ukraine. The rising popularity of declinable variants indicates a certain narrowing of the range of analytism in the Russian speech of Ukraine.

Key words: Ukrainian inclusions, paradigm, inflexion, proper name.

Стаття надійшла до редакції

Прийнято до друку

Рецензент –

ХРОНИКА

ХІ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО» (ЛУГАНСК, 17–26 МАЯ 2012)

ХІ Международная конференция «Дискурсология: язык, культура, общество» проведена в инновационном формате. Причины разные. Но есть главная — желание расширить круг общения через использование новых форм контента и связанных с ними способов реальной интерактивности.

Интернет-конференция относится к числу новых, но достаточно активно развивающихся во всём мире форматов общения представителей научных сообществ. Достоинства коммуникативной новации несомненны: экономятся средства и время, информация любого рода быстро распространяется, возникают новые, не запланированные, но весьма полезные контакты, наиболее плодотворные идеи участников начинают резонировать — укрепляется необходимая для развития любой науки диалогичность, утверждается значимость *impact-online* (*impact* здесь не в значении цифрового рейтингового показателя, а в значении «влияние», «воздействие», «распространение»).

Через соответствующие тематике конференции интернет-сайты была проведена рассылка информационного письма, что естественным образом увеличило возможности расширения научных контактов.

Особенно важен факт существования сайта конференции (www.da.21.luguniv.edu.ua), который включает ряд информационно-познавательных рубрик (*новости, материалы конференций, видеоматериалы, форум, программа конференции, архив, бэкграундер кафедры* и нек. др.) и постоянно пополняется актуальной информацией. Так, на сайте в процессе формирования списка участников последовательно размещались поступающие в редакцию статьи с тем, чтобы до начала конференции сформировалось необходимое для дискуссий проблемное поле. Связь между научным действием и временем его восприятия сокращается.

Актуальная информация о заявленных в программе конференции проблемах размещалась также на персональном сайте д. филол. н. Л.Н. Синельниковой (lara-nics.luguniv.edu.ua). Записи в гостевой книге сайта свидетельствуют о проявленном интересе к научно-методическим действиям кафедры.

К числу важных новационных форм работы можно отнести общение с участниками конференции с использованием системы *Skype* и в варианте видеотрансляции докладов. Видеоматериалы, в том числе заявленный в программе мастер-класс профессора Л.Н. Синельниковой,

представлений в мультимедійному форматі, розміщені на сайті конференції і на каналі YouTube Impactonline21.

В той или иній формі в інтернет-конференції прийняли участь учені, представляючі різні країни, міста, університети і наукові школи (Київ, Луганськ, Дніпропетровськ, Запоріжжя, Сімферополь, Волгоград, Краснодар, Ростов, Челябінськ, Белгород, Барнаул, Ставрополь, Омськ).

Була заявлена наступна проблематика інтернет-конференції:

Дискурси XXI століття: епістемологічні, соціально-психологічні, лінгвокомунікативні і прагматичні ознаки.

*Інституціональні дискурси (складившіся і складаються).
Продолення інституціональності.*

Ціннісна орієнтація дискурсів і дискурсивних практик в глобалізуючому світі. Лінгвістика інтернет-дискурсу.

Гендерна дискурсологія в жанрово-стильовому вираженні.

Когнітивний аналіз дискурсу: концепти, метафоричні моделі, фрейми, паттерни.

Дискурсологія і функціональна стилістика: умови і можливості адаптації.

Дискурсивна семантика мовних одиниць.

Дискурс-аналіз, його проєктивні зв'язки з типом дискурсу. «Зони неопределенності» в дискурс-аналізі.

Дискурсивна особистість vs. Мовна особистість.

Учасники конференції представили різні позиції і підходи до дискурсу, позначили багато нових аспектів дискурсологічних дій в області не тільки мовознавства і літературознавства, але і в цілому в гуманітарних науках. За матеріалами конференції випущено два збірники наукових праць загальною об'ємом 24,4 печ. л. Статті обох збірників розміщені на сайті конференції.

І дуже важливо: ми почали конференцію з того, що поштили пам'ять двох її постійних учасників: чудового філолога, носителя традицій високої академічної науки, професора Марка Веніаміновича Теплинського і філософа, професора Володимира Фомича Лобаса.

Дискусія по представленим на конференції матеріалам пройшла в формі круглого столу, учасники якого представили свій погляд на проблеми дискурсології.

Професор Л. Н. Синельникова

**Круглый стол
«Дискурсология: от настоящего к будущему»**

Участники:

Лара Николаевна Синельникова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Владимир Ильич Карасик,

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия).

Евгений Александрович Кожемякин,

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и связей с общественностью НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия).

Елена Ивановна Панченко,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (г. Днепропетровск, Украина).

Татьяна Борисовна Трошева,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар, Россия).

Екатерина Алексеевна Абросимова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (г. Омск, Россия).

Яна Олексіївна Бондаренко,

кандидат філологічних наук, доцент, докторант кафедри германської і фіно-угорської філології Київського національного лінгвістичного університету (м. Київ, Україна).

Ирина Александровна Соболева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Гигла Паршаванович Джинджолия,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Валентина Александровна Розсоха,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Элла Викторовна Минаева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Татьяна Александровна Пономарёва,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Елена Владимировна Грищенко,

аспирантка кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Андрей Владимирович Розсоха,

аспирант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, преподаватель международного образовательного центра «Инглиш Фёст» (г. Жангжиаганг, Китай).

Игорь Сергеевич Масленников,

аспирант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Артём Алексеевич Шмаков,

ассистент кафедры современного русского языка и речевой коммуникации филологического факультета Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия).

Ирина Витальевна Матросова,

аспирантка кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Вопросы для обсуждения:

1. Какие достижения в области дискурсологии и дискурс-анализа можно считать особо значимыми для современной гуманитарной науки и современного общества?

2. Помогает или мешает развитию соответствующего научного знания широкое (аморфное) и не достаточно упорядоченное применение понятия «дискурс»?

3. Каковы перспективы развития дискурсологического знания — теоретические (фундаментальные) и практические?

Л. Н. Синельникова: На одном из интернет-форумов я прочитала запись молодого «интеллектуала»: «А что, дискурс ещё не плюсквамперфект?» И внутренне ответ получился не категоричным: многие исследователи используют модный термин, мало согласуя его с рассматриваемым материалом и, главное, не предлагая тех алгоритмов интерпретации, которые проявляют операциональность дискурс-анализа, ориентированного не на декларацию междисциплинарности, а на выявление системно проявленных свойств объекта, обнаруживающих его сущность и объясняющих существование. В то же время дискурсологический подход инициировал множество научных открытий в области текстопорождения, связей языка и культуры, языкового мышления и языкового сознания и т.д. Благодаря дискурсологическим исследованиям общество получило важную информацию о собственном бытии, о типах коммуникативного поведения в институтах власти (политический дискурс), в сакральных сферах (религиозный дискурс), в учебно-образовательных действиях (педагогический дискурс), в пространстве художественной коммуникации (художественный дискурс), в виртуальном пространстве (интернет-дискурс) и т.д. Эти исследования вывели современную науку на новый уровень развития. Дискурсология — не просто междисциплинарный проект, но возможность новой жизни исследователя, включившего своё сознание в широкий мир смыслов в их инвариантности и вариативности.

Л. Н. Синельникова. Вопрос В. И. Карасику:

Можно ли считать фиксируемые дискурсологами динамические процессы в современном коммуникационном пространстве, изменения в жанровых конвенциях и дискурсивных практиках фактами преодоления институциональности дискурсов?

В. И. Карасик: Лара Николаевна, я думаю, это — ключевой момент в развитии и типов современного дискурса, и типов институциональности. Если говорить о демократизации общения как ведущей коммуникативной тенденции, то можно констатировать появление новых признаков институциональности, не всегда явных для посторонних, но важных для своих: шеф и подчиненный общаются как

равные, но у вышестоящего есть «фора» на изменение темы общения, на шутку, на несколько большую свободу коммуникативного поведения в целом. Есть и другие тенденции, которые нужно изучать, и очень хорошо, что в Луганском университете ведутся масштабные исследования дискурса.

И. А. Соболева. *Вопрос В. И. Карасику:*

Мы с большим вниманием и удовольствием послушали видеозапись Вашего доклада (мы так часто Вас цитируем, и возможность понять рождение мысли и осознать обобщающие формулировки дорогого стоят).

Вопрос: *Вы сказали: «Общение шире, чем дискурс». Почему? Ведь дискурс способен отразить все виды общения.*

В. И. Карасик: Спасибо! Для меня терминологически дискурс — это вербальное общение, следовательно, существует и невербальное общение. Когда мы говорим об устном дискурсе, то предполагаем, что в нем есть и элементы невербального общения, но акцентируем именно вербальный способ коммуникации.

Л. Н. Синельникова. *Вопрос Е. А. Кожемякину:*

Евгений Александрович, Вы сделали первую запись в гостевой книге моего персонального сайта, за что я Вам очень благодарна. Очень мягко по форме, но твёрдо по позиции Вы сказали, что важен эпистемологический подход к анализу дискурса. Если можно, определите суть такого подхода.

Е. А. Кожемякин: Базовое допущение эпистемологического подхода к анализу дискурса состоит в том, что всякое познание и всякая коммуникация осуществляются в форме дискурса. Знание конституируется дискурсом или является его эффектом. То, *что* и *как* мы знаем, детерминировано способами тематизации, классификации, описания и иерархизации объектов, которые мы определяем как реальные, а эти способы не являются врождёнными, они «встроены» в исторически, культурно и социально специфичные модели дискурса — «дискурсивные формации», как определял их Мишель Фуко. Дискурс как предмет исследования в таком понимании — это не столько особый аспект общения или самоманифестации, сколько фундаментальное — если не единственно значимое — условие производства знания. Всё, что мы знаем, предопределяется преимущественно содержанием и структурой дискурса. Например, есть существенные различия в содержании и формах знания о «здоровье» в медицинском и религиозном дискурсах, о «государстве» — в политическом и юридическом дискурсах, о «человеке» — в художественном и педагогическом дискурсах, о «новости» — в журналистском и промоцийном дискурсах и так далее. Более того, знание в юридическом дискурсе представлено в форме принципов и постулатов, в художественном — в виде образов, в философском — в виде понятий, в публицистическом — в виде концептов и т.п. Высказывание «здоровье — это отсутствие

соматических патологий» в религиозной коммуникации будет расценено как неверное или неточное знание, а использование в художественном дискурсе точных понятий будет расценено как свидетельство ограниченного знания или невозможности широкого, творческого познания. Знание имеет дискурсную природу, и задачей исследователя является попытаться определить, каковы условия и границы того, что мы считаем нормальным, естественным, допустимым.

Для эпистемологического подхода в дискурсных исследованиях характерен отказ от субъект-объектного подхода к трактовке познания, в соответствии с которым есть некоторое автономное Я как инициатор познания, уже знающее, что и как познавать, и есть некоторое автономное Оно, служащее источником знания. Напротив, в рамках эпистемологического подхода к дискурсу полагается, что понимание и знание являются скорее продуктами *коммуникативной ситуации*, а не исключительно семантических структур или психических процессов. С этой особенностью связана также ориентация дискурс-анализа на изучение *актуальных, а не потенциальных* сообщений. Важна не столько предзаданность сообщений уже существующими правилами, а их реализация в определенных условиях как одних из ряда возможных. В этой связи одной из задач дискурс-анализа является социально-эпистемологическая установка на определение степени социальной и политической предвзятости текстов, степени их включенности в определенный (профессиональный, политический, идеологический) контекст и в совместное конструирование смыслов коммуникантами. Дискурс-анализ в таком измерении представляет собой в высшей степени «полевую», максимально приближенную к естественным коммуникативным процессам научно-исследовательскую процедуру.

Попытаюсь сформулировать основные исследовательские вопросы, характерные для эпистемологического — а точнее, социально-эпистемологического подхода к изучению дискурса: каковы социальные факторы знания, производимого в дискурсной практике? что и в связи с какими социальными условиями признается истинным знанием в различных дискурсах? кто признается экспертом в тех или иных дискурсных практиках и в связи с какими социальными и культурными обстоятельствами?

Л. Н. Синельникова: На нашей конференции были прочитаны два доклада, посвящённые ироническому дискурсу. Мой вопрос адресуетя обоим авторам — **Е. И. Панченко** и **А. В. Розсохе**.

Вопрос: Можно ли говорить о существовании иронической картины мира? Какие для этого есть основания? Только ли языковые виды и средства реализации иронии или что-то ещё? Ментальность всегда так или иначе соотносится с вербализацией.

Е. И. Панченко: Вероятно, можно говорить об ироническом преломлении картины мира, и в этом преломлении основную роль играет индивидуальное восприятие мира. Не случайно, Л. М. Салмина говорит

об иронической картине мира Д. Донцовой, Я.С. Матвеева — об иронической картине мира К. Воннегута и т.п.

Хотя словари фиксируют определенные слова с пометой «ирон.», нам представляется, что значительно большее количество лингвистических средств могут служить выражению иронии, однако тот или иной автор использует их с позиций своей когниции, отражая свои мысли, свое видение ситуации, человека и т.п. В этом проблема неадекватного восприятия иронии реципиентами. Примером может служить творчество бесконечно любимого мной Диккенса. Очевидную, на мой взгляд, его иронию далеко не всегда воспринимают не только обычные читатели, но и многие коллеги-филологи. И причина не в восприятии текста, а в восприятии мира. По моему глубокому убеждению, только ироническое преломление картины мира способно примирить мыслящего человека с самим миром.

А. В. Розсоха: Действительно, ирония непосредственно связана с механизмом человеческого мышления, поэтому можно говорить о существовании иронической картины мира. Ироническая картина мира существует не только в отдельно взятых ремарках автора, но, прежде всего, в его отношении к миру и к самому себе. Вербальная реализация данного отношения представляет собой лишь внешнее выражение иронического взгляда на мир.

В ситуативной, вербальной и текстовой иронии автор поднимается над описываемой ситуацией и относится к объекту иронии с некоторой долей несерьёзности и внешним безразличием. Если такое отношение к отдельным вопросам перенести на себя и окружающих, у человека сформируется особый взгляд на мир, где переосмысливаются общепринятые ценности и модели мышления. Ироническое мировоззрение является, таким образом, своеобразным отношением к окружающей действительности и может быть связано с безысходностью, с желанием индивида разрешить ситуацию в более мягкой форме (дружеская шутка воспринимается адресатом гораздо легче, чем напрямик высказанное замечание), оптимистическим взглядом автора на мир (юмористическая сторона иронии), желанием не вступать в конфликт, а лишь подчеркнуть абсурдность сложившейся ситуации и заставить адресата самого задуматься над той или иной проблемой.

Вопрос о том, насколько такое мировоззрение искусственно, является амбивалентным. Если рассматривать ироническое мировоззрение как роль, которую человек выбирает для себя, то подлинность и искренность этого мировоззрения определяется тем, насколько глубоко человек вживается в эту роль, является ли она для него чем-то наносным, временным, или же он живёт этой ролью.

Ироническое мировоззрение как «отношение ко всему миру вообще» достаточно глубоко рассматривается в работах известного немецкого философа, ученика Мартина Хайдеггера Отто Фридриха Больнова, одну из которых я могу порекомендовать для

всех, кто заинтересовался этим вопросом: Bollnow O. Fr. Schriften: Die Ehrfurcht; Wesen und Wandel der Tugenden / Otto Friedrich Bollnow. — Würzburg : Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 2009. — 285 S.

В. А. Розсоха: Коммуникации в Интернете меняют многие традиционные лингвистические понятия и категории; в Интернете на глазах меняется содержание понятий «ортологическая норма», «культура общения», «повседневная речь», «элитарная культура» и многие другие.

Вопрос ко всем, хотя в большей мере к Е.А. Абросимовой и А. А. Шмакову: *Значит ли, что будущее общество будет иметь свой набор когнитивно-поведенческих моделей, не согласующихся с традициями общения, предписаниями этикета, структурой диалога и т.д.? Мир завоевывают блоги и твиттеры, для которых нет (или почти нет) жанровых конвенций и речевых предписаний.*

Е. А. Абросимова: Исследование именно тематических виртуальных сообществ, объединяющих людей по интересам, показывает, что в них складываются определенные традиции общения, этикетные нормы (причем чаще императивного, а не рекомендуемого характера), а также своеобразные жанровые реализации.

Так, в сообществах любителей собак необходимо поздравлять тех, кто выкладывает высокие выставочные оценки своего питомца; желать «хороших выставочных ручек», «пап и мам», «вкусной косточки и мягкой постельки» щенкам, которые предназначены для продажи; писать ритуальные фразы при известии о смерти животного («беги по радуге, малыш», «счастливой охоты», «мягких облачков»).

Жанровые конвенции можно назвать, например, такие. В отчете о выставках принято указывать полную кличку собаки, ее родителей, владельца и заводчика, класс, эксперта, давшего оценку. В сообществах догхантеров (людей, истребляющих бродячих собак по идеологическим соображениям), жанр рассказа об убийстве собаки принято маскировать под жанр «рассказа о сне». В форумах планирующих беременность (сообщества «хочушек») забеременевшая участница должна использовать специальный жанр ритуального «чихания» (считается, что это приносит удачу остальным) и уйти в форум для будущих мам.

По-видимому, тематические комьюнити — гораздо более ритуализированные виртуальные образования, нежели твиттер или блог, так как либо соотносятся с реальной социальной средой, либо формируют собственную структуру, ценности, стратегии, язык.

А. А. Шмаков: Вполне возможно, что в будущем именно так и будет, поскольку не все нормы поведения (в том числе и речевого), привычные обществу, могут быть перенесены в новую коммуникативную среду, которую представляет собой Интернет. Безусловно, на первых порах поведение пользователей контролировалось и контролируется по большей части и по сей день традиционными установками, однако идет процесс становления новых норм и правил поведения в виртуальной среде. Это можно наблюдать на примере таких

форматов общения в Сети, как форум и блог, в рамках которых общение протекает с соблюдением определенных, пока еще не писанных конвенций.

И. С. Масленников: Да, безусловно, будущее нельзя представить без определенных — возможно, даже кардинальных — языковых изменений, поскольку язык не может оставаться в стороне от тех или иных процессов, происходящих в обществе, ведь язык — явление социальное. Однако это не значит, что данные изменения будут носить революционный, а главное, массовый характер.

Кодифицированный литературный язык останется эталоном правильного русского языка, закрепленным в соответствующих актах, и все нововведения будут лишь дополнять, а вовсе не замещать нормативный язык.

Л. Н. Синельникова: А я ещё приведу афоризм в тему: «Новое — это забытое старое, помноженное на Интернет».

Л. Н. Синельникова: В нескольких докладах ставилась цель обозначить дискурсивные требования к субъекту диалогической коммуникации (доклады **Я. А. Бондаренко, И. С. Масленникова** и др.).

Вопрос: *Можно ли считать достижением дискурсивного подхода возможность описания диалогического дискурса по субъекту, предмету и форме? Каковы перспективы такого рода описания?*

И. С. Масленников: Принимая во внимание то, что дискурс предполагает систему, а также то, что он обладает свойством целостности, имеет внутреннюю организацию, форму, к нему применимы понятия вида, жанра и стиля, мы полагаем, что в целом можно согласиться с тем, что возможность описания диалогического дискурса по субъекту, предмету и форме является достижением дискурсивного подхода. Перспективы такого рода описания определяются ситуацией общения и способностью адекватно интерпретировать диалогический дискурс, получая при этом качественную обратную связь.

Э.В. Минаева: Прозвучал доклад о гендерной атрибуции (**И.В. Матросова**), в котором были названы векторы, направления такого рода атрибуции, в числе которых — реакция категории рода на гендер.

Вопрос: *Можно ли считать, что слова «жигистка», «анарексичка» и подобные свидетельствуют о дискурсивной семантике грамматического значения рода?*

И. В. Матросова: Спасибо за вопрос, уважаемая Элла Викторовна. Безусловно, Вы правы. На наш взгляд, данные примеры свидетельствуют как раз о дискурсивной семантике грамматического значения рода. Более того, мы можем говорить даже о таком явлении, как гендерный дискурс, все признаки которого, такие как адресат и адресант, место, время и др. языковые категории, могут быть также проиллюстрированы соответствующими примерами.

Продолжая Ваш ряд примеров, хотелось бы добавить такие: «эрудиты и эрудитки», «рекордистки», «милицейки», «охранники и охранницы», «коллеги и коллежанки», «оскароносица». Следует также отметить, что количество гендерно маркированных примеров употребления формы рода растет на глазах. Причем, по мнению специалистов в области гендерной лингвистики, эта тенденция осуществляется подчеркнуто последовательно, и род приобретает значение феминатива (женского наименования лица), назначение которого, на наш взгляд, утвердить равноправие через преодоление негендерной нормы — нормы, закрепленной за мужской картиной мира.

Г. П. Джинджолия. *Вопрос Е. В. Грищенко:* *Можно ли считать категорию соборности анахронистической? Судя по проведённому Вами эксперименту, мы недооцениваем способности нашей молодёжи чувствовать и ценить высокие жизненные смыслы.*

Е. В. Грищенко: Категорию соборности нельзя назвать анахронистической. Это подтверждают данные проведённого нами эксперимента. Концепт *соборность* квалифицируется как одно из проявлений русской ментальности и занимает значимую позицию в русской концептосфере. Концепт *соборность* мы относим к этнокультурным, устойчивым концептам. Этот концепт несколько модифицировался, однако, судя по результатам эксперимента, сохранил свои основные признаки. Репрезентации концепта способствует концепт *совместность*, который является как универсальным, так и этноспецифическим, ключевым концептом русской культуры.

Результаты эксперимента показали, что концепт *совместность* является чрезвычайно актуальным для современной молодёжи. Он не только сохранился в сознании современных молодых людей, но и приобрёл новые характеристики. Зафиксированные реакции значительным образом расширяют интерпретативное поле концепта, подтверждают его взаимосвязь с другими концептами в русской концептосфере.

В.А. Розсоха. *Вопрос А.А. Шмакову:* *Поликодовые и креолизованные тексты — одно и то же или есть отличительные признаки?*

А.А. Шмаков: На мой взгляд, креолизованные и поликодовые тексты не одно и то же. Это как две накладывающие друг на друга матрицы, при помощи которых можно описывать текст. Вопрос о креолизованности текста возникает, когда мы говорим о том, что текст содержит в себе элементы объективно разных семиотических систем. Поликодовым же текст становится, если при его создании используются разные коды или эти коды могут быть «прочитаны» в тексте в процессе его восприятия. Как один код может содержать элементы разных семиотических систем, так и поликодовый текст может быть или не быть креолизованным.

Л. Н. Синельникова. *Вопрос Я. А. Бондаренко:*

Яна Алексеевна, как Вы решаете проблему несоответствия концептуальных картин мира профайлеров и преступников и как ее решают персонажи исследуемых Вами кинотекстов?

Я. А. Бондаренко: Спасибо за вопрос. Следует оговорить тройную призму анализа исследуемого материала: объектом анализа предложенной статьи является когнитивная деятельность профайлеров, анализирующих ценностную картину мира и мотивацию преступника и составляющих на их основе его психологический портрет-профиль. С другой стороны, моделируемая в кинотекстах когнитивная деятельность персонажей является продуктом когнитивной деятельности автора сценария. Несмотря на некоторую условность результатов подобного анализа, он позволяет раскрыть определенные механизмы вербализации когнитивной деятельности языковой личности.

Что касается персонажей-профайлеров, они решают проблему асимметрии своих концептуальных картин мира и концептуальных картин преступников с помощью стратегии эмпатизирования, о чем свидетельствует уже название телесериала «Мыслить как преступник». Однако, если традиционное понимание эмпатии предполагает прежде всего сопереживание, вчувствование, другими словами, вхождение в эмоциональное состояние и — шире — эмоциональный мир Другого, профайлеры в данном телесериале входят не только в эмоциональный, но и в когнитивный мир предполагаемого преступника и пытаются воссоздать своеобразную логику и целесообразность его поступков.

Л. Н. Синельникова: *Не считаете ли Вы, что используемый Вами термин «языковая личность» несколько устарел, а понятие «дискурсивная личность» более соответствует проведённому Вами анализу?*

Я. А. Бондаренко: Я знакома с термином «дискурсивная личность» и признаю его большую точность по сравнению с термином «языковая личность», но на сегодняшнем этапе исследования продолжаю пользоваться традиционным термином «языковая личность», введенным Ю. Н. Карауловым еще в 1987 г., наполняя его новым содержанием. Следует упомянуть также о существовании еще одного термина-синонима — коммуникативной личности, но если термин «дискурсивная личность» расширяет традиционное понимание языковой личности, то термин «коммуникативная личность» его наоборот сужает.

Л. Н. Синельникова: Выбор конкретного термина из ряда синонимов часто определяется вкусовыми предпочтениями определенной научной школы.

И. С. Масленников: *Яна Алексеевна, почему Вы выбрали в качестве материала исследования именно американские кинотексты, ведь их интеллектуальность носит довольно условный характер? Не кажется ли Вам более перспективным объектом анализа камерное кино? С другой стороны, многие российские телесериалы превосходят*

американские, в частности, российские телесериалы «Семнадцать мгновений весны», «Участок».

Я. А. Бондаренко: Спасибо за вопрос. Выбор материала диктовался не только его соответствием специальности 10.02.04 — германские языки, но и акцентом исследуемых кинотекстов именно на вербализации коллективной когнитивной деятельности персонажей. В этом плане американский телесериал «Мыслить как преступник» отвечает задачам исследования гораздо лучше, чем, скажем, российский многосерийный телефильм «Семнадцать мгновений весны», в котором изображается скорее внутренний мир героев, чем выведенная в коммуникацию когнитивная деятельность.

Л. Н. Синельникова: Видимо, есть основания считать, что массовое кино позволяет проанализировать некоторые когнитивные универсалии. В этом плане перспективным может оказаться применение лингвокультурологического подхода.

Я. А. Бондаренко: Я с Вами полностью согласна. С моей точки зрения, о когнитивных универсалиях более правомерно говорить с опорой на массовое кино, нежели на элитарное артхаусное, которое в первую очередь является продуктом самовыражения сценариста и режиссера. Что касается применения лингвокультурологического подхода, это является одним из аспектов предлагаемого исследования, в частности, нами анализируется использование профайлерами прецедентных феноменов в процессе когнитивной деятельности.

Вопрос Л.Н. Синельниковой от нескольких участников Круглого стола:

В программу конференции включён Ваш доклад «Нанолингвистика: реальность существования». Его слушали члены кафедры. Но публикации по этой теме в сборнике нет. А любопытство к проблеме нанолингвистики есть.

Л. Н. Синельникова: Видеодоклад по интересующей вас теме размещён на сайте конференции и на YouTube. Я сказала всё, что на данный момент могу сказать о нанолингвистике, хотя продолжаю работать над проблемой и нахожу всё новые и новые возможности нанолингвистических подходов к разнообразному дискурсивному материалу. Я также очень рада тому, что в докладе Т. А. Пономарёвой «Явление транспозиции в современном поэтическом тексте» есть примеры, абсолютно подтверждающие приоритет нанолингвистических трансформаций в авангардной поэзии.

Г. П. Джинджолия. Вопрос Э. В. Минаевой:

Очень интересный по подбору материала доклад. Как Вам кажется, Интернет-мотивы будут «нарастать» в современных дискурсивных практиках (например, в публицистике) или они останутся идиостилевым признаком поэтических рефлексий?

Э. В. Минаева: Влияние иформатизации на общество в целом, и на язык в частности, приобрело глобальный характер, что проявляется в

разных типах дискурса и на разных его уровнях. Особенно это выражено в дискурсе Интернет-коммуникации, разговорном дискурсе, где можно увидеть глубинные изменения языкового сознания современного человека. Если говорить о публицистике, прежде всего, хотелось бы отметить появление так называемой Интернет-журналистики с её высоким уровнем обратной связи и в то же время с низкой подконтрольностью и ответственностью за транслируемую информацию. Нейтральные компьютерные термины в публицистике метафоризируются, приобретают коннотативное значение, например, заголовок статьи: *«Матрица власти: перезагрузка»*, и в самой статье: *модератором процесса выступает премьер автономии Василий Джарты, поэтому депутаты ВР Крыма попросту ждали, какой алгоритм им предложит Совмин*. Приведем в качестве примера также лид (первый вводный абзац публикации, содержащий опорный факт сообщения) из статьи, опубликованной на сайте Фокус.иа: *Организация Объединенных Наций призвала международное сообщество искать «способы мирного сосуществования» в киберпространстве с целью предотвращения глобальной кибервойны*.

И все же для меня как исследователя особый интерес представляет поэтический дискурс. Именно там, по словам Натальи Александровны Фатеевой, «в рядах и «кругах» слов и их мельчайших делений в рамках стихотворной матрицы рождается концепция «еще не бывшего состояния мира». Осмысление поэтом мира при помощи языка есть ответ мира, осмысливающего сам язык». У поэта особый взгляд на мир, и мир по-особенному вглядывается в поэта.

Можно предположить, что многовекторная информатизация дискурсов будет нарастать, и это связано с возрастающей ролью и стремительным развитием информационных технологий.

В. А. Розсоха. Вопрос И. А. Соболевой:

В формулировку темы Вашего доклада «О нарушении конвенций в употреблении языка. И не только...» включена парцеллированная конструкция «И не только». Что Вы имеете в виду? Что не досказано, но важно в рассматриваемой Вами проблеме?

И. А. Соболева: Уважаемая Валентина Александровна, Вы совершенно верно обратили внимание на недосказанность в заголовке моего доклада, реализованную с помощью парцелляции.

С помощью этого классического приема мне хотелось подчеркнуть универсальность процессов, о которых идет речь, и которые я метафорически называю «временем нарушения конвенций». Эскалация агрессии, нетерпимость к инакомыслию, искажение образа события, неприятие чужой позиции, проявляющиеся в нарушении морально-этических норм (или конвенций), характерны не только для украинского медиадискурса, но и для всего украинского социума. Печально, что наша журналистика не противодействует этим деструктивным социально-

психологическим процессам, а, наоборот, делает все для популяризации и упрочения антагонистических настроений в обществе.

Г. П. Джинджолия. *Вопрос Т. Б. Трошевой:*

Ваши примеры, подтверждающие влияние «разговорности» на такой строго регламентированный дискурс, как религиозный, убеждают во всеобщности процессов демократизации общения. А способна ли «высокость» религиозного дискурса оказать влияние на коммуникативно-речевую культуру, или общество принципиально не способно реагировать на высокий слог как актуальный для языкового сознания?

Т. Б. Трошева: Нет необходимости в том, чтобы высокий слог стал востребованным в повседневной коммуникации. Однако важно, чтобы носители языка (особенно молодежь, чья речь вызывает тревогу) были способны воспринимать (и — в идеале — использовать в уместных случаях) весь стилевый спектр литературного языка. Активность православной церкви и доступность церковного слова в наше время формируют в обществе представление о православном дискурсе, вернувшем к полноценной жизни процветавший в XVIII в. высокий стиль речи, как о явлении «обычного» порядка, как о неотъемлемой составляющей духовной культуры современного общества.

Конечно, молодежь в большинстве своем лишь эпизодически сталкивается с церковно-религиозной сферой жизни, не увлекается чтением церковных печатных изданий и просмотром телепередач с участием священнослужителей. Однако в работе со студентами сделать что-то в этой области все же удастся. В нашем (Кубанском аграрном) университете вводятся новые дисциплины «Основы православной этики», «Основы религиозной нравственности». Преподаватели кафедры русского языка организуют встречи студентов с деятелями православной церкви (лекции, конференции, пастырские беседы), с представителями организации «Православная молодежь Кубани» и учащимися Екатеринодарской духовной семинарии (тематические вечера, диспуты, совместные учебные занятия). И мы видим результаты этой работы. Так, об одной встрече студент факультета ветеринарной медицины написал: «...У отца Симеона глаза светятся добротой. Это удивительный, особенный человек, хотелось слушать его и слушать...». А если слушают, значит слышат. Значит, воспринимают прекрасную литературную речь, впитывают высокий слог религиозного дискурса, оценивают богатейшие коммуникативные возможности современного русского языка.

И. А. Соболева. *Вопрос В. А. Розсохе:*

В вашем выступлении представлен новейший материал, свидетельствующий о развитии текстологии. Можно ли (и каким образом) использовать этот материал и в целом Ваши наблюдения в учебном процессе? При изучении каких курсов?

В. А. Розсоха: Спасибо Вам за вопрос, Ирина Александровна. Ответ однозначный: конечно, этот материал может быть использован в учебном процессе.

Во-первых, понятие текстографии является более широким, родовым по отношению к вошедшим в активный словарь в разное время видовым терминам: стихография, стихографика, ропалический стих и каллиграмма. С этими терминами мы познакомились ещё в школьном курсе литературы. Вспомним, хотя бы «Опыты по метрике и ритмике...» В. Брюсова («Жизнь — игра желаний мимолетных...» и др.); каллиграммы (графические стихи) французского поэта Гийома Аполлинера и его последователей, среди которых Андрей Вознесенский, Павел Сергеев и др.

Во-вторых, визуализация текста позволяет «увидеть» его содержание, передаёт эмоциональную напряжённость текста и устанавливает более тесный психологически-информационный контакт между адресатом и адресантом.

Новое, креативное прочтение текста с помощью текстографии позволяет глубже проникнуть в структуру оригинального текста и расширить его контекст.

Э. В. Минаева. Вопрос Т. А. Пономарёвой:

Александр Левин — единственный поэт, демонстрирующий такую меру частеречной транспозиции? То есть это сугубо идиостилевое явление или уже закономерность? Возможна ли нанолингвистическая интерпретация представленного Вами стихотворного материала?

Т. А. Пономарёва: Современная поэзия обладает некоторым набором типологических признаков, которые отличают ее от традиционной поэзии. Частеречную транспозицию можно считать одним из таких признаков. Утверждать это позволяют наблюдения над современными поэтическими текстами. Можно назвать поэтов, в творчестве которых это явление особенно частотно. Это Евгений Мякишев, Наталья Азарова, Сергей Бирюков и некоторые другие.

Думаю, что современную поэзию (если не абсолютно всю, то, наверное, ее значительную часть) возможно интерпретировать с позиций нанолингвистики. Обусловлено это новаторскими чертами, которые свойственны современной поэзии. Те поэтические примеры, которые приводились, — ярчайшая иллюстрация нанолингвистических трансформаций.

Л. Н. Синельникова. Вопрос Е. А. Абросимовой: *Екатерина Алексеевна, я знакома со многими Вашими работами, поскольку Омская научная школа мне близка по духу и по персоналиям. Спасибо за интересную статью. Мой вопрос касается понятия комьюнити как социальной структуры в Интернете. Эта структура как-то соотносима с социальной структурой вне Интернета? Может быть,*

такой вопрос не имеет смысла, и тогда можно говорить о двух непересекающихся реальностях — реальной и виртуальной?

Е. А. Абросимова: Уважаемая Лара Николаевна, мне невероятно приятно, что Вы проявляете интерес к моим работам и работам моих коллег, ведь мы все учились по Вашим книгам и статьям! Попробую ответить на вопросы.

К настоящему времени в социологии и философии сложилось два представления о сетевом сообществе. Согласно первому сетевое сообщество — это социальная структура, перенесенная в виртуальный мир, то есть комьюнити продолжает функционирование и развитие этой структуры. Второе представление связано с раздвоением общества с момента изобретения Интернета: виртуальное сообщество рождается именно в Сети и существует по своим, особым законам, а традиционное общество идет по своему пути.

На мой взгляд, стоит прислушаться к Н. К. Тальнишних, который в своей диссертации *Культура «сетевых сообществ»* выделил два типа сетевых сообществ: «реально-виртуальные» и «виртуально-реальные». Первый служит в качестве дополнительного, технически продвинутого средства для успешного функционирования группы, уже сложившейся в социуме. Второй возникает и развивается собственно в киберпространстве, приобретая относительную самостоятельность от социума.

К реально-виртуальным я бы отнесла, например, сообщество любителей собак, зоозащитников, фанатов какой-то футбольной/хоккейной команды, то есть людей, уже сформированных в социальную группу. Так, жаргон кинологов существует и вне Интернета, хотя в виртуальном мире он получил новый виток развития. При этом есть определенные традиции, правила, этикетные формулы, появившиеся именно в Сети.

К виртуально-реальным, на мой взгляд, можно отнести материнские форумы (только с появлением Интернета такая большая, весьма аморфная часть населения получила возможность объединиться, выработать общие ценности, правила, этикет, создать специфический жаргон). Сообщества чайлдфри, как и догхантеров, видимо, тоже относятся к виртуально-реальным, ведь по сути это речевая реакция на виртуальные же сообщества (материнские и зоозащитников).

Л. Н. Синельникова: Задать вопрос Екатерине Алексеевне меня подвигли два обстоятельства: во-первых, знакомство со статьёй «Запросы и ожидания студентов, выпускников и работодателей относительно медиаобразования и медиасферы» («Медиадискурс и проблемы медиаобразования», Омск, 2011), в которой, в частности, рассматриваются вопросы медиакомпетенции, во-вторых, собственные преподавательские наблюдения за состоянием языкового сознания студентов. Несколько примеров диалогов, которые могут

свидетельствовать об особенностях языковых предпочтений «фейсбукского поколения»:

— *Симка глючит.* — *Скажи поприличнее: СИМ-карта работает некорректно.* — *Зачем?*

— *Она прошаренная.* — *Возражаю против «прошаренная».* — *Ну, она знающая, опытная, но это не точно.*

— *Деградат.* — *На себя посмотри.* — *Что?! — Энтропия ходячая!*

Переводить со сленга на литературный язык иногда не столько не хотят, сколько просто уже не могут. Оптимизма этот факт не вызывает: происходят существенные изменения в когнитивной сфере носителей языка. Но причины и последствия изменений нуждаются в изучении и понимании того, что нужно и можно изменить, а что принять как данность.

Благодарю всех участников Круглого стола. Надеюсь, что наша небольшая дискуссия полезна всем участникам и что заявленные проблемы и предложенные возможности их рассмотрения получат развитие в последующих встречах и контактах.

ПАМ'ЯТИ УЧЕНОГО, КОЛЛЕГИ, ДРУГА

19 апреля 2012 года ушел из жизни замечательный филолог Марк Вениаминович Теплинский.

В память о нём мы публикуем эту статью.

УДК 929Дружбинский:81

Валерий Дружбинский

**С САХАЛИНА — В ГАЛИЧИНУ:
«ДОБРОВОЛЬНАЯ» ССЫЛКА¹**

С судьбой нельзя договориться. Человек делает, казалось бы, все от него зависящее, чтобы жизнь сложилась как можно прямее, да и таланта, работоспособности, целеустремленности ему не занимать. Но судьба оказывается сильнее. Как говаривал капитан Лебядкин, «я хотел бы именоваться Эрастом, но принужден носить грубое имя Игната». И как хорошо, что есть, все-таки есть люди, которые вопреки всем коварным перипетиям судьбы добились своего, вышли победителями. Один из них — Марк Вениаминович Теплинский.

Марк Вениаминович и Татьяна Константиновна
с любимым котом Федором.

«Опять-таки, мне повезло!»

Родился в сентябре 1924 года в Полтаве. Отец работал на железной дороге весовщиком, мать — санитаркой. Родители обожали

своего первенца. В 1932-м Марк пошел в школу, а через полгода... умер отец.

Время было страшное. Голодная смерть косила целые села, не щадила ни колхозников, ни единоличников, ни стариков с детьми. И те, кто был еще жив, кто мог передвигаться — шли и ехали в город, в Полтаву, в надежде, что их накормят, помогут. Но в сам город крестьян не пускали — они умирали на вокзальной площади. Тот голодомор оставил после себя миллионы безымянных могил. (А ведь нет, не должно быть таких идей, которые стоили хотя бы одной человеческой жизни!) А еще в это время свирепствовал сыпной тиф. Отец умер внезапно — от того ли ужаса, который творился вокруг, от голода или от тифа — теперь уже никто не узнает.

Начались мытарства. Не всегда у матери была работа, а значит, жили впроголодь, перебивались как могли. Но мальчик рос, стал пионером, затем — комсомольцем. То было время, когда молодежь самозабвенно верила в то, что созидает новую жизнь, что творит историю. Не знала, не понимала, вернее, не разрешалось ей знать и понимать, что все происходящее вокруг — вовсе не история. А пышный спектакль, часто фарс, не имеющий к их весьма трудной жизни, да и к жизни вообще ни малейшего отношения. А взрослые тем временем получали от свиноматок по двенадцать поросят, садились на трактора, осваивали «агрозоотехническую науку, выпестованную великим Сталиным»... И были довольны жизнью, считали, что лучшей и быть не может.

Началась война. Девятиклассник Марк Теплинский вместе с мамой срочно эвакуировался в Сталинградскую область. Теплушка, скудный паек, тяжелая работа. Но родня, жившая в Саратове, да и просто добрые люди помогли перебраться в этот город. И Марк пошел работать на завод.

В это время в Саратов эвакуировались Московский Художественный театр, Московская консерватория, Ленинградский университет. Однажды Марк узнал, что университет приглашает на учебу не только закончивших десятилетку, но и тех, у кого за плечами лишь 9 классов. «Да, так я, живя в Саратове, стал ходить на занятия в Ленинградский университет. Как говорят у нас на Галичине: „Так си стало“». Так сложилось. А я бы сказал, что мне опять-таки очень повезло», — говорит Марк Вениаминович сегодня.

В 1944-м, когда была снята блокада, Марк вместе с университетом переехал в Ленинград. Там он получил персональную стипендию имени Грибоедова и, в результате, диплом «с отличием».

Вне сомнений, это был лучший вуз страны. Прекрасные помещения и оборудование, отличное общежитие, опытные преподаватели — университет имел абсолютно все для учебы, для науки. А сам ректор Александр Алексеевич Вознесенский пользовался непререкаемым авторитетом не только у преподавателей и студентов,

но и в городе, даже в стране. Скорее всего потому, что его родной брат Николай Алексеевич был членом Политбюро, депутатом Верховного Совета, председателем Госплана и зампределителя Совета Министров.

Научной работой Марк Теплинский стал заниматься в 1947 году — писал статьи, подготовил кандидатскую диссертацию. Но в это время по всей стране началась кампания борьбы с «безродными космополитами». Она не оставляла сомнений в том, против кого направлена. Неслучайно тогда появилось присловье: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом».

Кто-то советовал Марку Вениаминовичу затаиться, переждать смутное время, но на кафедре русской литературы Ленинградского университета был брошен клич «Марка надо спасти!» И спасли. Назначили ему весьма именитых оппонентов — двух докторов наук, один к тому же был еще и членом-корреспондентом Академии наук. Московский ВАК не смог устоять...

Что касается любимого университета, то он вскоре попал в немилость. По сфабрикованному «Ленинградскому делу» был расстрелян член Политбюро Н. Вознесенский и двумя часами позже — его родной брат, ректор этого вуза.

Марк Теплинский уехал в Петрозаводск, в Карельский пединститут.

«Бежал бродяга с Сахалина...»

Являясь ассистентом, затем преподавателем кафедры литературы, Марк Вениаминович писал монографии, учебные пособия. Но чувствовал, что запрограммирован на большее. Так он стал в 1953-м заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы Южно-Сахалинского пединститута — в европейской части страны при наличии «пятой графы» устроиться было невозможно.

В течение 16 лет он читал студентам курсы по русской литературе XIX века, теории литературы, спецкурсы и спецсеминары по творчеству Некрасова, Чехова, А. Островского... Награжден медалью «За трудовую доблесть», нагрудным знаком «Отличник народного просвещения».

Но самое главное — он мог всласть заниматься наукой. Защитил докторскую диссертацию. Написал капитальный труд «А.П. Чехов на Сахалине», а также множество статей и монографий по истории литературы и литературоведению.

Целое поколение выросло с тех пор, и далеко не каждый может представить себе то время. Еще не состоялся XX съезд, где разоблачался культ личности, но признаки обновления были во всем. Дошли они и до Сахалина. И каждый как бы открывал для себя заново этику и эстетику. Словно первобытный человек вдруг узнал, что есть какие-то заповеди, что нравственность — это что-то не зависящее от воли партии и даже интересов рабочего класса. Что литература имеет право на собственную жизнь. Страна повзрослела, открылись двери, исчезли

занавески на окнах... Но вряд ли кто знал тогда, что на смену «оттепели» придет совсем другая погода.

Сам же Марк Вениаминович (как он теперь признается) никогда не испытывал ни малейших сомнений в законности и справедливости советской внешней политики. Принимал как должное и ситуацию в Венгрии, и сооружение Берлинской стены. В то время многие умные люди пытались слиться с обстоятельствами, добровольно отказаться от сомнений... Но к событиям в Чехословакии, к Пражской весне 1968 года Марк Теплинский отнесся с живым сочувствием, а появление советских танков на улицах Праги принял как катастрофу. И говорил об этом достаточно открыто. Тут появилась еще одна «идеологическая заноза» — Александр Солженицын. Еще не так давно весь мир зачитывался его «Одним днем Ивана Денисовича». Но независимая позиция писателя привела к резкому неприятию его творчества всей официальной пропагандой. Между тем новые произведения Солженицына в многочисленных копиях распространялись по всей стране. Попали они и на Сахалин.

В это самое время — новый виток «охоты на ведьм», борьбы с инакомыслием. И начались первые гонения — «попались» на чтении и обсуждении солженицынской прозы два молодых преподавателя, работавших на кафедре Теплинского. Он всячески защищал и отстаивал ребят, как нужных вузу специалистов. Не помогло. Их вынудили уволиться и срочно покинуть остров. «А коммунист и завкафедрой Теплинский куда смотрел? Ему не уйти от ответственности!» Дело приобрело настолько широкую огласку, что по всем пединститутам Союза был разослан секретный(!) приказ об «идеологической диверсии», произошедшей на кафедре литературы Южно-Сахалинского госпединститута. А пусть другим будет неповадно!

Сперва Марк Вениаминович получил строгий выговор за развал идейно-воспитательной работы на кафедре. Но этого оказалось мало. Когда он лег в больницу (стало пошаливать сердце), то тут же (по распоряжению первого секретаря обкома партии) была образована специальная комиссия, которая вынесла решение о том, что он абсолютно здоров. «За неоправданное пребывание в стационаре» он получил второй строгий выговор и уже с занесением в учетную карточку. Понятно, что до исключения из партии был один шаг, а там (вполне возможно) делом могло заняться и КГБ. Марк Вениаминович вспоминает: «Пришлось быстро собраться и покинуть остров. Есть старинная песня „Бежал бродяга с Сахалина“. Это, оказалось, обо мне. Мое светлое будущее было тогда весьма туманным».

Любимый город

Приехал в самую отдаленную от Сахалина точку — в Одессу, благо здесь были друзья, и семья — он, жена и двое детей — хотя бы могла перевести дух.

Как-то одна знакомая сказала, что Ивано-Франковский пединститут нуждается в кадрах. «А вдруг повезет?»

В том, 1970 году, в Ивано-Франковске было три института: нефти и газа, медицинский и педагогический. В первых двух доктора наук уже работали, а в педагогическом — только кандидаты и ни одного доктора. Ректор от такой несправедливости явно комплексовал и поэтому был рад приезду Теплинского. «Я сказал ректору, что у меня, увы, два полноценных партийных выговора, а хорошему человеку достаточно и одного. Но он ответил: „Я сумею уговорить Добрика“.

И действительно, Виктор Федорович Добрик как первый секретарь обкома, желая собрать в области лучшие кадры, дал согласие на зачисление Теплинского в штат института и закрыл глаза на „все эти интеллигентские штучки сахалинского доктора“. Мол, у нас идеология и воспитательная работа на высоте, и никому не позволено оступиться. Так Марк Вениаминович стал заведовать кафедрой русской и зарубежной литературы. Правда, он поначалу энергично отбивался, убеждал ректора, что лучше отсидеть пару-тройку лет простым преподавателем. Но ректор был тверд: «Добрик дал „добро“, а он у нас — железо».

Марк Вениаминович очень любит этот город — тихий, уютный, доброжелательный, имеющий свое особенное архитектурное лицо, свою атмосферу, своих обитателей. «Оказалось, к моему дикому изумлению, у нас в Ивано-Франковске тоже на улицах случаются киевские пробки. А ведь была милая провинция».

Постепенно сложился состав кафедры, в основном — из учеников самого Марка Вениаминовича. Сейчас здесь работают два доктора наук, несколько кандидатов. В Ивано-Франковске Марк Вениаминович написал несколько научных книг, в том числе «Страницы истории украинской литературы». В ней и о записях в дневнике Тараса Шевченко о Николае Некрасове, и сравнительная творческая характеристика В. Стефаника и А. Чехова, и анализ сонетов А. Мицкевича в переводе М. Рыльского... Предмет гордости Марка Теплинского — учебники по русской литературе для украинских школ, написанные совместно с Юрием Ибрагимовичем Султановым. Общий тираж этих книг для 9-х и 10-х классов превысил миллион экземпляров. «Это какой-то махровый интернационализм: один автор — еврей, другой — азербайджанец, а написали они русские учебники для украинских школьников», — смеется Марк Вениаминович.

Сейчас он — почетный профессор Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника, и 1 сентября начнется 64-й год его вузовской работы. По-прежнему преподает, по-прежнему неустанно трудится — просто вечный двигатель какой-то! «Знаете, если бы я эти последние 40 лет находился не в Украине, а в России, то, уверен, во многом бы не состоялся», — слова Марка Теплинского.

И Чехов, и Некрасов, и Дорошевич...

Марк Вениаминович говорит, что его всегда окружали удивительные люди. К примеру, в Ленинградском университете спецкурс для студентов вел Василий Десницкий — человек во многих отношениях неординарный. Достаточно сказать, что он был членом РСДРП чуть ли не с 1898 года и давним другом Горького. Когда в 1918 году Горький издавал оппозиционную по отношению к большевикам газету «Новая жизнь», то одним из сотрудников этого издания был Десницкий. Несмотря на указание ЦК РСДРП, он Горького не оставил, за что и был исключен из партии. Быть исключенным из партии в 1918 году — это, как теперь говорят, очень круто. К всеобщему удивлению, не был репрессирован, хотя сажали и за гораздо меньшие грехи. У него была уникальная библиотека, открытая для студентов, в которой можно было увидеть даже автограф Наполеона...

Университетский профессор Владислав Евгеньев-Максимов, который оппонировал при защите Теплинским кандидатской, был однокурсником Александра Блока и в разговоре называл великого поэта — Сашей.

На Сахалине Марк Вениаминович дружил с доцентом Андрузским, прадед которого был связан с Тарасом Шевченко. Андрузский любил рассказывать, как его, еще мальчишку, однажды погладил по голове сам Плеханов...

Марк Теплинский переписывался с Ильей Эренбургом, Ольгой Книппер-Чеховой и сестрой Антона Павловича — Марией Павловной, видным мхатовцем Марком Прудкиным, писателями Владимиром Лидиным и Львом Никулиным, художником Борисом Ефимовым...

Его связывает многолетняя переписка и дружба с Корнеем Чуковским. Началось с того, что приехав на Сахалин в 1953 году, Марк Вениаминович стал изучать историю пребывания на острове А. Чехова и известного в свое время журналиста В. Дорошевича. Но в статье Чуковского «Антон Чехов», напечатанной в журнале «Москва», говорилось, что чеховская книга «Остров Сахалин» «ни на что не пригодилась. Никакого общественного резонанса она не вызвала». Теплинский посчитал такую оценку ошибочной и подробно написал об этом автору статьи. Чуковский ответил: «От души благодарю. Действительно, книга „Остров Сахалин“ трактуется мною неправильно... Я, конечно, исправлю свой промах, на который Вы так верно (и так своевременно) указываете».

Познакомившись с рядом новых исследований Теплинского, Чуковский писал летом 1959 года: «Честь Вам и слава. Если бы из Питера и Петрозаводска Вас не „сослали“ бы на остров Сахалин, никогда бы не знали его (Чехова) письма к генералу Кононовичу, и вообще тема „Чехов и Сахалин“ осталась бы надолго под спудом». И через два года: «Еще раз повторяю: как хорошо, что Вас, именно Вас, „сослали“ на Сахалин».

Собственно, работа на Сахалине подтолкнула Марка Теплинского к изучению творчества и Власа Дорошевича, который в 1903 году выпустил объемную книгу очерков «Сахалин». Описаны там похождения известной в свое время аферистки Соньки Золотой ручки, а также высокопоставленных в прошлом лиц — баронессы-поджигательницы, гвардейского офицера-убийцы и многих других «знаменитых» преступников.

Люди, лично знавшие Дорошевича, присылали Теплинскому воспоминания о нем. Приведу фрагмент из написанного тем же Чуковским: «...Я работал в газете Дорошевича «Русское слово», встречался с ним в Ленинграде (мы были соседями), был у него однажды вместе с Горьким, который навещал его во время его болезни (они ведь сблизились в ту пору, когда в «Русском слове» печаталось «Детство» Горького), видел его за три дня до смерти на Петроградской стороне (он умер от прогрессивного паралича).

Но неизгладимее первые впечатления о нем. Я был болен скарлатиной, мне было лет 12. Вдруг в «Одесском листке» (а не в «Одесских новостях», как Вы пишете) объявление, что из столицы приезжает знаменитейший писатель Вл. Дорошевич, который будет печатать фельетон «За день». Это было колоссальной литературной сенсацией. Каждый день мне доставали «Одесский листок» — и я с тем восторгом, с каким читают величайшие произведения искусства, читал эти фельетоны — необыкновенно талантливые. До сих пор помню его поэму «Кому в Одессе жить хорошо». Потом, когда я подрос, я постарался увидеть своего кумира. Увидел его в Александровском парке. Он сидел и ел мороженное в павильоне, а мы, его обожатели, стояли вокруг в благоговейном молчании. Он сидел не один, а с издателем «Одесского листка» В.В. Навроцким. Так как Дорошевич писал свои фельетоны под общим заглавием «За день», про него и Навроцкого рассказывали такой анекдот:

Навроцкий спросил:

— Какая разница между Дорошевичем и уличной девкой?

И сам же ответил: та берет деньги за ночь, а Дорошевич за день.

Тогда в свою очередь спросил Дорошевич:

— Какая разница между уличной девкой и Навроцким?

Навроцкий задумался.

— Не знаю.

— Я тоже не знаю, — ответил Дорошевич.

Помню отъезд Дорошевича на Сахалин, обставленный очень помпезно. Помню, как мы ждали очередного «Одесского листка», где печатались его корреспонденции. Вам, конечно, нужно изучить «Одесский листок» тех лет...»

К слову, Дорошевич вошел в журналистский фольклор. Когда, к примеру, его просили дать хотя бы имя свое в список сотрудников одной белогвардейской газеты, он, отказавшись, заявил: «Я не хочу оспорить своего некролога». Его выражение: «Писатель имеет цену только до тех пор, пока ноги его стоят на родной земле».

Интересно, что свою докторскую диссертацию Марк Вениаминович посвятил собственно не литературе, а истории журналистики. Известно, что после закрытия журнала «Современник» Н. Некрасов взял в аренду (тогда это было возможным) журнал «Отечественные записки». 20 лет Некрасов редактировал «Современник» и 10 лет — вплоть до своей смерти — «Отечественные записки». И если журнал «Современник» исследован достаточно полно и глубоко, то второй журнал остался малоизученным. Марк Теплинский написал книгу об «Отечественных записках» и подробно рассказал о создании журнала, о цензуре... В книге — своя драматургия, читается она на одном дыхании, хотя это сугубо научный труд, основанный на скрупулезном изучении архивов.

Теплинский убежден и своими научными работами доказал, что даже если бы Некрасов вообще не написал ни единой строки, то вошел бы в историю как выдающийся редактор русской литературы XIX века. Ну кто, кроме Некрасова, осмелился бы в те времена напечатать роман «Что делать?», автор которого сидел в Петропавловке? «Примечательно, когда к 100-летию со дня рождения Александра Твардовского была выпущена почтовая марка, то на ней изображен сам Твардовский и обложка „Нового мира“. И в историю он войдет не как автор „Василия Теркина“, а как великий редактор великого „Нового мира“. Сперва как редактор, а уже затем как замечательный поэт», — комментирует Марк Вениаминович.

Вечные ценности

Литература снисходительна к человеку, она не требует, чтобы он был идеален, но хочет, чтобы у человека был идеал. Короче, литература учит человека быть человеком. Вот почему так важно уже с малых лет привить любовь к литературе. Этому и посвящена вся творческая деятельность Марка Теплинского.

Раньше в Украине собственных учебников по русской литературе не было — дети занимались по книгам, выпущенным в России. В 1996 году такой учебник был написан (М. Теплинский, Ю. Султанов) и выпущен. Он имеет свою особенность — построен на основе воображаемого диалога с учеником. Ведь литература, как учебный предмет, не похожа ни на какой другой. Ни химия, ни математика, ни биология, ни другие подобные дисциплины не подразумевают вкусовую оценку: надо выучить «от сих до сих» и никаких эмоций. А литература как раз требует эмоций. Да, на уроке важно, что говорит учитель, но не менее важно, что говорит ученик. Необходимо подчеркнуть уважительное внимание к мнению учеников-собеседников.

Надо признать — за ними право на собственную точку зрения. Учебник не подменяет собой текст, напротив, всячески стимулирует обращение к нему, побуждая к вдумчивому чтению, без которого не может быть и речи об эстетическом наслаждении — основе восприятия любого искусства, в том числе и искусства слова.

В разные годы массовыми тиражами вышли книги М. Теплинского, посвященные изучению в школе творчества Чернышевского, Чехова, Островского... Русская классика в работах Теплинского всегда рассматривается в связях с Украиной, ее культурой и литературой (украинская тема в творчестве русских писателей, постановка их пьес на украинской сцене, восприятие их произведений и творчества в целом украинскими читателями). Здесь предстают: Шевченко, с одной стороны, увидевший в пьесе Островского «Свои люди — сочтемся!» «сатиру умную, благородную», а с другой, однажды отрицательно отозвавшийся о поэзии Некрасова; Драгоманов, высоко ценивший русских классиков, их принципы народности; Франко, горячо откликавшийся на своеобразных героев Чернышевского и Тургенева и восторгавшийся «Грозой» Островского. В последнее десятилетие Теплинский исследовал проблемы творчества таких украинских писателей, как В. Стефаник, М. Павлык. «Я постоянно повторяю одну и ту же мысль: «После нас остаются только книги и дети. Все остальное — прах. А книги и дети — это наше фактическое бессмертие».

Было бы сердце — печали найдутся

Правда не бывает плохой или хорошей. Да, она может быть горькой, может кого-то обидеть, но ее нельзя ничем заменить, разбавить или подсластить. Правда есть правда. Марк Вениаминович четыре десятилетия связан с кафедрой русской и зарубежной литературы Прикарпатского университета, и его не может не волновать будущее учеников и коллег. Марк Вениаминович: «Ситуация с русским языком в Галичине крайне тяжелая и, честно говоря, оскорбительная. На всю область и на весь Ивано-Франковск осталась одна школа, да и та уже не чисто русская. Чтобы в названии не было слов „с русским языком обучения“, в школе создали несколько польских классов, и теперь она именуется школой с обучением на языках национальных меньшинств.

Спору нет, число желающих обучаться русскому языку с каждым годом уменьшается. А как иначе, если в нашем регионе нет вузов с русским языком обучения. Поэтому родители прагматично полагают, что гораздо проще отдать ребенка в украинскую школу, иначе у него почти не будет шансов получить высшее образование.

В апреле в Прикарпатском национальном университете имени В. Стефаника состоялся Пятый республиканский конкурс студентов Украины на тему: „Русский язык и литература“. Пять лет мы проводим эти конкурсы, и пять лет я являюсь председателем жюри. За все годы никто не прислал нам приветствия даже по факсу: ни министр,

ни областное начальство, ни городское — никто. А ведь к нам приезжают ребята со всех уголков Украины. В апреле было 52 участника. Кроме проведения конкурсов и награждения победителей, вуз сделал все возможное, чтобы дети увидели красоты нашего края, исторические памятники.

Всегда вместе

Жена Марка Вениаминовича — Татьяна Константиновна Завгородняя. Она тоже видный ученый, доктор педагогических наук, профессор. Круг ее интересов — проблемы воспитания, история дидактической мысли в Галичине, исследование творчества галицких педагогов, особенно тех, чьи имена незаслуженно забыты. Автор 225 научных работ, из них десять — монографии. Лауреат областной премии имени Мирослава Стельмаховича.

В их доме — очень доброжелательная атмосфера. Чувствуется, здесь навсегда поселились любовь, сердечность, трогательное внимание друг к другу. «О такой духовной близости, как у нас, мечтают. В четыре утра можем говорить об автореферате, о теме диссертации, о книгах, о монографиях, обо всем на свете. Понимаем друг друга с полуслова. Счастливые люди, хотя у нас на двоих десяток болезней, не меньше», — говорит Татьяна Константиновна.

У него под глазами мешки, но в глубине глаз, несмотря на почтенный возраст, полыхают опасные озорные огоньки. И часто улыбается. Но проникнут таким вселенским спокойствием, что рядом с ним многое кажется мелочным и наносным. Понимаешь, это человек, который свою жизнь, свою судьбу посвятил единственной цели — вписать хотя бы одну страницу, одну строку в этот молитвенник человечества, который называется Литературой.

Примечания

¹Статья напечатана в газете «Зеркало недели. Украина» №17, 13 мая 2011 [Электронный ресурс] / В. Дружбинский. — Режим доступа к ресурсу : http://zn.ua/SOCIETY/s_sahalina__v_galichinu_dobrovolnaya_ssyilka-0918.html.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Джинджолія Гігла Паршаванович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: мовні зміни, пов'язані зі змінами картини світу; мова і культура; прагматистика; сучасний публіцистичний дискурс.

Квятковська Тетяна — кандидат філологічних наук, ад'юнкт Сілезького університету (Польща).

Коло наукових інтересів: семантика, лексикографія, порівняльне російсько-польське мовознавство.

Кошман Ірина Миколаївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри журналістики Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля.

Коло наукових інтересів: функціональна граматика, когнітивна лінгвістика, міжкультурна комунікація

Масленников Ігор Сергійович — асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: психолінгвістика, комунікативна прагматика.

Матророва Ірина Віталіївна — аспірантка кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: гендерний дискурс.

Мінаєва Елла Вікторівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: концептологія, лінгвістична гендерологія, лінгвопоетика.

Пономарьова Тетяна Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвопоетика, когнітивна лінгвістика.

Розсоха Андрій Володимирович — аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: текстологія, іронічний дискурс, міжкультурна комунікація.

Розсоха Валентина Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвістична поетика, лінгвокультурологія, комп'ютерна лінгводидактика.

Синельникова Лара Миколаївна — доктор філологічних наук, професор, завідувача кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: проблеми лінгвістичної поетики, соціолінгвістики, лінгвокультурології, дискурсології, публік рілейшнз.

Соболева Ірина Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства і комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: соціолінгвістика, риторика, мова ЗМІ.

Унукович Катерина Андріївна — аспірантка кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: політичний дискурс.

Червинський Петро Петрович — доктор філологічних наук, професор Сілезького університету (Польща).

Коло наукових інтересів: семасіологія, етносемантика, політичний дискурс, мова ЗМІ, лексикографія, лінгводидактика.

Наукове видання

ВІСНИК
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

№ 24 (259) грудень 2012

Частина I

Відповідальний за випуск:
В. О. Розсоха

Коректори:
Е. В. Мінаєва, Т. О. Пономарьова

Здано до склад. 25.10.2012 р. Підп. до друку 25.11.2012 р.
Формат 60x84 1/8. Папір офсет. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 14,53. Наклад 200 прим. Зам. № 213.

Видавець і виготовлювач
Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.
e-mail: alma-mater@list.ru
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.